

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные исследования.

Humanitates

TYUMEN STATE
UNIVERSITY

HERALD

Humanities Research.

Humanitates

Журнал основан в 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Том 10. № 4 (40)

2024

Vol. 10. No. 4 (40)

Founded in 1998
A quarterly journal

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Главный редактор

И. М. Чубаров, Тюмень, Россия

Редакционная коллегия

*Г. И. Баязитова, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Н. В. Кузнецова, Тюмень, Россия
А. А. Медведев, Тюмень, Россия
Д. М. Нечипорук, Тюмень, Россия
Е. В. Новокрестьянских, Тюмень, Россия
Н. С. Чижов, Тюмень, Россия*

Ответственный секретарь

И. Н. Пупышева, Тюмень, Россия

Редакционный совет

*А. А. Арустамова, Пермь, Россия
Н. Н. Белозёрова, Тюмень, Россия
Т. В. Викторова, Страсбург, Франция
Д. Франческа Вирдис, Кальяри, Италия
Т. Вюни, Пассау, Германия
С. Гартон, Астон, Великобритания
Н. В. Дрожжащих, Тюмень, Россия
А. Г. Еманов, Тюмень, Россия
О. В. Зырянов, Екатеринбург, Россия
Р. Кинг, Сан-Диего, США
С. А. Комаров, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
В. М. Костомаров, Тюмень, Россия
Вяч. С. Кулешов, Тюмень, Россия
Н. В. Лабунец, Тюмень, Россия
П. Марийо, Тулуза, Франция
Е. В. Михалькова, Тюмень, Россия
А. К. Нефёдкин, Белгород, Россия
Н. П. Парфентьев, Челябинск, Россия
С. С. Пашин, Тюмень, Россия
М. Саббатини, Пиза, Италия
Т. Н. Хомутова, Челябинск, Россия
Э. Хиановска-Ключевска, Краков, Польша
Р. Чая, Торунь, Польша
Е. Н. Эртнер, Тюмень, Россия*

ISSN 2411-197X (Print)

ISSN 2500-0896 (Online)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72166 выдано 29 декабря 2017 г. (ранее: ПИ № ФС77-60411 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Издатель/редакция/типография

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Прием статей

vestnik-humanitates@utmn.ru
Публикация статей для авторов бесплатна

Журнал распространяется

В открытом доступе <http://www.elibrary.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>
По подписке Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Editor-in-chief

I. M. Chubarov, Tyumen, Russia

Editorial board

G. I. Bayazitova, Tyumen, Russia
A. V. Kononova, Tyumen, Russia
N. V. Kuznetsova, Tyumen, Russia
A. A. Medvedev, Tyumen, Russia
D. M. Nechiporuk, Tyumen, Russia
E. V. Novokreshchenykh, Tyumen, Russia
N. S. Chizhov, Tyumen, Russia

Executive secretary

I. N. Pupysheva, Tyumen, Russia

Editorial council

A. A. Arustamova, Perm, Russia
N. N. Belozeroва, Tyumen, Russia
T. V. Victorov, Strasbourg, France
D. F. Viridis, Cagliari, Italy
T. Wunsch, Passau, Germany
S. Garton, Aston, UK
N. V. Drozhashchikh, Tyumen, Russia
A. G. Yemanov, Tyumen, Russia
O. V. Zyryanov, Yekaterinburg, Russia
R. King, San Diego, USA
S. A. Komarov, Tyumen, Russia
A. V. Kononova, Tyumen, Russia
V. M. Kostomarov, Tyumen, Russia
Vyach. S. Kuleshov, Tyumen, Russia
N. V. Labunets, Tyumen, Russia
P. Marillaud, Toulouse, France
E. V. Mikhalkova, Tyumen, Russia
A. K. Nefedkin, Belgorod, Russia
N. P. Parfentiev, Chelyabinsk, Russia
S. S. Pashin, Tyumen, Russia
M. Sabbatini, Pisa, Italy
T. N. Khomutova, Chelyabinsk, Russia
E. Chrzanowska-Kluczevska, Krakow, Poland
R. Czaja, Toruń, Poland
E. N. Ertner, Tyumen, Russia

ISSN 2411-197X (Print)
ISSN 2500-0896 (Online)

Founded by

Published, edited and printed by

For article submission

The journal is distributed

University of Tyumen

UTMN-Press
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia
+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

vestnik-humanitates@utmn.ru
No publication charges

Accessed at <http://www.elibrary.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>
Subscription to Russian Post catalogue (No. ПА252)

Содержание

Языкознание

- 6 «Нечто загадочное»: субстантивация прилагательных и причастий после местоимений в русском и немецком языках
Павлова А. В.
- 23 Коммуникативные стратегии в этническом стендап-дискурсе (на материале выступления Ронни Ченга)
Дудкова Д. С.

Литературоведение

Михаил Пришвин: персонализм — эго-документ — экосознание
(к 150-летию со дня рождения М. М. Пришвина)

- 42 М. М. Пришвин и Д. Н. Мамин-Сибиряк: к обоснованию поэтической эко-диэтики
Зырянов О. В.
- 58 Мистическое чувство природы в творчестве М. М. Пришвина в пространстве философско-исторической мысли
Мартьянова С. А.
- 70 Эволюция жанра предисловия в поэтических книгах В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова
Черкасова Е. А., Чубрикова А. Р.
- 87 «Звезда Утренней Зари» Е. Д. Айпина: от повести к роману
Степанова Ю. Н., Комаров С. А.

История

- 100 Петроградская городская дума на пороге Гражданской войны в конце октября — начале ноября 1917 г.: практики восприятия и легитимации насилия
Кондратьев М. А.
- 120 Формы и мотивы богохульства в церковных рассказах про наказание грешников смертью (по материалам православной публицистики конца XIX — начала XX вв.)
Бушueva А. А.

Contents

Linguistics

- 6 “Something mysterious”: nominalization of Russian and German adjectives and participles after pronouns
Pavlova A. V.
- 23 Communicative strategies applied in ethnic stand-up discourse of Ronny Cheng’s comedy
Dudkova D. S.

Literature studies

Mikhail Prishvin and Modernity: Personalism — Ego-Document — Ecoconsciousness
(for M. M. Prishvin’s 150th anniversary)

- 42 M. M. Prishvin and D. N. Mamin-Sibiryak: towards the rationale of poetic eco-dietics
Zyryanov O. V.
- 58 The mystical sense of nature in M. M. Prishvin’s works within the space of philosophical and historical thought
Martyanova S. A.
- 70 Evolution of the foreword form in the poems by V. S. Soloviev and V. Ya. Bryusov
Cherkasova E. A., Chubrikova A. R.
- 87 *The Star of the Morning Dawn* by E. D. Aypin: from novella to novel
Stepanova Yu. N., Komarov S. A.

History

- 100 Petrograd City Duma on the threshold of the Civil War in late October–early November 1917: perception and legitimization of violence
Kondratyev M. A.
- 120 Forms and motives of blasphemy in church stories about “miraculous” deaths: Orthodox publications of the late 19th–early 20th c.
Bushuyeva A. A.

«Нечто загадочное»: субстантивация прилагательных и причастий после местоимений в русском и немецком языках*

Анна Владимировна Павлова

Майнцский университет, Майнц, Германия
Контакт для переписки: anna.pavlova@gmx.de

Аннотация. Несмотря на отсутствие запретов на субстантивацию прилагательных и причастий в русском языке и на продуктивную природу модели субстантивации, окказиональные субстантиваты-прилагательные или причастия относительно редко встречаются в русских текстах, что становится заметно при сравнении с другими языками, такими как немецкий. При сравнении немецких примеров с их русскими переводами, приблизительно в 50% переводов окказиональных субстантиваций прилагательных и причастий в немецком тексте не используются эквивалентные формы в целевом языке. При этом почти все случаи субстантивированных прилагательных в немецком тексте после местоимений — напр., *etwas, einiges, nichts, viel, wenig* и т. п., соответствующих русским неопределенным местоимениям и наречиям вроде *нечто, что-то, кое-что, много, мало* и т. д., — переводятся с использованием полных эквивалентов. Сложности с окказиональными субстантивациями прилагательных в русском и трудности перевода тесно связаны между собой. В статье высказывается гипотеза относительно причин проблемности субстантивации без поддержки местоимений и простоты той же операции при их участии.

Ключевые слова: субстантивация прилагательных, субстантивация причастий, неопределенные местоимения, эквивалентный перевод

Благодарности: Исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

¹ Статья на основе доклада, представленного на VII Международном научном симпозиуме «Русская грамматика: константы, контексты, перспективы» (10–14 октября 2023 г., Тюмень, Россия).

«Нечто загадочное»: субстантивация прилагательных и причастий...

Хотелось бы выразить сердечную признательность Галине Ивановне Кустовой, вдохновившей автора на написание этой статьи, а также поблагодарить рецензентов за ценные критические замечания и дополнения, свидетельствующие о глубоком знании предмета и высоком профессионализме.

Цитирование: Павлова А. В. 2024. «Нечто загадочное»: субстантивация прилагательных и причастий после местоимений в русском и немецком языках // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 6–22. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-6-22>

Поступила 22.10.2023; одобрена 23.11.2024; принята 02.12.2024

“Something mysterious”: nominalization of Russian and German adjectives and participles after pronouns*

Anna V. Pavlova

Johannes Gutenberg University Mainz, Mainz, Germany
Corresponding author: anna.pavlova@gmx.de

Abstract. Despite the absence of prohibitions on nominalizing adjectives and participles in the Russian language and the seemingly productive nature of the nominalization model, occasional nominalizations are relatively rare in Russian texts, which becomes noticeable when compared to other languages, such as German. In approximately 50% of cases of German-to-Russian translations, German occasional nominalizations of adjectives and participles are not translated using equivalent forms in the target language. At the same time, almost all cases of German nominalized adjectives after pronouns — like *etwas*, *einiges*, *nichts*, *viel*, *wenig*, among others, which correspond to Russian indefinite pronouns *нечто*, *что-то*, *кое-что*, *много*, *мало*, etc. — are translated using complete equivalents. The difficulties with occasional nominalizations of adjectives in Russian and the complexities of translation are closely interconnected. This article presents a hypothesis regarding the reasons for the problematics in nominalization without the support of pronouns and the simplicity of the same operation when they are involved.

¹ This article is based on the report presented on the 7th International Scientific Symposium “Russian grammar: constants, contexts, prospects” (October 10–14, 2023, Tyumen, Russia).

Keywords: nominalization of adjectives, nominalization of participles, indefinite pronouns, equivalent translation

Acknowledgements: The research was conducted using The Russian National Corpus (ruscorpora.ru).

I would like to express my heartfelt gratitude to Galina Ivanovna Kustova, who has inspired me to write this article, as well as to thank the reviewers for their valuable critical comments and suggestions, indicating their deep knowledge of the subject and their high professionalism.

Citation: Pavlova, A. V. (2024). “Something mysterious”: nominalization of Russian and German adjectives and participles after pronouns. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(4), 6–22. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-6-22>

Received Oct. 22, 2023; Reviewed Nov. 23, 2024; Accepted Dec. 2, 2024

Введение

Под субстантивацией прилагательных и причастий понимается транспозиция в существительное без использования специальных средств словообразования¹; через транспозицию соответствующее прилагательное или причастие принимает в предложении синтаксическую роль, которую обычно играет существительное. Соответственно, рассматриваются окказиональные субстантивации и их результат — субстантиваты. Не анализируются различия между прилагательными и причастиями в отношении возможности их субстантивации.

Цель представленного исследования заключается в анализе случаев субстантивации прилагательных и причастий после местоимений в русском и немецком языках. Автор ставит задачу выявить, в каких случаях русские субстантивированные прилагательные, появляющиеся после местоимений, переводятся эквивалентными конструкциями на немецкий и наоборот — с немецкого на русский. Исследование также направлено на выяснение причин, почему некоторые окказиональные субстантивации, встречающиеся в немецких текстах, трудно переводимы на русский язык.

Методы исследования включают сравнительный анализ русских и немецких примеров субстантивации. Материалом служат корпусные данные. Сопоставляются русские и немецкие тексты в целях изучения распространённости и особенностей употребления субстантивированных прилагательных и причастий после местоимений, таких как *нечто, что-то, много, мало* и т. д.

¹ Такой способ словообразования именуется также безаффиксной деривацией [Лихтман, 1968].

Постановка проблемы

Окказиональные субстантиваты возникают в результате безаффиксной деривации, или транспозиции.

«[Их] оторванность от определяемого слова, близость выполняемой функции к характерной для имени существительного... создает условия для широкого использования таких форм в собственно предметном значении и, таким образом, их перехода в разряд существительных» [Барахоева, Костоева, 2018, с. 59].

Согласно грамматическим правилам в области словообразования для субстантивации прилагательных и причастий в русском языке ограничений нет, если не считать тенденции образования окказиональных субстантиватов скорее от качественных, чем от относительных прилагательных (однако и это не правило, а лишь тенденция). Каждое прилагательное или причастие в принципе может быть субстантивировано, и в конкретном контексте превращено *ad hoc* в существительное. Субстантивация *ad hoc* используется в основном в четырех сферах коммуникации.

1. Для обозначения конкретных референтов — людей, реже животных, — описанных выше в контексте и получающих в дальнейшем «ярлыки» в виде субстантиватов, являющихся точным или синонимичным повторением одной из названных характеристик, типа *клетчатый, писклявая*, если говорящий не знает или не хочет называть имен. В этих случаях субстантиваты-ярлыки мужского или женского рода.
2. Субстантивация помогает обозначать группы людей (реже животных) по их общему признаку: *страждущие, вернувшиеся* (множественное число, неконкретно-референтное употребление номинации). Обобщенное неконкретно-референтное обозначение групп возможно и путем использования субстантивированного прилагательного в единственном числе, обычно в мужском роде: «Умный в гору не пойдет».
3. Субстантивация прилагательных широко используется при придумывании прозвищ, особенно в криминальной среде, а также при использовании обращений в небрежно-панибратском стиле общения, например: «Тебе, молодой, пора опыта набираться».
4. В философских текстах мы обычно наблюдаем субстантивацию абстрактных прилагательных и возникновение существительных среднего рода: *изящное, безобразное*.

Однако если мы попробуем при порождении речи заняться неограниченной субстантивацией прилагательных и причастий хотя бы в одной из перечисленных сфер, то заметим, что у нашей чисто теоретической свободы имеются конкретные жесткие ограничения на практике. Если кому-то захочется сказать: «Я вчера встретил загадочных», то его, скорее всего, поправят или, как минимум, спросят, что или кого он имеет в виду, хотя в принципе должно быть понятно, что он именуется таким образом группу людей, обобщаемых по названному признаку.

Попробуем поэкспериментировать: ищем в сети с помощью поисковой машины Google¹ примеры со словосочетанием *произошло загадочное / случилось загадочное*. В общей сложности получаем порядка 25 тыс. примеров, но во всех этих примерах после прилагательного *загадочное* следует существительное: *убийство, происшествие, исчезновение* и др. Не отыскивается ни одного примера, где встретилось бы субстантивированное прилагательное. А поиск по сочетанию *произошло / случилось нечто загадочное* выдает более двух тысяч примеров. Если же продолжить поиск, заменив *нечто* на *что-то*, то мы отыщем еще порядка пяти тысяч примеров². Возникает впечатление, что неопределенное местоимение облегчает носителю русского языка задачу субстантивации — по крайней мере, в сфере субстантивации абстрактных понятий среднего рода.

При сравнении немецких примеров с их русскими переводами бросается в глаза, что немецкие окказиональные субстантивации прилагательных и причастий в приблизительно 50% случаев не переводятся с помощью эквивалентных форм целевого языка (подробнее см. [Pavlova, 2024]). В то же время почти все случаи, когда субстантивированные прилагательные встречаются в немецком тексте в позиции после местоимений и наречий — *etwas, einiges, nichts, viel, wenig* и некоторых других, являющихся соответствиями русских неопределенных местоимений или наречий *нечто, что-то, кое-что, много, мало*³ и др., — переводятся с помощью тех же форм, что и в оригинале, т. е. полными эквивалентами.

В этой связи интересен статус прилагательных, употребляемых в позициях после неопределенных местоимений, таких как *нечто, что-то, кое-что, что-нибудь, всё, все, один, сколь-нибудь, сколько-нибудь*, а также наречий *много, немного, мало*, например: «Я должен сказать тебе *что-то/кое-что/нечто важное*; Он сделал для нас *много хорошего*».

На первый взгляд, перед нами субстантивация прилагательного. Позиция для прилагательных, претендующих на статус субстантивированных, имеется также после отрицательных местоимений *ничто* («*Ничто человеческое нам не чуждо*») и *ничего* («*Ничего нового*»). Реже встречаются прилагательные после неопределенных местоимений, обозначающих живые существа: «В углу сидел *некто огромный*»; «Он обратился к *кому-то свирепому*»; «*Никого подозрительного* я не заметил»; «Тут к ней *один лохматый* всё ходил». При прилагательных могут быть и зависимые от них слова, например: «На меня повеяло *чем-то давно забытым*». Местоимения перед прилагательными могут создавать группы, например: «Чем же может быть привлекательна эта жизнь подросткам, юношеству, если в глубинных традициях нашей культуры *всё сколь-нибудь значимое и значитель-*

¹ Национальный корпус русского языка располагает недостаточным для наших целей количеством примеров.

² Подсчеты эти неточные из-за повторов: один и тот же пример может повторяться в сети несколько раз. Но для наших целей достаточно сравнить относительные, а не абсолютные цифры.

³ Вопрос о частеречной принадлежности служебных слов вроде *много, мало* спорный, но здесь он не ставится.

ное ей как раз противостоит?»¹. Некоторые сочетания местоимений с прилагательными способны вторгаться в коллокации и дополнять их, например: «Вчера ты *утверждал нечто обратное*» (изначальная коллокация: *утверждать обратное* — однако местоимение способно выступать третьим членом той же коллокации, дополнять ее).

С одной стороны, перед нами случаи окказиональной субстантивации прилагательных, что и утверждается в некоторых работах [Смирнова, 2007]². Это же подтверждается положением подобных прилагательных после неопределенных или отрицательных местоимений и их написанием с большой буквы в немецком языке, как принято отображать существительные. Вместе с местоимениями прилагательные выполняют в предложении функции, типичные для существительных: подлежащее, дополнение, сказуемое и обстоятельство.

С другой стороны, местоимения *нечто*, *что-то* и др. являются местоимениями-существительными. В подобных сочетаниях они сохраняют по крайней мере часть своих субстантивных свойств. Для грамматики русского языка образование групп существительных, следующих друг за другом и обозначающих один референт, нетипично; если такие группы и возникают, то их записывают через дефис: *медведь-шатун*.

Выскажем гипотезу: прилагательное после неопределенных местоимений-существительных обнаруживает некоторые свойства определения или предикатива к существительным-местоимениям: *нечто* — какое? — *странное*. Таким образом, субстантивация в таких позициях неполная, частичная. Перед нами переходное явление в области субстантивации.

Подтверждают эту гипотезу следующие особенности:

- 1) легкость, с которой после этих местоимений образуются субстантиваты в русском в нетипичном для языка положении;
- 2) при наличии в немецком местоимений перед субстантивированными прилагательными, последние переводятся на русский почти всегда полными эквивалентами, в то время как для самостоятельных немецких окказиональных субстантивированных прилагательных в других позициях регулярно наблюдаются сложности при переводе на русский — многие невозможно перевести субстантиватом без нарушения стилистической нормы.

Неорганичность окказиональных субстантиваций для строя русского языка и трудности перевода неразрывно связаны.

Проблема, кажется, новая для сравнительного анализа, поскольку в научной литературе не найдено информации по поставленному вопросу.

¹ Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) [Савчук и др., 2024]. Основной корпус: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQuAggBMAE%3D>; параллельный корпус: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=deu> (дата обращения: 09.12.2024).

² Сложно судить, как много из этих субстантивированных прилагательных окказиональны, т. к. огромное количество подобных структур постоянно встречаются нам в текстах, а в речи мы создаем их не пословно, а извлекаем из памяти как цельные языковые единицы — коллокации: *нечто странное, что-то важное, много нового* и мн. др.

Обзор литературы

В русской научной литературе принято делать различие между диахроническими аспектами истинных субстантиватов и псевдо-субстантиватов. Истинные субстантивации представлены субстантивированными прилагательными, которые изначально происходят из группы «прилагательное + существительное», где с течением времени носители языка отказываются от употребления существительного (*ванная комната* → *ванная*); псевдосубстантиваты — это прилагательные, выполняющие функцию существительных, но никогда не употреблявшиеся как атрибуты (*набережная, пирожковая*) [Нестерова, Фашчанова, 2021, с. 53].

Диахронический аспект в другом контексте присутствует в справочнике [Розенталь, Теленкова, 2003, с. 543]: здесь делается различие между полной и частичной субстантивацией. При полной субстантивации прилагательное используется исключительно в функции существительного (например, для слов *гостиная, пирожное*), в то время как при частичной субстантивации прилагательные действуют как имена существительные, сохраняя свою прилагательную форму в других контекстах и выполняя морфологически соответствующие атрибутивные функции существительного (например, для слова *дежурный* — как существительное, а в сочетании *дежурный врач* — как обычное прилагательное).

Еще одним направлением исследования в русской лингвистике является категоризация субстантивированных прилагательных по семантике [Редькина, 2003; Кирсанова, 2006; Годубева, 2014]. Можно выделить ряд семантических классов, которые в основном или часто представлены субстантиватами, таких как помещения для определенных функций (*детская, дворницкая, учительская, диспетчерская*), события (*выпускной*), административно значимые документы (*накладная, обходной*) и т. д.

Помимо диахронического и семантического подходов, в русской лингвистике традиционно рассматривается тема субстантивации прилагательных и причастий с точки зрения различия обычной и окказиональной субстантивации. Согласно Г. И. Кустовой [2018], в русском языке окказиональные субстантивации могут быть произведены в первую очередь среди качественных прилагательных (как в басне Ивана Крылова «Волк и ягненок»: «У сильного всегда бессильный виноват»), тогда как субстантивация относительных прилагательных приводит к образованию новых лексем (например, *столовая, рядовой*).

Однако существуют исключения: качественные прилагательные могут быть лексикализованы в форме субстантивов (например, *сладкое, горячее*), а относительные прилагательные могут быть *ad hoc* субстантивированы (*Все ходят в зимнем*). Список исключений для обеих категорий прилагательных не определен, и приходится признать, что и относительные, и качественные прилагательные могут служить исходным материалом для создания окказиональных субстантивированных прилагательных, хотя имеется тенденция к использованию качественных прилагательных для создания окказионализмов.

В большинстве исследований подчеркивается, что субстантивация прилагательных в русском языке представляет собой продуктивную и активно используемую модель

словообразования [Ким, 1988, с. 22; Годубева, 2014, с. 65; Милютина, 2016, с. 21]. Узуальные субстантивированные прилагательные (СПрил), согласно некоторым авторам, фиксируются в словарях [Гайнутдинова, 2011, с. 10; Пшеничная, 2012, с. 140].

Однако достаточно поверхностного анализа крупнейшего русского лексикона [Горбачевич и др., 2004–...], чтобы убедиться, что многие привычные для носителей языка СПрил даже не упоминаются. При этом Большой академический словарь (БАС) в отношении отражения СПрил не всегда последователен. Так, слова *новенький*, *новенькая* со значением «новый член команды» приводятся как отдельные лексемы, а субстантивированное прилагательное *новое*, несмотря на то что коллокации *что нового*, *ничего нового*, *много нового* входят в устойчивый словарь русского языка, отсутствует как отдельная лексема; нет и примеров-коллокаций. То же касается и существительного *лучшее* — его нет в БАС, хотя толковый словарь Ефремовой [2000] включает его как отдельную лексему и Национальный корпус русского языка (НКРЯ) также рассматривает это слово как самостоятельную лексему. БАС не содержит слова *подозреваемый*, хотя оно является единственным возможным обозначением социальной роли «подозреваемого». Под леммой *виновный* также отсутствует СПрил со значением ‘виновный’. При этом в том же словаре приведены две леммы, соответствующие гендеру: *обвиняемая/обвиняемый*. К слову *бедный* нет отдельной леммы-СПрил, но тот же словарь содержит СПрил *бедные* во множественном числе.

Как видим, распознать систему и логику за лексикографическим отображением СПрил в русских словарях не удастся. Эти наблюдения автора данной статьи подтверждаются обширным исследованием описанных лексикографических тенденций по отношению к учету узуальных СПрил в работе Смирнова [2006]. Из нее вытекает, что классификация субстантиватов по критерию узуальный/оказиональный при помощи словарей невозможна.

Узуальные субстантивированные причастия (СПрич) в БАС представлены по-разному. Многие записаны как отдельные лексемы в качестве лемм, и в тексте словарной статьи есть описание соответствующих СПрич, например для причастия *ведущий* приводятся субстантивированные формы *ведущий*, *ведущая* с соответствующим комментарием об их субстантивации. Однако некоторые СПрич отыскиваются только в статье о соответствующем глаголе. Например, слово *награбленное* указано под леммой *награбить* и рассматривается как форма глагола с комментарием о субстантивации причастия. В русской корпусной грамматике в статье о причастиях СПрич не упоминаются [Сай, 2011], но в то же время субстантивация русских причастий — тема многих специальных исследований [Лукин, 1957; Смолянинова, 1977; Чернега, 2011; Замятин, Сызранова, 2013]. Часто авторы отмечают, что причастие может субстантивироваться, когда оно проходит стадию прилагательного как промежуточного этапа перед окончательной субстантивацией [Ломтева, 1950; Филиппова, 2009, с. 187; Замятин, Сызранова, 2017, с. 26–27]. Однако языковой материал доказывает несостоятельность этого тезиса: не являющиеся прилагательными причастия могут быть субстантивированы [Гайнутдинова, 2010]. Тот факт, что субстантивируются не только отдельные причастия, но и причастные обороты, является достаточным доказательством, например: *упомянутое выше*, *давно забытое*. Слова, грамматически зависящие от причастия, подчеркивают и усиливают семантическую связь между причастием и глаголом, от которого оно происходит.

Кроме того, в русскоязычной лингвистике существует множество работ сравнительного характера, как по СПрил, так и по СПрич. Например, в отношении субстантиваций сравниваются русский и татарский языки [Гайнутдинова, 2011], лезгинский и английский языки [Билалова, 2015], русский и чешский языки [Чижова, 1997; Lenertová, 2017], русский и французский языки [Пшеничная, 2012]. Сравнительные исследования сосредоточены на функциональных, морфологических и семантических аспектах узусных СПрил и СПрич.

В отличие от русской и русскоязычной лингвистики, современная немецкая германистика игнорирует тему субстантивации прилагательных и причастий, за исключением некоторых отдельных работ [Fuß, 2017]. В фокусе только аспект правописания и (в последнее время) употребление причастий-субстантиватов с учетом гендера: субстантивации причастий во множественном числе считаются гендерно нейтральными формами и активно используются в публичном дискурсе [Elminger, 2011]. Поверхностное отношение к теме субстантивации прилагательных и причастий в немецкой германистике, вероятно, обусловлено тем, что в немецком языке любая часть речи может быть субстантивирована без каких-либо ограничений, так что прилагательные и причастия в этом отношении не привлекают особого внимания [Elminger, 2011, с. 165]. В грамматике Дудена тема «Субстантивация прилагательных» занимает всего одну страницу (разделы 473, 474), где речь идет исключительно о склонении, образовании множественного числа и окончаниях [Duden, 2016]. Отдельного раздела по субстантивации причастий в грамматике Дудена нет.

В регулировании немецкой орфографии 2006 г. субстантивации уделено внимание:

«При субстантивации применяется концепция написания с заглавной буквы любых субстантиватов. Основопологающим для данной концепции является общее написание с заглавной буквы как истинных субстантиватов, так и форм, которые только кажутся субстантивированными» [IDS Sprachreport, с. 11–12].

До реформы СПрил и СПрич писались по-разному: то с заглавной буквы, то со строчной. Но несмотря на это регулирование орфографии даже в немецких текстах, опубликованных после 2011 г., можно встретить противоречивые формы написания СПрил и СПрич.

По интересующей нас теме — окказиональная субстантивация прилагательных и причастий после неопределенных местоимений-существительных в русском языке — специальных лингвистических исследований отыскать не удалось, за исключением статьи В. В. Бабайцевой, где справедливо указано, что в сочетаниях местоимений *всё, что-то, нечто* с прилагательными последние «обнаруживают субстантивные семы», что может приводить к созданию эллипсисов, где местоимение опущено [Бабайцева, 2010, с. 195–196]¹.

В целом ближе всего к высказанной здесь гипотезе — работы о полевой структуре языка и о переходных явлениях и синкретизме [Шигуров, 1988; Павлов, 1996; Бабайцева, 2000] и, в частности, исследования, посвященные частичной субстантивации [Высоцкая 2009].

¹ Хотя в текстах многих статей по субстантивации русских прилагательных и причастий встречаются словосочетания типа *нечто особенное* или *что-либо заслуживающее внимания*, сам феномен оставляется без внимания.

Результаты и обсуждение

Сопоставление и анализ переводных примеров

В переводах с немецкого на русский заметно, как сложно бывает переводчикам следовать оригиналу, когда они сталкиваются с СПрил. Ср. оригинал, в котором четырежды встречается окказиональная субстантивация прилагательного *gefleckt* («пятнистый») как анафорическое обозначение конкретной кошки, и перевод :

- (1) *Hinabgesprungen, gewährte ich alsbald eine große, schöne, weiß und schwarz gefleckte Katze [...]. Augenblicklich setzte ich mich ihr gegenüber und versuchte, dem innern Trieb nachgebend, in das Lied einzustimmen, das die weiß und schwarz Gefleckte angestimmt. [...]. Die Gefleckte blickte mich an schärfer und emsiger, schwieg plötzlich, sprang mit einem gewaltigen Satz auf mich los! Ich, nichts Gutes erwartend, zeigte meine Krallen, doch in dem Augenblick schrie die Gefleckte [...]: »Sohn — o Sohn! komm! — eile in meine Pfoten!« [...]. schon dies Gefühl mußte mich überzeugen, daß die Gefleckte wirklich meine Mutter war [...].* (E. T. A. Hoffmann. *Lebensansichten des Katers Murr*)

Как только спрыгнул я вниз, я заметил тотчас же большую, прекрасную кошку, покрытую белыми и черными пятнами. <...> Во мгновение ока я сел против нее и, уступая внутреннему порыву, попытался запеть в унисон с пятнистой красавицей. <...> Пятнистая певунья посмотрела на меня пристальнее и внимательнее, вдруг замолчала и, сделав гигантский прыжок, подскочила ко мне. Не ожидая ничего хорошего, я выпустил свои когти, но в то же самое мгновение пятнистая дама воскликнула, роняя из глаз серебристые слезы: «Сын мой, о, сын мой! Приди, поспеши в мои лапы!» <...> это одно должно было убедить меня, что я действительно вижу перед собой родную мать <...>. (пер. Константин Бальмонт)

Бальмонт ни разу не решается обозначить кошку с помощью СПрил пятнистая, хотя, казалось бы, ничто не мешает привлечь его в качестве «ярлыка» уже при втором упоминании I, как это делает Гофман в своем романе. В то время как в оригинале СПрил *die Gefleckte* встречается четыре раза, в переводе Бальмонта пятнистая остается прилагательным-атрибутом в субстантивных словосочетаниях трижды из четырех упоминаний, а в четвертом переводчику с помощью полной синтаксической перестройки предложения и вовсе удается избежать этого, по-видимому, мучительного для него прилагательного. При этом Бальмонту приходится придумывать не вполне обычные для обозначения кошки существительные как опору для употребления прилагательного: красавица, певунья, дама.

Изобретение «подпорок» в виде существительных там, где в оригинале перед нами явные случаи субстантивации, встречается в переводной литературе часто. Ср.:

- (2) *Fürcht' ich mich am Ende vor Mamas Brief? Nun, Angenehmes wird er wohl nicht enthalten.* (A. Schnitzler. *Fräulein Else*)

¹ Ср., с какой легкостью Булгаков переводит прилагательные в существительные-ярлыки: «И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок... <...> Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза. А когда он их открыл, увидел, что все кончилось, марево растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца» (Мастер и Маргарита).

Уж не боюсь ли я, чего доброго, маминого письма? Да, *приятных известий* не приходится ждать. (пер. Исай Мандельштам)

Имеются и другие способы ухода от необходимости переводить субстантивированные прилагательные и причастия с немецкого на русский — например, подмена прилагательных существительными:

- (3) Sein Geist sollte sich als scharf und stark beweisen und hatte die Arbeit *der Starken* geleistet. (Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften)

Его ум должен был доказать свою остроту и силу и выполнял работу *силачей*. (пер. Соломон Агт)

— или просто опущение, ср.:

- (4) Ich hege vielmehr die Überzeugung, daß der Agent ein Schurke war und daß *die armen von ihm Betrogenen* hier Gefahren entgegengehen, von denen sie keine Ahnung haben. (Karl May. Satan und Ischariot)

Напротив, я скорее убежден, что агент был законченным негодяем, а *бедные люди* встретятся здесь с такими опасностями, о которых они и не подозревают. (пер. Анатолий Москвин)

Если же в немецких текстах перед СПрил или СПрич обнаруживаются местоимения *etwas, nichts, alles, manch(es), viel(es), einiges* (русские соответствия: *нечто, что-то, кое-что, всё, ничего, много*), то задача переводчика по использованию полного эквивалента заметно облегчается, ср.:

- (5) Es ist doch *etwas Schönes, Herrliches, Erhabenes* um das Leben! (E. T. A. Hoffmann. Lebensansichten des Katers Murr).

Есть всё-таки в жизни *нечто прекрасное, изумительное, возвышенное!* (пер. Дора Коравкина, Владимир Гриб).

- (6) Leslie, *etwas Komisches* ist da passiert ... (Kerstin Gier. Rubinrot)

Лесли, произошло *нечто странное* ... (пер. Светлана Вольштейн).

- (7) Die Augen des Grafen waren sehr dunkel und sein Blick hatte *etwas Durchdringendes*, das mich sofort wieder an die Worte meiner Mutter denken ließ. (Kerstin Gier. Rubinrot)

Глаза графа были очень темными, а в его взгляде сквозило *нечто пронизывающее*, что невольно заставило меня снова подумать о маминых словах. (пер. Светлана Вольштейн).

Местоимения и, соответственно, прилагательные после них могут употребляться и в косвенных падежах. Например:

- (8) Da ward ihm erst recht heiß, er fing an zu laufen und wollte sich daheim ganz einsam in seine Kammer hinsetzen und *auf etwas Großes* für den letzten Wunsch sinnen. (Jakob und Wilhelm Grimm. Kinder- und Hausmärchen)

Тут-то и бросило его в жар, и он чуть не бегом побежал, чтобы поскорее очутиться одному в своей комнате и, усевшись на место, подумать хорошенько *о чем-нибудь великом* для своего последнего желания. (пер. Пётр Полевой).

То же наблюдается и в переводах с русского на немецкий, ср. полностью эквивалентные переводы:

- (9) и мы сами, с каким-то священным ужасом благоговения, с сладким сердечным трепетом, чувствовали себя как бы живыми сосудами вечной истины, орудиями ее, призванными *к чему-то великому* ... (И. С. Тургенев «Рудин»)

«Нечто загадочное»: субстантивация прилагательных и причастий...

und wir selbst, von einer heiligen Scheu, einem sanften Herzensschauer erfüllt, dünkten uns belebte Gefäße jener ewiger Wahrheit, ihre Werkzeuge, zu *etwas Großem* berufen ... (пер. Erich Behre)

- (10) Да, в самом деле крепче: прежде не торопились объяснять ребенку значения жизни и готовить его к ней, как к *чему-то мудреному и нештучному*. (И. А. Гончаров «Обломов»)
Ja, sie waren in der Tat kräftiger. Früher beeilte man sich nicht, dem Kinde den Sinn des Lebens zu erklären und es dazu wie zu *etwas sehr Kompliziertem und Ernstem* vorzubereiten. (пер. Clara Brauner)

В некоторых случаях в русский перевод упомянутые местоимения вставляются перед субстантивированным прилагательным даже там, где в немецком их эквивалент отсутствует. Ср.:

- (11) Die willkürliche Reihenfolge ist Prinzip, denn so lässt sich beiläufig *Grundsätzliches* einstreuen. (Der Tagesspiegel, 19.12.2019)
Произвольный порядок — таков принцип, потому что он позволяет невзначай добавить *что-то* особенно *важное*. (пер. Inopress).

- (12) Daß der Chef *Wichtiges* bereden wollte, war seinem Gesicht anzusehen. (Siegfried Lenz. Fundbüro)
По задумчивому выражению лица начальника можно было заключить, что он собирается обсудить *нечто важное*. (пер. Галина Косарик)

В немецком оригинале слова *etwas* перед СПрил нет, а в русском переводе его эквиваленты-местоимения присутствуют. Это наблюдение служит дополнительным подтверждением в пользу предположения, что неопределенные местоимения служат своего рода поддержкой, опорой для субстантивации прилагательного и что субстантивация после таких местоимений неполная, частичная.

При этом мы регулярно встречаем случаи, когда местоимение перед СПрил или СПрич при переводе с русского на немецкий опускается, ср.:

- (13) Но именно в эту секунду в ушах титулярного советника раздался серебристый звон, разом утратил способность разбирать слова, а со зрением вообще приключилось *нечто небывалое* (Б. Акунин ¹ «Алмазная колесница»)
Doch in diesem Augenblick ertönte in Fandorins Ohren ein silbriges Klingeln, der Verstand büßte die Fähigkeit ein, Worte zu verstehen, und mit seinem Sehvermögen geschah überhaupt *Unerhörtes*. (пер. Andreas Tretner)

- (14) Я почувствовала *что-то недоброе*. (Светлана Алексиевич «Последние свидетели»)
Ich ahnte *Böses*. (пер. Ganna-Maria Braungardt)

Такого рода способы перевода без местоимений свидетельствуют о том, что в немецком окказиональная субстантивация прилагательных не нуждается в какой-либо грамматической поддержке. Об этом же свидетельствует обилие субстантивированных прилагательных и причастий в немецких художественных текстах в целом. Некоторые авторы особенно склонны к этим формам: приверженность субстантивациям является одной из примет их стиля ².

¹ Настоящее имя — Григорий Чхартишвили, признан в РФ иноагентом, с 18 декабря 2023 г. внесен в перечень террористов и экстремистов.

² Например, в текстах Томаса Манна и Томаса Бернгардта.

Заключение

Несмотря на отсутствие каких-либо запретов и ограничений на субстантивацию прилагательных и причастий в русском языке, свободное использование словообразовательной модели субстантивации наталкивается на необъяснимые препоны, так что фразы типа «Наблюдается завораживающее» или «В этом есть искусственное» кажутся странными, вызывают неприятие. Однако подставив местоимение *нечто* или *что-то* («Наблюдается нечто завораживающее»; «В этом есть что-то искусственное»), ощущение неприятия удается устранить, что вызывает потребность исследовать причины подобного эффекта. Есть все основания полагать, что местоимения-существительные являются синтаксической поддержкой для субстантивации прилагательных и причастий; субстантивация после местоимений-существительных — неполная, частичная.

Список источников

- Бабайцева В. В. 2000. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа.
- Бабайцева В. В. 2010. Слово сочетания типа *всё новое, что-то новое, ничего нового* // Бабайцева В. В. Избранное. 2005–2010: Сборник научных и научнометодических статей. Москва–Ставрополь: Изд-во СГУ. С. 193–200.
- Барахоева Н. М., Костоева Ф. М. 2018. Субстантивация причастий в ингушском языке // Филологические науки. № 9(1). С. 57–60. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.12>
- Горбачевич К. С., Герд А. С. и др. 2004–... Большой академический словарь русского языка в 30 томах. Москва–Санкт-Петербург: Наука. Т. 1–27. <https://iling.spb.ru/dictionaries/344> (дата обращения: 09.12.2024).
- Билалова Х. А. 2015. К вопросу о субстантивации причастий в разносистемных языках (на материале лезгинского и английского языков) // Современные проблемы науки и образования. № 1(1). <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17188> (дата обращения: 09.12.2024).
- Высоцкая И. В. 2009. Субстантивация в свете теории синхронной переходности. Новосибирск: НГПУ.
- Гайнутдинова А. Ф. 2010. О разновидностях перехода причастий в имена существительные // Мир науки, культуры, образования. № 4. С. 65–68. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-raznovidnostyah-perehoda-prichastiy-v-imena-suschestvitelnye-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 09.12.2024).
- Гайнутдинова А. Ф. 2011. Частеречная транспозиция (субстантивация) в татарском языке в сопоставлении с русским языком: автореф. ... д-ра филол. наук. Казань.
- Голубева А. Ю. 2014. Конверсия в словообразовании: узус иokkaзиональность: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону.
- Ефремова Т. Ф. 2000. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык.
- Замятина И. В., Сызранова Г. Ю. 2013. Семантическая природа причастных форм: глагольность, адекватность, субстантивность // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3. С. 118–127. https://izvuz_gn.pnzgu.ru/gn12313 (дата обращения: 09.12.2024).

- Замятина И. В., Сызранова Г. Ю. 2017. Адъективация и субстантивация причастных форм: проблемы процесса и вопросы терминологии // *Филологический класс*. № 3(49). С. 23–28.
- Ким О. М. 1988. *Функциональная морфология русского языка (семасиологический аспект): учебное пособие*. Ташкент: изд-во Ташкентского ун-та.
- Кирсанова И. П. 2006. *Категориальное значение субстантивированных прилагательных и причастий: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Челябинск.
- Кустова Г. И. 2018. *Прилагательное. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.
- Лихтман Р. И. 1968. Существует ли безаффиксный способ словообразования? // *Вопросы языкознания*. № 2. С. 3–16.
- Ломтева Е. В. 1950. *Адъективация причастий в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Саратов.
- Лукин М. Ф. 1957. Переход причастий в существительные // *Русский язык в школе*. № 4. С. 43–46.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. 2009. *Новый частотный словарь русской лексики*. М.: Азбуковник. 1090 с. <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/jrd78un2xg/69157696.pdf> (дата обращения: 09.12.2024).
- Милюткина М. Г. 2016. Субстантивация прилагательных в превосходной степени сравнения в современном русском языке // *Вестник Удмуртского университета*. Том 26. Вып. 5. С. 21–28.
- Нестерова Н. Г., Фашчанова С. В. 2021. *Морфемика и словообразование в свете активных процессов в современном русском языке: учебное пособие*. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та.
- Павлов В. М. 1996. *Полевые структуры в строе языка*. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ.
- Пшеничная А. Ю. 2012. Субстантивация на основе прилагательных как вид узуальной конверсии (на материале русского и французского языков) // *Научная мысль Кавказа*. № 4. С. 140–143.
- Редькина О. В. 2003. *Субстантивация как семантическое явление. Языковой и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Киров. <https://cheloveknauka.com/v/95032/a?>
- Розенталь Д. Е., Теленкова М. А. 2003. *Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов*. М.: ОНИКС.
- Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. 2024. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*. № 2. С. 7–34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>
- Сай С. С. 2011. *Причастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.
- Смирнов Ю. Б. 2006. О разграничении окказиональных и узуальных субстантивированных прилагательных (лексикографический аспект) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 9. Вып. 4. С. 57–67.
- Смирнова Е. В. 2007. *Окказиональные субстантиваты: структура, семантика, функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Тюмень.
- Смолянинова М. И. 1977. К вопросу о степени субстантивации причастий // *Карпов А. Н. (ред.) Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка*. Тула: Изд. Тульского гос. пед. ун-та. С. 42–58.

- Филиппова Л. С. 2009. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование: учебное пособие. М.: Флинта.
- Чернега Л. В. 2011. Субстантивация причастий в диахроническом и синхроническом аспектах // Вестник Таганрогского гос. пед. ун-та. № 1. С. 76–78.
- Чижова В. А. 1997. Субстантивация прилагательных и причастий в современном русском и чешском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.
- Шигуров В. В. 1988. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении. Учебное пособие. Саранск: Изд-во Саратовского ун-та.
- Duden K. 2016. Die Grammatik: unentbehrlich für richtiges Deutsch. 9. Auflage. Band 4. Berlin: Dudenverlag.
- Elmiger D. 2011. Von Dozierenden und Emeritierenden: Substantivierte Partizip-I-Formen im heutigen Deutsch // *Travaux neuchâtelois De Linguistique*. No. 55. Pp. 163–179. <https://doi.org/10.26034/tranel.2011.2797>
- Fuß E. 2017. Relativierungsverhalten und syntaktische Kategorie substantivierter Adjektive // Döring S., Geilfuß-Wolfgang J. (Hg.). *Probleme der syntaktischen Kategorisierung: Einzelgänger, Außenseiter und mehr*. VIII. Tübingen: Stauffenburg. S. 43–100.
- Lenertová G. 2017. Синкретизм частей речи: субстантивация имен прилагательных // *Przegľad Rusycystyczny*. № 3 (159). С. 114–131.
- Pavlova A. 2024. Substantivierte Adjektive und Partizipien und ihre Übersetzbarkeit (Deutsch und Russisch im Vergleich) // *Sprache der Gegenwart — Sprache für die Zukunft: Akten des 57. Linguistischen Kolloquiums* / A. Nurmi, M. Hirvonen, M. Kivilehto, D. Krenzler-Behm, H. Oksanen, D. H. Schmitz, A. Viljanmaa (Eds.). Pp. 137–161. <https://doi.org/10.51814/ufy.1039.c1445>

References

- Babajceva, V. V. (2000). *Transitivity Phenomena in the Grammar of the Russian Language*. Drofa. [In Russian]
- Babajceva, V. V. (2010). Word combinations like *everything new, something new, nothing new*. In V. V. Babajceva. *Selected Papers. 2005–2010* (pp. 193–200. SGU. [In Russian]
- Barachoeva, N. M. & Kostoeva, F. M. (2018). Substantiation of participles in the Ingush language. *Filologičeskie nauki*, (91), 57–60. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.12> [In Russian]
- Gorbachevich, K. S., Gerd, A. S., et al. (2004–...). *Large Academic Dictionary of the Russian Language in 30 vols*. Nauka. [In Russian]
- Bilalova, H. A. (2015). To the question of participle substantivisation in different languages (on the material of Lezghin and English languages). *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, (1). Retrieved Dec. 9, 2024, from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17188> [In Russian]
- Vysockaja, I. V. (2009). *Substantiation in the Light of the Theory of Synchronic Transitivity*. NGPU. [In Russian]
- Gajnutdinova, A. F. (2010). On the varieties of transition of participles into nouns. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, (4), 65–68. Retrieved Dec. 9, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/o-raznovidnostyah-perehoda-prichastiy-v-imena-suschestvitelnye-v-russkom-yazyke> [In Russian]

- Gajnutdinova, A. F. (2011). *Frequent Transposition (Substantivisation) in the Tatar Language in Comparison with the Russian Language* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Golubeva, A. Ju. (2014). *Conversion in Word Formation: Usus and Occasionality* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation]. [In Russian]
- Efremova, T. F. (2000). *New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation. Russkij jazyk*. [In Russian]
- Zamjatina, I. V., & Syzranova, G. Ju. (2013). Semantic nature of participial forms: verbality, adjectivity, substantivity. *Izvestija vysšich učebnyh zavedenij. Povolžskij region. Gumanitarnye nauki*, (3), 118–127. Retrieved Dec. 9, 2024, from http://izvuz_gn.pnzgu.ru/gn313 [In Russian]
- Zamjatina, I. V., & Syzranova, G. Ju. (2017). Adjectivation and substantiation of participle forms: problems of process and issues of terminology. *Filologičeskij klass*, (3), 23–28. [In Russian]
- Kim, O. M. (1988). *Textbook on Functional Morphology of the Russian Language (semasiological aspect)*. Taškent univ. [In Russian]
- Kirsanova, I. P. (2006). *Categorical Meaning of Substantivated Adjectives and Participles* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Kustova, G. I. (2018). *Adjective. Materials for the project of corpus description of Russian grammar*. (<http://rusgram.ru>). (Manuscript) [In Russian]
- Lichtman, R. I. (1968). Is there an affix-free method of word formation? *Voprosy jazykoznanija*, (2), 3–16. [In Russian]
- Lomteva, E. V. (1950). *Adjectivisation of Participles in the Modern Russian Language* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Lukin, M. F. (1957). Transition of participles to nouns. *Russkij jazyk v škole*, (4), 43–46. [In Russian]
- Ljaševskaja, O. N. & Šarov, S. A. (2009). *New Frequent Dictionary of Russian Lexicon*. Azbukovnik, Retrieved Dec. 9, 2024, from <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/jrd78un2xg/69157696.pdf> [In Russian]
- Miljutina, M. G. (2016). Substantiation of adjectives in the superlative degree of comparison in the modern Russian language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 26(5), 21–28. [In Russian]
- Nesterova, N. G. & Faščanova, S. V. (2021). *Textbook on Morphemics and Word Formation in the Light of Active Processes in the Modern Russian Language*. Tomsk Univ. [In Russian]
- Pavlov, V. M. (1996). *Field Structions in Language*. SPbGUEF. [In Russian]
- Pšeničnaja, A. Ju. (2012). Substantiation on the basis of adjectives as a type of usual conversion (on the material of Russian and French languages). *Naučnaja mysl' Kavkaza*, (4), 140–143.
- Red'kina, O. V. (2003). *Substantiation as a Semantic Phenomenon. Linguistic and Functional Aspects* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. <https://cheloveknauka.com/v/95032/a?> [In Russian]
- Rozental', D. E. & Telenkova, M. A. (2003). *Handbook of the Russian language. Dictionary of Linguistic Terms*. ONIKS. [In Russian].
- Savchuk, S. O., Arkhangelskiy, T., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, Yu. N., Lyashevskaya, O. N., Orekhov, B. V., Podryadchikova, M. V. (2024). Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, (2), 7–34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34> [In Russian]
- Saj, S. S. (2011). *Participle. Materials for the project of corpus description of Russian grammar*. (<http://rusgram.ru>). (Manuscript) [In Russian].

- Smirnov, Ju. B. (2006). On the distinction between occasional and usual substantivated adjectives (lexicographic aspect). *Vestnik St. Peterburgskogo universiteta. Seriya 9*, (4), 57–67. [In Russian]
- Smirnova, E. V. (2007). *Occasional Substantivates: Structure, Semantics, Functioning* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Smol'janinova, M. I. (1977). To the question of the degree of substantiation of rpipartials. In A. N. Karpov (Ed), *Aktual'nye Voprosy Leksiki i Grammatiki Sovremennogo Russkogo jazyka* (pp. 42–58). Tula Univ. [In Russian]
- Filippova, L. S. (2009). *Textbook on Modern Russian Language. Morphemics. Word Formation*. Flinta. [In Russian]
- Černega, L. V. (2011). Substantiation of participles in diachronic and synchronic aspects. *Vestnik Taganrofskogo gos. Ped. Univ.*, (1), 76–78. [In Russian]
- Čižova, V. A. (1997). *Substantiation of Adjectives and Participles in Modern Russian and Czech Languages* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Šigurov, V. V. (1988). *Transitional Phenomena in the Field of Parts of Speech in Synchronic Illumination. Study Guide*. Saratov univ. [In Russian]
- Duden, K. (2016). *Die Grammatik: unentbehrlich für richtiges Deutsch*. 9. Auflage. Band 4. Dudenverlag.
- Elmiger, D. (2011). Von Dozierenden und Emeritierenden: Substantivierte Partizip-I-Formen im heutigen Deutsch. *Travaux neuchâtelois De Linguistique*, (55), 163–179. <https://doi.org/10.26034/tranel.2011.2797>
- Fuß, E. (2017). Relativierungsverhalten und syntaktische Kategorie substantivierter Adjektive. In S. Döring, J. Geilfuß-Wolfgang (Hg.), *Probleme der syntaktischen Kategorisierung: Einzelgänger, Außenseiter und mehr. VIII* (S. 43–100). Stauffenburg.
- Lenertová, G. (2017). Syncretism of parts of speech: Substantiation of adjective names. *Przegląd Rusycystyczny*, (3), 114–131. [In Russian]
- Pavlova, A. 2024. Substantivierte Adjektive und Partizipien und ihre Übersetzbarkeit (Deutsch und Russisch im Vergleich). In A. Nurmi, M. Hirvonen, M. Kivilehto, D. Krenzler-Behm, H. Oksanen, D. H. Schmitz, & A. Viljanmaa (Eds.), *Sprache der Gegenwart — Sprache für die Zukunft: Akten des 57. Linguistischen Kolloquiums*. (pp. 137–161). <https://doi.org/10.51814/ufy.1039.c1445>

Информация об авторе

Анна Владимировна Павлова, доктор философии, научный сотрудник, кафедра славистики, факультет переводоведения, прикладной лингвистики и культурологии, Майнцский университет, Майнц, Германия
anna.pavlova@gmx.de, <https://orcid.org/0000-0003-4843-5778>

Information about the author

Anna V. Pavlova, Doctor of Philosophy, Research Fellow, Slavic Department, Faculty “Language. Translation. Culture,” Johannes Gutenberg University Mainz, Mainz, Germany
anna.pavlova@gmx.de, <https://orcid.org/0000-0003-4843-5778>

Коммуникативные стратегии в этническом стендап-дискурсе (на материале выступления Ронни Ченга)

Дарина Сергеевна Дудкова

Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А. Н. Туполева — КАИ, Казань, Россия
Контакт для переписки: dudkova-darina@yandex.ru

Аннотация. Стендап-выступления являют собой один из наиболее популярных видов речетворчества в современном медийном пространстве. Особая механика создания стендап-текста, своеобразная тематика и непосредственное общение автора с реципиентами сообщения требуют от комика применения различных коммуникативных стратегий. Выступления с этническим компонентом редко анализируются с позиций прагматики дискурса, в отечественной литературе в частности. В данной статье представлен подробный анализ сольного концерта малазийского стендап-комика Ронни Ченга. Транскрибируя тексты, проведя маркировку и анализ полученных тэгов, автор статьи выявляет частотные стереотипы и модели ситуаций, к которым обращается комик; определяет, с какой целью он к ним прибегает; а также дает характеристику частотным коммуникативным стратегиям, применяемым стендап-артистом. Результаты указывают на целесообразность разграничения глобальных и частных коммуникативных стратегий, а также отдельных приемов в дискурсе рассматриваемого типа.

Ключевые слова: стендап, этнический юмор, прагматика, коммуникативные стратегии, этнические стереотипы, реверсивный дискурс, антирасистский дискурс, Ван Дейк, фрейминг

Цитирование: Дудкова Д. С. 2024. Коммуникативные стратегии в этническом стендап-дискурсе (на материале выступления Ронни Ченга) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 23–41. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-23-41>

Поступила 23.05.2024; одобрена 10.11.2024; принята 02.12.2024

Communicative strategies applied in ethnic stand-up discourse of Ronny Cheng's comedy

Darina S. Dudkova✉

Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev — KAI, Kazan, Russia

Corresponding author: dudkova-darina@yandex.ru✉

Abstract. Stand-up comedy is one of the most popular text types in modern media landscape. Unique layouts of stand-up text, sensitive topics, and live interaction between the author and the interlocutor forces a comedian to apply various communicative techniques. Ethnic humor in stand-up comedy is rarely approached pragmatically; even rarely in research done by Russian scholars. This article suggests the analysis of ethnic humor in Ronny Cheng's specials. Having transcribed and tagged the comedian's speech, the author of this article pinpoints common stereotypes and frames exploited, as well as the rationale behind them. The applied communicative strategies of the comedian are then singled out and described. The distinction between global strategies, special strategies and particular tools is put forward as an indispensable factor for development of further comedy discourse analysis.

Keywords: stand-up, ethnic humour, pragmatics, communicative strategies, ethnic stereotypes, reverse discourse, antiracial discourse, van Dijk, framing

Citation: Dudkova, D. S. (2024). Communicative strategies applied in ethnic stand-up discourse of Ronny Cheng's comedy. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(4), 23–41. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-23-41>

Received May 23, 2024; Reviewed Nov. 10, 2024; Accepted Dec. 2, 2024

Введение

Проблемы межнационального общения и толерантности сегодня как никогда актуальны и дают основу разнофункциональным нарративам. О них говорят политики, их упоминают в бытовом разговоре, они служат материалом художественных произведений и кинофильмов. Юмористические жанры — всегда глубоко социальные и живо откликающиеся на темы, которые волнуют современное общество, — не являются исключением. Этнические темы, ранее негласно табуированные или подвергавшиеся официальной цензуре, сегодня открыто обсуждаются на сцене и нередко теми, кто сам пережил опыт стереотипизации или подвергся проявлению расизма. Сцена, на которой

выступают стендап-комики, не является политической трибуной, но и она позволяет оратору доносить свою программу до широких масс, влияя на устоявшиеся мнения и меняя неприглядные стороны общества. Формы и методы экспликации этнических проблем интересуют специалистов многих направлений, в т. ч. психологов, политологов, социологов и, разумеется, исследователей проблем лингвистики текста и прагматики языка.

На сегодняшний день в отечественной языковедческой литературе пока мало работ посвящено проблемам этнического юмора в нелитературных текстах, а рассмотрение проблемы расизма в текстах такого рода остается незатронутым вовсе. Наиболее изученной представляется область анекдотов [Тулина, 2006; Хрущева, 2009; Абильдинова, 2011; Фернандес Санчес, 2017 и др.], где подавляющее большинство исследователей рассматривают проблему национального юмора, не затрагивая или упоминая вскользь темы этнических предрассудков или проявлений расизма.

Этнические анекдоты представляют собой разновидность «canned jokes» (заготовленные шутки) [Attardo, 1994]. Они служат реартикуляцией стереотипов относительно какой-либо нации или национальности и могут способствовать их утверждению в общественном сознании. И хотя анекдоты и дают некоторое представление о ценностях и коммуникативных целях рассказчика, они не имеют авторства, поэтому коллективны и обезличены.

В выступлении стендап-комика же, напротив, фигура автора является ключевой, и текст он (или она) создает и преподносит самостоятельно, руководствуясь личными интенциями и коммуникативными целями. Зритель и автор текста находятся в непосредственной близости, что делает весь опыт глубоко личным. Интерпретация услышанного и непрерывный процесс общения, почти сотворчества, не позволяет зрителю абстрагироваться от шуток, а автору — не нести ответственности за сказанное. Поэтому мы убеждены, что стендап-дискурс требует иных подходов к анализу, отличных от применимых к «canned jokes».

Хотя мы и рассматриваем стендап-выступление с позиций теории речевых актов и коммуникативных максим, вслед за Р. Лакофф мы находим, что разные типы дискурсов требуются анализировать с учетом разной степени интенциональности максим успешной коммуникации, предлагаемых П. Грайсом [Lakoff, 1992; Birner, 2013, с. 40–76]. Например, если бы стендап-комики всегда соблюдали максиму манеры речи, их текст просто потерял бы комический эффект, поэтому для данного типа дискурса нарушение максим кажется вполне релевантным для гармоничного речевого акта и достижения коммуникативных целей артиста.

Мы полагаем, что нарушение максимы манеры речи, а конкретнее однозначности, характерно для всех стендап-выступлений в целом, но в области этнического и национального оно приобретает гиперболический характер и делает речевой акт более структурно сложным. Стендап-комик намеренно погружает зрителя в ситуацию социального выбора. Трудность состоит не в распознавании стереотипа, а в осмыслении зрителем, с какой целью данный стереотип был эксплуатирован. Зритель также должен выбрать дальнейшую стратегию собственного поведения. Смятение и боязнь засмеяться над тем, над чем иронизировать не принято, а возможно даже опасно, ввиду риска нанести

оскорбление человеку другой национальности и вместе с тем потерять свою репутацию, являются неперенными спутниками подобных шуток, а рамки общественного места накладывают дополнительный стрессовый фактор на зрителя. Подобная сторона взаимодействия с залом также требует со стороны комика предварительной подготовки.

Тем не менее для американской аудитории подобный выбор всё реже вызывает затруднения. За последние десятилетия американским стендап-комикам удалось показать иные грани этнического юмора. Нападая на стереотипы и иронизируя над ними, многие сделали этнический вопрос «фишкой» своих выступлений, всё больше привлекая зрителя к комедии этого направления [Rapport, 2005, с. 122]. По словам А. Раппопорта, американское общество сегодня спокойно воспринимает юмор на этнические темы, а характерной чертой молодого поколения является «psychology of cool» (установка на невозмутимость). Под данной характеристикой Раппопорт понимает способность молодежи распознавать стереотипный фрейминг, не воспринимая подобные шутки как буквальное высмеивание той или иной этнической группы. Более того, для них неважно, идет ли речь об их собственной группе или об иной, если юмор сложный и хлесткий, а комедия считается качественной. Шутки, основанные на стереотипах, всё еще вызывают смех, потому что эти стереотипы, по большей мере ложные, сохраняют долю правды, необходимую для создания определенного социального напряжения [Rapport, 2005, с. 126]. Подобное отношение — всё возрастающий интерес аудитории и ее в целом положительная ответная реакция — не только «развязывает» стендап-комикам руки, не оставляя запретных тем и жестких границ для речетворчества, но и требует от них более остроумного и комплексного материала, т. к. простой актуализации стереотипа может оказаться недостаточно для создания противоречия, столь необходимого для комического эффекта.

Подобные вызовы требуют от стендап-дискурса многослойности. Являясь, по словам А. Минтца, «комическим представителем (сообщества), носителем и рупором культуры, а также антропологом современности» [Mintz, 1985, с. 75], комик руководствуется различными целями и применяет множество коммуникативных стратегий, создавая сложный текст, требующий от слушателя внимания и умения читать имплицатуры, разгадывая иллокутивный смысл комического сообщения.

В попытке обозначить роль коммуникативных стратегий в осуществлении речевого акта исследователи (напр., Т. Ван Дейк и В. Кинч, О. С. Иссерс) сходятся во мнении о некой бинарности данного феномена. С одной стороны, у коммуниканта имеется относительно статичный когнитивный набор установок, моделей, сценариев, целей, а также общий дискурсный план, задающий тон его сообщению. С другой — на основе данного набора им принимаются более «осязаемые» коммуникативные ходы, или речевые тактики, эмпирически наблюдаемые в выраженных им пропозициях с продуманным выбором синтаксического, семантического, стилистического и прагматического оформления, и которые могут меняться в зависимости от ситуации общения.

В функционировании бытового этнического дискурса крайне важную роль играют стереотипы, предубеждения, когнитивные модели и сценарии социальных ситуаций. В то же время при отсутствии непосредственного опыта общения с представителями

другой национальности и, соответственно, релевантной когнитивной модели, индивидуум будет опираться на сценарии, характерные для его сообщества и рассказы других его представителей [van Dijk, Kintsch, 1983, с. 269]. Главной целью речевого акта, по мнению Т. Ван Дейка и В. Кинча, является говорить или писать так, чтобы трансформировать знания, убеждения, мнения слушающего в соответствии с желаниями говорящего. В связи с этим последний, как правило, выстраивает свое сообщение с использованием многочисленных речевых тактик.

Крайне релевантным для нас исследованием мы считаем работу Ван Дейка по изучению бытового этнического дискурса и анализу применяемых в ходе таких бесед стратегий и тактик. В ней автор очерчивает наиболее частотные речевые тактики, среди которых, например, тактики обобщения и уступки, которые выбирает говорящий в свете своей глобальной стратегии подтверждения истинности сказанного или личной саморепрезентации [van Dijk, 1983]. Ван Дейк подчеркивает, что тактики и, соответственно, стратегии при этом возможно выявить лишь благодаря когерентности сообщения, внутренних связей между пропозициями.

Также важным считаем отметить предположение, что каждый коммуникант обладает личным «репертуаром речевых тактик» [Иссерс, 2008, с. 113]. Подобный взгляд на разнообразие речевых тактик полагаем особенно уместным в случае с дискурсом стендап-выступлений, где каждый комик обладает яркой индивидуальностью и отличительным стилем общения и подачи материала.

Тем не менее каждый стендап-комик обращается к гетеростереотипам в своих выступлениях на этнические темы. Использование гетеростереотипов в данном случае является обязательным условием для нахождения «common ground» (общая опорная точка) со зрителем, активацией распространенных моделей и сценариев, типичных для данного общества и знакомых каждому из его представителей, что само по себе является одной из главных общедискурсивных стратегий этого жанра — дать зрителю повод ассоциировать себя с выступающим. Гетеростереотипы относятся к категории так называемых «humour enhancers» (усилителей комического) [Triezenberg, 2008, с. 537–539]. Усиление комического — это нарративная техника, возможно, не смешная априори, но которая подготавливает аудиторию к восприятию юмористического. Она позволяет зрителю мгновенно распознать и погрузиться в ситуацию комического. Некоторыми из таких усилителей служат стереотипы, предубеждения, табу, пародии и т. п.

Множество стратегий и техник, к которым обращаются комики, являют собой канву и инструменты для выражения когерентного полотна сообщения. Особый интерес для нашего исследования в этом отношении представляют идеи, заложенные в комплексном труде Саймона Вивера «The Rhetoric of Racist Humour», объектом исследования которой является метанарратив этнических стендап-выступлений. Вивер анализирует большой дискурсивный массив, состоящий из выступлений темнокожих и ближневосточных азиатских стендап-комиков — иммигрантов, проживающих в Канаде и Великобритании. В фокусе Вивера анализ выступлений на наличие в них потенциала создания антирасистской полемики. Автор делает выводы, что возможности «reverse discourse» («обратного дискурса», т. е. направленного на преодоление стереотипов и борьбу

с расизмом) пока реализуются комиками не полностью, и сами артисты сталкиваются с амбивалентностью как их идентичности, так и их материала, что нередко выливается в дискурс, граничащий с утверждением и простой реартикуляцией существующих стереотипов [Weaver, 2011]. Стоит отметить, что Вивер в большой степени ограничивает анализ прагматического потенциала дискурсов вычленением всё тех же риторических средств, представленных в уже каноническом списке риторических юмористических средств А. Бергера [Berger, 1995].

Подводя итог, можем отметить, что отдельные исследования по отдельным культурам или даже комикам по большей степени направлены либо на исследование риторических средств, чтобы определить, что вызывает смех и создает комический эффект [Rutter, 2001; Ikram и др., 2018], либо на культурно-личностный аспект выступлений [Rofiq, 2021; Constantinescu, 2023], в то время как с позиций прагматики и теории текста дискурс такого типа пока еще малоизучен. Кроме того, выступления азиатских комиков, Ронни Ченга в частности, еще не становились предметом изучения такого рода, хотя они стремительно набирают популярность у широкой аудитории и почти всегда несут в себе этнический компонент.

Результаты и обсуждение

В данной статье мы проанализировали сольный концерт малазийского комика Ронни Ченга¹, в последние несколько лет приобретшего большую популярность у американского зрителя. Транскрибируя тексты, проведя маркировку и анализ полученных тэгов, мы постарались 1) выявить частотные стереотипы и модели ситуаций, к которым обращается комик, 2) определить, с какой целью он к ним прибегает, а также 3) охарактеризовать и классифицировать частотные коммуникативные стратегии, применяемые Ченгом.

Ронни Ченга можно назвать «гражданином мира»: за свою жизнь и карьеру он жил и работал как минимум в пяти странах, много времени проведя в Малайзии и Сингапуре, позже переехал и жил в США и Австралии. Подобная мозаика культур наложила огромный отпечаток на его видение мира и чувство юмора. В своих выступлениях комик обычно так или иначе затрагивает темы своей национальной идентичности, этнических стереотипов и расизма, но два его последних сольных концерта, первый из которых мы рассмотрим в данной статье, всецело посвящены вопросам и проблемам, с которыми он и другие представители азиатских сообществ имеют дело на западе.

Прежде всего стоит обратить внимание на название концерта, ведь оно — важный элемент паратекста и один из первых коммуникативных инструментов, с которым сталкивается зритель. Конденсированная идея, выраженная в названии, красной нитью проходит через весь нарратив концерта, скрепляя биты (наборы шуток, связанных общей темой) и отыгрыши (разыгрывание описываемых комиком ситуаций, пародирование

¹ Ronnie Chieng: Asian Comedian Destroys America!, режиссер — Себастьян ДиНаталь [DiNatale, 2019]

персонажей) в цельное дискурсивное полотно. Таким образом, название играет значительную роль в обеспечении когезии текста выступления.

Первый большой сольный концерт Ченга для американской аудитории называется «Азиатский комик разносит Америку»¹. Уже само название служит прямой провокацией, бросает вызов смелости и национальной гордости зрителя. В этом концерте комик много иронизирует над американским обществом, указывает на его несовершенства и проблемы, часто гиперболизируя противоречивые стороны.

Первый бит выступления подается с использованием одного из наиболее частотных приемов Ченга — «восхищение американским обществом». В данном случае прием применяется с целью ввести зрителя в заблуждение, чтобы в панчлайне (часть шутки, непосредственно вызывающая смех) при доведенной до крайности гиперболе он увидел истинное восприятие комиком ситуации. Идея «изобилия» и культуры «потребитель-король», которая изначально преподносится комиком как прекрасное достижение запада, в панчлайне извращается и выставляется как монстроподобное поведение американцев, одержимых идеей быстрого сервиса.

Но стоит этому биту закончиться, Ченг снова выражает восхищение Америкой, в этот раз опосредованно, используя свой другой излюбленный прием — принижение своей национальной группы:

«Вы ребята не в курсе, но вы живете в NBA. Америка — это же NBA для нас, азиатов. Сюда попадают только лучшие из лучших. <...> И вообще, с китайского Америка буквально переводится как „прекрасная страна“. Представьте себе, мы так и говорим все, „Прекрасная страна“ про Америку. <...> Китай буквально переводится как „страна посередине“, что по сути ничего не значит! Вашу страну мы назвали даже круче, чем свою!».

Тем не менее искренним это восхищение назвать нельзя. Ченг иронизирует над собой и своими соотечественниками, уверенными в магической силе места под названием «Beautiful country» («Прекрасная страна»). В отыгрыше, пародируя китайский акцент, он саркастически продолжает: «„Поехали в Прекрасную страну! Уедем в Прекрасную страну! Рискнем всем, чтобы с нуля начать в Прекрасной стране!“ Но стоит им здесь оказаться, всех всё бесит». Этот отыгрыш предваряет серию гневной тирады с перечислением институтов государственной власти и иных реалий США, которые, по мнению многих граждан, плохо выполняют свою работу. Данный бит завершается фразой с параллелизмом: «Все рвутся сюда. Всех всё здесь бесит. Просто бред какой-то». Момент использования данного приема («принижение своей национальной группы»), с нашей точки зрения, Ченгом выбран сознательно в качестве уступки зрителю, с целью снизить возможное несогласие с предыдущим битом про Америку и ее одержимостью потреблением. Подобное балансирование «вы неправы — мы смешны», на наш взгляд, также является одной из глобальных действенных стратегий — уступки — и помогает комику-иностранцу удерживать ситуацию в дозволенных рамках грубости, не нанося серьезной обиды или оскорбления зрителю.

¹ Здесь и далее материал выступления приводится в переводе автора.

Следующий бит вновь начинается с похвалы Америке. Однако в панчлайне снова прозвучит издевка над щепетильной, весьма неудобной для американского общества ситуацией, которую несколько лет назад многие граждане восприняли как удар по мощи и независимости их державы:

«Я рад быть здесь сегодня с вами. Здорово вот так колесить по всей Америке. У меня лучшая работа на свете. Мне платят за то, что я путешествую по Америке. Дарю смех, общаюсь с реальными людьми. А не с какими-то русскими ботами».

Далее бит продолжают вполне искренние позитивные утверждения комика о стране и ее культурном многообразии:

«Большая честь, что мне удалось увидеть эту огромную страну. <...> Стоит пожить здесь, чтобы понять, насколько это большая страна. И каждый штат, по сути, как отдельный народ. Со своей кухней, говором, ценностями, флагами».

Подобные островки серьезности перемежают дискурс всего выступления, апеллируют к национальной гордости зрителя, что не может не подкупать, и создают атмосферу дружественного смеха, т. к. комик показывает свои настоящие дружественные чувства, напоминая зрителю, что цель артиста не оскорбить его, а рассмешить, обратив внимание на забавные моменты действительности. Таким образом, заход (часть шутки, вводящая зрителя в контекст ситуации) располагает зрителя к восприятию всего бита, в котором комик разбирает один за другим девизы штатов и подтрунивает над ними.

В этом же бите можно выделить довольно интересный момент в работе Ченга с залом. Здесь впервые показывается прием, который мы обозначили тегом «упрек в невежестве». Когда Ченг спрашивает зал, знает ли кто-нибудь девиз штата Техас, и продолжает получать неверные ответы, он восклицает: «Вы реально позволите мне, *** иностранцу, проводить ликбез по вашей собственной стране? Думаю, ваш президент от этого будет не в восторге». По нашему мнению, данный прием является составляющей частной стратегии Ченга, которую мы обозначили тегом «being an Asian representative»¹; об этой стратегии более подробно будет сказано далее.

Тема культурного и этнического разнообразия служит основой и для следующего бита, сетап которого начинается с весьма провокационных утверждений и упоминания проблемы расизма: «И среди всех американцев, что я встречал, афро-американцы, наверное, самая крутая раса, согласитесь? <...> У них есть свэг. У черных есть свэг, никто не может это отрицать. Даже белые супрематисты». Здесь и далее, в более позднем бите, Ченг стремится завоевать благосклонность другого этнического меньшинства. Данный прием он подкрепляет другим — принижением своей национальной группы:

«Черные настолько крутые, что перевернули в свою пользу уничижительное обращение от белых. <...> Ни одно другое этническое меньшинство на это не способно, не хватает крутости. Никогда вы не услышите, чтобы китайцы говорили друг другу, проходя мимо „Эй, китаезы, здорово! Привет, китаезы! Оставайтесь желтыми, братишки“».

¹ «Исполняя роль представителя азиатского меньшинства».

Ченг признает чувствительность американских китайцев к своему положению иммигрантов, их желание «сохранить лицо» и неспособность иронизировать над подобного рода вещами, таким образом, совершая своеобразный реверанс от одного национального меньшинства в сторону другого.

Бит про чернокожих появляется в данный момент отнюдь не случайно, он подготавливает зрителя к другому, одному из двух ключевых битов всего выступления. Заход к нему обладает антирасистским посылом:

«Америка сейчас очень политически разобщена, так ведь? Тут много всего. И не важно, какую тему ни поднимешь, всё сводится к разговорам о политике, а те, в свою очередь, о расах. Думаю, нам всем нужно забывать о расовых различиях хоть иногда и просто общаться как человек с человеком».

Тем не менее сам Ченг не стремится следовать своему пожеланию и, следуя стратегии «being an Asian representative», утверждает следующее:

«И знаете что? Я думаю, нам нужно больше азиатов в этой стране. Азиатов недостаточно. Азиатов недостаточно. Азиатов недостаточно. Сейчас нас около 5,6 % от всего населения. Так? Нам нужно увеличить это число. Нам нужны азиаты в этой стране».

Зачастую комики повторяют некоторые фразы, ища поддержки у зрителя, это один из общих прием в дискурсе стендап-комедии. У Ченга троекратное повторение фразы «Азиатов недостаточно», точно аффирмация, не столько проверяет расположение зрителя к материалу, сколько старается убедить его и навязать свою точку зрения, чтобы оправдать сказанное впоследствии. Так Ченг применяет еще один прием — «совет / восточной мудрости / открытия истины для западной аудитории»:

«И я скажу вам почему. Потому что мы единственные непредвзятые судьи... в этой непрекращающейся расовой войне... между белыми и черными. Так ведь? Потому что мы вам до лампочки, а нам плевать на вас всех. Поэтому нам можно доверять. Когда мы высказываем мнение, делаем это без предубеждений. Никакого личного интереса. Говорим вам всё как есть, потому что нам плевать».

В этой части особенно интересен выбор Ченга местоимения мы, мотивированный разными коммуникативными целями. Говоря о том, что страна нуждается в азиатах, он включает себя в общую со зрителем группу, создает непосредственную близость, стараясь таким образом убедить слушающих в своем искреннем участии, в том, что «необходимость в азиатах» объективна. В последующих пропозициях, расписывая положительные качества своей нации, Ченг включает себя уже в группу «мы — азиаты», противопоставляя себя американцам и их неспособности решить проблемы своего общества самостоятельно.

В текущем бите, как и во многих других, комик руководствуется стратегией «being an Asian representative». Комизм заключается в явном противоречии, которое Ченг закладывает, несколько раз повторяя об отсутствии предвзятости и его личного интереса как представителя азиатского сообщества, и планомерного развития идеи об исключительности данной национальной группы и ее добродетелях, о чем свидетельствуют последние несколько пропозиций захода. Теперь на протяжении

всего бита, в противовес приему «принижения своей национальной группы», Ченг применяет прием, которому мы присвоили тег «empowering talk»¹. Под этим тегом мы подразумеваем дискурс, прямо или косвенно восхваляющий нацию, иллюстрирующий ее силу, некое ее превосходство в том или ином аспекте. Данный прием, по нашему мнению, направлен на создание позитивных установок, утверждение иного, противоречащего гетеростереотипам фрейма относительно нации меньшинства в сознании слушателя.

В данном бите Ченг подчеркивает сознательность азиатов, при этом вынося имплицитные обвинения в адрес американцев в предубеждениях против чернокожих:

«Ну вот, в последнее время в Америке полно перепалок. Правда же? Белые заявляют в полицию на черных из-за любых, даже вполне невинных действий, типа барбекю в парке. Или когда те заходят в свои дома. Поэтому, йоу, в следующий раз, когда почувствуете себя ущемленным, звоните не в полицию. Звоните азиатам. Мы придем и рассудим справедливо и беспристрастно. Потому что нам плевать. Вот позвонили бы вы нам тогда из Старбакса, мы бы сказали: „Йоу, вот эти двое черных? Они просто сидят и пьют кофе. Почему бы тебе тоже не взять свой латте и не заткнуться?“».

Ченг, по всей видимости, делает отсылку к случаю, произошедшему в 2018 г., когда двое чернокожих сидели в кофейне, ничего не заказывая, а сотрудник заведения вызвал полицию, чтобы посетителей вывели силой². Ченг открыто принимает сторону чернокожих, продолжая завоевывать расположение данного меньшинства, и в то же время говорит о сознательности своей нации на фоне «неразумных» белых американцев. Тем не менее, Ченг дипломатично не хочет вступать в прямую конфронтацию и открыто обвинять зрителя в расизме, поэтому, следуя стратегии уступки, он тут же применяет прием «degrading one's own nationality» (принижения своей национальной группы): «И вы можете нам доверять, потому что нам плевать. Ведь наш цвет кожи даже не в игре. В прямом смысле, НФЛ, НБА, ни в одной из игр нас нет».

Однако вызывающий тон Ченга пробивается вновь уже в следующей пропозиции, идея которой граничит с расистским высказыванием: «Нам до лампочки, кто встает на колени и почему. <...> Мы просто хотим, чтобы в этой стране всё работало. <...> Нас не отвлекать зрелищами шоу-бизнеса». Здесь Ченг имеет в виду случаи, когда некоторые футболисты НФЛ вставали на одно колено во время национального гимна США, хотя обычно в таком случае поднимаются со своих мест, в т. ч. чтобы почтить память военных и сотрудников правоохранительных органов, погибших при исполнении. Таким образом футболисты выражали протест против превышения полномочий полицейскими и наси-

¹ «Дискурс, повышающий национальное самосознание и гордость за свою национальную идентичность».

² Stevens M. Starbucks C.E.O. Apologizes After Arrests of 2 Black Men // The New York Times. 2018. <https://www.nytimes.com/2018/04/15/us/starbucks-philadelphia-black-men-arrest.html> (дата обращения 23.05.2024).

лия со стороны полиции по отношению к расовым меньшинствам¹. Для комика данная шутка была довольно рискованной, но она действовала в рамках стратегии «being an Asian representative» и рассчитана на понимание зрителем контекста национальной самопрезентации.

Ченг намеренно подчеркивает свою принадлежность к азиатской группе, противопоставляя себя «белым и черным». В то же время он продолжает продвигать свою идею о том, что США нуждаются в большем количестве азиатов, мотивируя это заботой о судьбе американского общества, планомерно выстраивая свой бит и подводя его к главному панчу. Чтобы несколько снизить градус напряженности после шутки о протестах футболистов, Ченг упоминает менее щепетильную реалию: «Вы можете нам доверять, мы скажем правду. Да, неприглядную, но правду. Типа, йоу, белые, „Богемская рапсодия“ полный отстой. <...> Если вам так нейдет, пойте ее в душе, ладно?». Не желая задеть зрителя всем вышесказанным и следуя стратегии уступки, Ченг несколько раз повторяет следующее:

«Без негатива. Никакого негатива. Просто факты, окей? Просто делюсь мнением. Можете принять или остаться при своем. <...> Опять-таки никакого негатива, ладно? Никакого негатива. Только решения. Всё, что мы предлагаем. Для вас всех, только решения. Ни больше ни меньше».

Подобный дипломатичный трюк добавляет особого комизма к следующей фразе Ченга, в которой он использует *мы*, целенаправленно включая себя в одну группу со зрителем: «Нам просто необходим азиатский президент, я вам точно это говорю. Мы порешаем все проблемы за неделю». Этот панчлайн Ченг «добивает» с помощью приема «empowering talk», приводя многочисленные аргументы, почему избрание азиатов в органы власти станет лучшим выбором для США:

«Мы просто хотим, чтобы всё работало как надо. Просто представьте, вся сила азиатов в правительстве [имитирует взрыв]. Бог ты мой. Представьте, все азиаты в правительстве просто проходятся по каждой из проблем, решая их одну за другой, без корыстных целей. Чистой логикой, ага? Просто, решают все проблемы. „Живите долго и процветайте“».

Произнося последнюю фразу, комик воспроизводит жест и цитату из популярного американского сериала «Звездный путь», одной из главных идей которого было объединение межгалактических рас. Этим Ченг подчеркивает свое как азиата отличие от двух других крупных этносов: способность азиатских народов, таких разных (словно разных видов инопланетян), объединяться и привносить гармонию в любое общество, в т. ч. и американское. Кроме того, упоминание американских реалий в ходе

¹ Cauley K. Football Players Are Protesting Police Violence, Not the Anthem // The New York Times. 2018. <https://web.archive.org/web/20180825172249/https://www.nytimes.com/2018/08/25/opinion/football-protests-police-violence-anthem.html> (дата обращения 23.05.2024); Reid E. Eric Reid: Why Colin Kaepernick and I Decided to Take a Knee // The New York Times. 2017. <https://www.nytimes.com/2017/09/25/opinion/colin-kaepernick-football-protests.html> (дата обращения 23.05.2024).

всего выступления также является удачным приемом Ченга по установлению контакта со зрителем.

В заключительной части данного сета (несколько битов, объединенных одной темой) Ченг обращается к представителям группы азиатов и иным национальным меньшинствам. Включение различных этносов в свой материал позволяет комику придать многогранности своему выступлению, отойти от триады «белые–черные–азиаты» и отдать дань многокультурному разнообразию Америки:

«И за нас будут голосовать, ребята. Азиаты, у нас будут голоса. Зуб даю, они нас хотят. Надо только подтолкнуть их. Мы нравимся всем. Евреи проголосуют за нас, потому что, как я только что сказал, мы единственные, кто будет готовить для них в Рождество. Они уже вкусили этот плод. Итальянцы и греки проголосуют за нас, потому что у нас схожие традиции семейных застолий. А еще и мы, и они бьем своих детей. Мы знаем, чего стоит вырастить хорошего человека. Черные. Черные проголосуют за нас, потому что мы не белые, правильно? Я не говорю, что так сделают все, окей? Я имею в виду, что при остальных равных условиях, это будет плюсом в нашу пользу. Вот, что я пытался сказать, да? Эти голоса не само собой разумеющееся. Чтобы получить голоса черных, придется поработать, но когда работаешь сверхурочно, положены бонусы, верно?».

Последние фразы явно демонстрируют стратегию уступки и усиленное внимание к чернокожим зрителям, а также нежелание Ченга задеть их легковесным замечанием.

Ченг завершает данный бит очередным «empowering talk», который служит логичным переходом к следующему биту:

«И вы только подумайте, каким вдохновением послужит первый азиатский президент. Каким посылом это станет для азиатских детишек по всей Америке. Если у нас будет азиатский президент, мы сможем, наконец, сказать нашим детям: „Послушай, дружок, Ты можешь стать кем-то большим, чем просто нейрохирург“».

В последней пропозиции Ченг обращается к вполне реальному стереотипу о высоких ожиданиях, которые азиатские родители возлагают на своих детей, и как частое следствие об их невероятных успехах в академическом и карьерном плане. К этому же стереотипу Ченг уже обращался в середине бита, аргументируя причины задействовать азиатских чиновников в правительстве. Рефрен данного стереотипа здесь не случаен: Ченг старается активировать коллективное стереотипное знание слушателя для своего следующего бита, который будет выстроен сугубо на подгрунивании над стереотипами о китайской социальной культуре. Иронизируя над желанием азиатских родителей сделать своих детей медиками, Ченг тем не менее дает объективную причину такого поведения среди азиатских мигрантов, таким образом желая оправдать нерациональное, с точки зрения западного менталитета, желание навязать ребенку свою волю.

Говоря о своем этносе и семье, комик прибегает к отыгрышу, пародируя свою мать:

«Азиатские родители хотят, чтобы их дети стали врачами. <...> И еще смешнее, что азиатские родители — это последние люди на земле, которых ты можешь затащить к врачу. <...> Ничего не заставит мою маму пойти к врачу. У нее может стрела торчать из спины [отдавается, будто бы ранен]. А она будет, как Рэмбо, сама пытаться вытащить ее. И я скажу: „Эй, мам, давай в больницу“. И она ответит „Нет. Их интересуют только наши деньги“».

Гипербола и вставка аллюзивной сцены из классического боевика про Рэмбо делает весь отыгрыш еще забавнее для американской аудитории. Вплетение элемента американской поп-индустрии позволяет комику играть на контрасте между двумя культурами. Так комик выстраивает со зрителями связь не только через активацию стереотипного сознания, но также активацию их знаний о своей культуре. Соединяя данные типы знаний, Ченгу удастся создать положительные ассоциации о своем этносе, несмотря на противоречивость самих стереотипов. Поэтому используя следующий стереотип, Ченг опять упоминает элемент американской поп-культуры — рэп-артистов, а также американскую секту, которая известна своими влиятельными последователями среди бизнес-элиты:

«Потому что китайцы любят деньги. Обожаем их. <...> Думаете, рэперы любят деньги? Это мы любим деньги. <...> Китайцы так сильно любят деньги, что у нас есть бог денег. <...> Чтоб вы понимали, расхожая фраза в китайский Новый Год это не „Привет, с Новым Годом!“, а „Эй, надеюсь, ты разбогатеешь“. <...> Да уж, в Америке азиатские шуточки вообще вне контекста. Вот я говорю тут о боге денег, и все смотрят на меня будто я из Саентологии, да?».

Данным стереотипом Ченг выстраивает негативное для своей нации сравнение, представляя китайцев излишне прагматичными материалистами. Однако в тэге (дополнительная шутка после панчлайна) он снова применяет прием «упрек в невежестве», чтобы сместить акцент с данной негативной стороны своего народа.

Следующий бит Ченг начинает с захода, в котором он вновь восхищается американским обществом. На этот раз восхищение вполне искренно, Ченг даже сравнивает американскую столицу с местом паломничества всех увлеченных комедией:

«Да, я переехал. Прямо в Нью-Йорк. Еще одна моя мечта сбылась, переехать в Нью-Йорк, будучи стендап-комиком. Нью-Йорк, это же Мекка (для комика). <...> За свою жизнь мне посчастливилось пожить во многих городах. <...> Нью-Йорк — это единственный город, где мне довелось увидеть людей, которые дерутся с поездами в метро... и выигрывают».

Последней фразой Ченг дает понять, что «лирическое» отступление закончилось, и он опять готов иронизировать над американским сообществом.

Данный бит весьма интересен с точки зрения теории межкультурной коммуникации, а именно сравнением менталитетов таких разных национальных групп одним из их представителей. Сначала Ченг, будто бы с постепенно растущим раздражением и некоторым смятением, описывает значительное отличие американцев от азиатов — главенство индивидуализма в жизни гражданина, готовность идти к своей цели любимыми путями, думая о своем личном благе:

«Ну, вот, в другом любом городе планеты, например, когда двери вагона начинают закрываться, ... это значит, что поезд ушел. Понятно? Предполагается, что ты не рыпнешься и терпеливо ждешь следующего. О, но только не в Нью-Йорке. „Этот поезд никуда не поедет, пока я не зайду“. <...> „Может, еще кто-нибудь хочет забежать в самый последний момент? Не то чтобы у нас тут было какое-то расписание“. И вот это и есть проблема Америки. Слишком много гражданских свобод. Слишком много демократии».

Комик продолжает, представляя подобную ситуацию в Малайзии, отыгрывая разных членов малазийского общества: «В Малайзии такой номер бы не прошел. Там, откуда я родом, в Малайзии, если ты просунешь руку между дверьми вагона, двери закроются и тебя протащат километра на два. <...> Система ставит тебя на колени».

Завершается бит панчлайном, где Ченг иронизирует над стереотипно американской фразой: «Но только не в Америке. В Америке один человек... может остановить целую линию. Потому что каждый здесь имеет значение [в ориг. „everyone can make a difference“]». Тем не менее, в отличие от предыдущих битов, где Ченг маскировал осуждение под восхищение американской культурой, подтрунивание над «нерациональным поведением» в данном бите является лишь внешней комедийной оболочкой, за которой скрыто некоторое уважение и, возможно, даже зависть, подчеркиваемая гиперболой, которую комик использует, говоря о родной Малайзии. Подобный реверсивный прием, с нашей точки зрения, представляется интересным решением относительно выстраивания внутренней когезии текста.

Следующий бит комика затрагивает не менее серьезную тему, а именно проблему исторической памяти. Говоря об отношениях Японии с другими азиатскими странами, Ченг иронизирует над знаниями американской публики о данном регионе, вновь прибегая к приему «упрек в невежестве»:

«И люди с запада особо не в курсе, но у китайцев и японцев терки еще со времен Второй мировой войны, потому что во Вторую мировую японцы совершили кучу военных преступлений по отношению к китайцам. Изнасилования, пытки, эксперименты на людях, полный набор. В Китае и по всей Юго-Восточной Азии. Таиланд, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Вьетнам, Индонезия. И люди на Западе об этом не знают, потому что Список Шиндлера о китайцах не сняли. На Западе никто не снял об этом крутой черно-белый фильм, поэтому мало кто знает об этом. И если вы не знали, я вас не осуждаю».

Хотя комик и подтрунивает над неосведомленностью своих зрителей, наблюдая за залом, он тут же идет на уступку, несколько раз повторяя, что незнание данной ситуации вполне естественно для неазиатов. Подобная уступка также является частью игры с аудиторией, ведь в панче своего бита Ченг говорит следующее:

«И нельзя не удивиться, как эти ребята от изнасилований, пыток и экспериментов над людьми пришли к Покемону всего за одно поколение. Поэтому, к слову, если мы дадим ИГИЛ пару десятков лет, кто знает, возможно, они изобретут лекарство от рака. Никогда не знаешь, что может случиться в будущем. Возможно, мы судим о них не в самый лучший момент их истории».

Не получив особо положительной реакции на данную шутку, комик идет на уступку, чтобы сгладить впечатление: «Окей, реакция смешанная. Что вполне резонно!». Подобные «качели» в организации материала дают Ченгу шанс подступиться к деликатной, но важной теме. Хотя комик поднимает ее в контексте стендап-выступления и коммуникативная ситуация имеет место в рамках юмористического диалога, иллокутивный смысл сообщения вполне понятен: помнить о прошлом, об истории своего народа необходимо, но держаться лишь за свою историческую боль будет неправильным.

Ченг подводит свое выступление к концу и, чтобы разрядить обстановку, рассказывает зрителям о подготовке к своей свадьбе, стратегически щедро наполняя свою эпопею всевозможными стереотипами о китайцах, например их любви к похвальбе своим достатком.

И последний бит Ченг завершает циклично, отсылкой, вернувшись к эпизоду в метро, где он примеряет на себя роль человека с Запада, его индивидуалистское мышление, и в этом комику помогает чернокожий американец, придерживая дверь вагона.

«Суть в том, что этот черный парень в метро, он выставил свою ногу и придержал дверь как настоящий американец, воспользовавшись своим правом нарушить работу всей линии из-за одного человека, но сделал он это для другого, не для себя! Он сделал это для другого! Именно поэтому это прекрасная страна. Здесь мы используем свободу, чтобы помочь тем, у кого ее нет, поделиться с ними тем, что есть у нас».

В панчлайне комик вновь восхищается Америкой и ее жителями. Однако по сравнению с началом выступления данное восхищение искренно и не содержит иронии. Зал поддерживает Ченга громкими аплодисментами. Комику удалось завоевать участие зрителя, поддержав его чувство национальной гордости. Кроме того, комик усиливает чувство единения, используя местоимение *мы*, включая себя в одну группу со зрителем.

Мы хотели бы отметить, что, безусловно, для создания подробной и четкой классификации требуется анализ более объемного материала, в т. ч. за авторством других комиков. Тем не менее, учитывая своеобразие каждого артиста, предполагаем, что каждое выступление будет дополнять классификацию не одной новой стратегией и новым приемом, поэтому анализ любого выступления несет в себе вполне определенную теоретическую ценность.

По результатам анализа в этническом стендап-дискурсе представляется возможным выделять: глобальные коммуникативные стратегии (наприм., стратегии уступки, установления контакта со зрителем, чередование противоположных друг другу стратегий), частные коммуникативные стратегии конкретного комика (для Ченга это, безусловно, «исполняя роль представителя азиатского меньшинства»), общие (поиск одобрения, подтверждения своего мнения, использование местоимения *мы*, обращение к реалиям, обращение к стереотипам, сравнения) и частные приемы (восхищение американским обществом, принижение своей национальной группы, завоевание благосклонности других этнических меньшинств, прием «совета / восточной мудрости / открытия истины для западной аудитории», «упрек в невежестве», «дискурс, повышающий национальное самосознание и гордость за свою национальную идентичность», имплицитные или прямые обвинения).

Глобальные стратегии, на наш взгляд, являются характерными для жанра стендап-комедии в целом. Они обладают большей функциональной и когезивной полнотой, т. е. могут включать в себя несколько частных стратегий и охватывать более крупные части текста. Под частными стратегиями комика мы понимаем стратегии, не общепринятые для выступлений жанра стендап, но используемые комиком в определенном выступлении. Так, в рамках стратегии «being an Asian representative» Ченг обращается к своей национальной идентичности, чтобы шутить на определенные темы на правах предста-

вителя своей культуры, с отличным от западного зрителя взглядом на мир. Что касается приемов, то они не обладают независимостью функционирования и действуют в рамках частных и глобальных стратегий, например к стереотипам комик часто прибегает в качестве уступки зрителю.

В данной статье за ограниченностью возможного материала мы также не рассматриваем в полной мере связь когезии текста и применяемых коммуникативных стратегий, что, с нашей точки зрения, позволит лучше понять механику использования стратегий и их влияние на внутритекстовые и общетекстовые связи.

Заключение

Новые типы коммуникативного взаимодействия порождают новые типы дискурса, требующие самостоятельного изучения. Прагматика стендап-дискурса многомерна, сравнительно мало изучена, и поэтому представляет особый интерес для современной лингвистики, а изучение специфики этнического стендап-дискурса сегодня особенно актуально, ввиду поликультурности общества и его всевозрастающего внимания к межкультурной коммуникации.

Стоит отметить, что комик решает рассказывать шутки на этническую тематику, исходя из ситуации общения. Считывая реакцию зала, он руководствуется глобальными и частными стратегиями и использует широкий инструментарий приемов, чтобы не только насмешить зрителя и донести свои идеи до него, но и сделать это, по возможности, корректно. Ронни Ченг мастерски чередует приемы, прибегая к стратегии уступки после каждой шутки, которая, по его мнению, может задеть зрителя. Например, за ложным «восхищение американским обществом» комик часто прибегает к приему «принижение своей национальной группы», что с его стороны является большой уступкой.

Поскольку весь выбор языковых средств (синтаксис, семантика, стилистическое оформление) определяется коммуникативными стратегиями, умение распознавать их крайне важно с точки зрения прагматики для верной расшифровки иллокутивного смысла сообщения. Кроме того, особый интерес для современной лингвистики текста составляет потенциал этнических стендап-выступлений в создании антирасистской полемики. Некоторые установленные нами стратегии и приемы, например, стратегия «being Asian representative» и прием «empowering talk» наравне с «советом для западной аудитории» и «уличением в невежестве», являются инструментами национальной самопрезентации, направлены на повышение национальной гордости этнического меньшинства и утверждение нового, авторитетного образа в сознании западного зрителя. Подобные выступления, как и их анализ, позволяют лишней раз задуматься о значимости взаимного уважения и способствуют созданию здоровой культуры межнационального общения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Абильдинова Ж. Б. 2011. Языковые средства экспликации этнических стереотипов русских, казахов и немцев: на материале русскоязычных анекдотов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2011. 32 с.
- Иссерс О. С. 2008. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ. 288 с.
- Тулина Е. В. 2006. Способы реализации универсальных и национально-культурных особенностей анекдота: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 19 с.
- Фернандес Санчес Ю. В. 2017. Юмористический дискурс в испанской и баскской лингвокультурах: сопоставительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 23 с.
- Хрущева Е. А. 2009. Национально-культурная основа анекдота: сопоставительный анализ английского, французского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 28 с.
- Attardo S. 1994. *Humor in Context* // Raskin V, Mahadev A. (Eds.) *Linguistic Theories of Humor*. Berlin. New York: Mouton de Gruyter. Pp. 293–330.
- Berger A. A. 1995. *Blind Men and Elephants: Perspectives on Humor*. Routledge.
- Birner B. J. 2013. *Introduction to Pragmatics*. Wiley-Blackwell.
- Constantinescu M. V. 2023. Identity investment in stand-up comedy and online sketches // *The European Journal of Humour Research*. No. 11 (2). Pp. 68–87. <https://doi.org/10.7592/EJHR.2023.11.2.802>
- DiNatale S. (реж.). 2019. *Ronnie Chieng: Asian Comedian Destroys America!* // Netflix.
- Ikram F. D., Arsyad S., Hati G. M. 2018. Rhetorical analysis of stand-up comedy performances by three famous American comics // *Journal of English Education and Teaching (JEET)*. Vol. 2. No. 4. Pp. 103–119.
- Lakoff R. T. 1982. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising // Tannen D. (Ed.). *Analyzing Discourse: Text and Talk*. Georgetown University Press. Pp. 25–42.
- Mintz L. E. 1985. Standup Comedy as Social and Cultural Mediation // *American Quarterly*. Vol. 37. No. 1, Special Issue: American Humor (Spring). Pp. 71–80.
- Rappoport L. 2005. *The Case for Racial, Ethnic, and Gender Humor*. Praeger Publishers.
- Rofiq Z., Priyono E. S. 2021. Discourse Markers of Humor Analysis in Trevor Noah's Stand-Up Comedy // *Lingual Journal of Language and Culture*. Vol. 11, No. 1. Pp. 14–20.
- Rutter J. 2001. Rhetoric in Stand-up Comedy: Exploring Performer-Audience Interaction // *Stylistyka*. Vol. X. Pp. 307–325.
- Triezenberg K. 2008. *Humor in Literature* // Raskin V. (Ed.). *The Primer of Humor Research*. Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 523–542.
- van Dijk T. A. 1983. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice // *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. No. 3 (4). Pp. 375–404.
- van Dijk T. A., Kintsch W. 1983. *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press.
- Weaver S. 2011. *The Rhetoric of Racist Humour: US, UK and Global Race Joking*. London: Routledge.

References

- Abildinova, Zh. B. (2011). *Lingustic Tools of Ethnic Stereotypes Explication Concerning Russians, Kazakhs and Germans In Russain Canned Jokes* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Issers, O. S. (2008). *Communicative Strategies and Russian Speech Tactics* (5th ed.). Izdatelstvo LKI. [In Russian]
- Tulina, E. V. (2006). *The Ways of Realization of Universal and Cultural Characteristics of the Canned Joke* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Fernandes Sanchez, Yu. V. (2017). *Humourous Discourse in Spanish and Basque Linguistic Cultures: Comparative Analysis* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Khrushcheva, E. A. (2009). *Cultural background of the canned joke: contrastive analysis in English, French and Russian languages*. [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Attardo, S. (1994). Humor in Context. In V. Raskin & A. Mahadev (Eds.), *Linguistic Theories of Humor* (pp. 293–330). Mouton de Gruyter.
- Berger, A. A. (1995). *Blind Men and Elephants: Perspectives on Humor*. Routledge.
- Birner, B. J. (2013). *Introduction to Pragmatics*. Wiley-Blackwell.
- Constantinescu, M. V. (2023). Identity investment in stand-up comedy and online sketches. *The European Journal of Humour Research*, 11(2), 68–87. <https://doi.org/10.7592/EJHR.2023.11.2.802>
- DiNatale, S. (Dir.). (2019). *Ronnie Chieng: Asian Comedian Destroys America!* [TV Special]. Netflix.
- Ikram, F. D., Arsyad, S., & Hati G. M. (2018). Rhetorical analysis of stand-up comedy performances by three famous American comics. *Journal of English Education and Teaching (JEET)*, 2(4), 103–119.
- Lakoff, R. T. (1982). Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising. In D. Tannen (Ed.), *Analyzing Discourse: Text and Talk* (pp. 25–42). Georgetown University Press.
- Mintz L. E., (Spring 1985). Standup comedy as social and cultural mediation. *American Quarterly*, 37(1, Special Issue: American Humor), 71–80.
- Rappoport, L. (2005). *The Case for Racial, Ethnic, and Gender Humor*. Praeger Publishers.
- Rofiq, Z., & Priyono, E. S. (2021). Discourse markers of humor analysis in Trevor Noah's stand-up comedy. *Lingual Journal of Language and Culture*, 11(1), 14–20.
- Rutter, J. (2001). Rhetoric in stand-up comedy: Exploring performer-audience interaction. *Stylistyka*, X, 307–325.
- Triezenberg, K. (2008). Humor in literature. In V. Raskin (Ed.), *The Primer of Humor Research* (pp. 523–542). Mouton de Gruyter.
- van Dijk, T. A. (1983). Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, (3), 375–404.
- van Dijk, T. A., & Kintsch, W. (1983). *Strategies of Discourse Comprehension*. Academic Press.
- Weaver, S. (2011). *The Rhetoric of Racist Humour: US, UK and Global Race Joking*. Routledge.

Информация об авторах

Дарина Сергеевна Дудкова, преподаватель, кафедра Иностранных языков, русского и русского как иностранного, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева — КАИ, Казань, Россия
dudkova-darina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4163-044X>

Information about the authors

Darina S. Dudkova, Instructor of English, Department of Foreign Languages, Russian and Russian as a Foreign Language, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev — KAI, Kazan, Russia
dudkova-darina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4163-044X>

Михаил Пришвин
(1873–1954)

М. М. Пришвин и Д. Н. Мамин-Сибиряк: к обоснованию поэтической эко-диэтики*

Олег Васильевич Зырянов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Контакт для переписки: o.v.zyrianov@urfu.ru

Аннотация. Идея поэтической диэтики, или неразрывной связи продукта творчества и личности самого художника-творца, получает свое обоснование и терминологический статус в рефлексии европейского и русского предромантизма (И. В. Гете, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский). В трактате «Нечто о поэте и поэзии» (1815–1816) К. Н. Батюшков уже напрямую открыл путь для формирования поэтической эко-диэтики, которая ставит сам «образ жизни» художника в зависимость от его природного окружения и личного эко-сознания. Автор статьи исходит из предположения, что важнейшая роль в развитии художественного эко-сознания принадлежит М. М. Пришвину, а его предтечей на этом пути может рассматриваться Д. Н. Мамин-Сибиряк. В подтверждение данного тезиса предпринят ряд сопоставлений отдельных произведений двух указанных писателей, подчеркивающий факт

* Статья на основе доклада, представленного на Международной конференции «Михаил Пришвин и современность: персонализм — эго-документ — экосознание» (29–31 мая 2023 г., Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия).

их ценностно-мировоззренческой и жанрово-стилевой конвергенции. Для анализа привлекаются, с одной стороны, образ Фомича из очерка Мамина-Сибиряка «Лес», а также система высказываний данного писателя о «чувстве природы», свойственном героям-охотникам, а с другой — целая серия авторских признаков Пришвина из его дневника и очерков «Этажи леса» и «Жизнь человека». На этом основании выявлены корни персональной поэтической «экологии» Пришвина, которые сводятся к двум основным формулам: «наука родственного внимания» и осознание окружающего мира как «великого Дома живых существ». В статье также детально проанализирован прозаический этюд Пришвина «Лоси» (в его детской обработке) в сопоставлении с прецедентным текстом рассказа Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник» (1884). В качестве еще одного актуального сюжета заявлено сопоставление двух автобиографических романов — «Кашеева цепь» Пришвина и «Черты из жизни Пепко» Мамина-Сибиряка.

Ключевые слова: Пришвин, Мамин-Сибиряк, поэтическая диетика, эко-сознание, аксиология, жанрово-стилевая конвергенция, нарратив

Цитирование: Зырянов О. В. 2024. М. М. Пришвин и Д. Н. Мамин-Сибиряк: к обоснованию поэтической эко-диетики // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 42–57. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-42-57>

Поступила 01.09.2024; одобрена 16.09.2024; принята 02.12.2024

М. М. Prishvin and D. N. Mamin-Sibiryak: towards the rationale of poetic eco-dietics*

Oleg V. Zyryanov✉

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Corresponding author: o.v.zyryanov@urfu.ru✉

Abstract. The idea of poetic dietetics, or the inextricable connection between the product of creativity and the personality of the artist-creator himself, receives its justification and terminological status in the reflection of European and Russian pre-romanticism. In his treatise *Something about the Poet and Poetry* (1815–1816),

* The article is based on the paper presented at the International Conference *Mikhail Prishvin and Modernity: Personalism — Ego-Document — Ecoconsciousness* (May 29–31, 2023, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russia).

K. N. Batyushkov already directly opened the way for the formation of poetic eco-dietics, which makes the artist's very "way of life" dependent on his natural environment and personal eco-consciousness. The author of this article assumes that the most important role in the development of artistic eco-consciousness belongs to M. M. Prishvin, while D. N. Mamin-Sibiriyak can be considered his forerunner on this path. In support of this thesis, the comparison of their individual works has been made, emphasizing the fact of their value and genre-style convergence. The analysis involves the image of Fomich from Mamin-Sibiriyak's essay *Forest*, as well as the system of statements of this writer about the "sense of nature" characteristic of hero-hunters, and a whole series of Prishvin's confessions from his diary and essays *Forest Floors* and *Human Life*. On this basis, the roots of Prishvin's personal poetic "ecology" are identified, which boil down to the two main formulas: "the science of related attention" and the awareness of the surrounding world as "the great House of living beings." The article also analyzes in detail Prishvin's prose sketch "Moose" from the book *In the Land of Grandfather Mazai* compared to with the precedent text of Mamin-Sibiriyak's story *Emelya the Hunter* (1884). Another topical plot is a comparison of two autobiographical novels — Prishvin's *Kashcheev's Chain* and Mamin-Sibiriyak's *Traits from Pepko's Life*.

Keywords: Prishvin, Mamin-Sibiriyak, poetic dietetics, eco-consciousness, axiology, genre-style convergence, narrative

Citation: Zyryanov, O. V. (2024). M. M. Prishvin and D. N. Mamin-Sibiriyak: towards the rationale of poetic eco-dietics. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanities*, 10(4), 42–57. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-42-57>

Received Sep. 1, 2024; Reviewed Sep. 16, 2024; Accepted Dec. 2, 2024

Введение

Начнем с прояснения термина «поэтическая диэтика», вынесенного в заглавие данной статьи. Речь идет об идее органичности творческого процесса, о неразрывной связи продукта творчества и личности самого художника-творца. Формирование идеи поэтической диэтики происходит еще в недрах культуры предромантизма. В этой связи напомним знаменитую максиму Н. М. Карамзина о том, что «дурной человек не может быть хорошим автором» [Карамзин, 1964, с. 122]. Целенаправленные попытки Карамзина на посту редактора многочисленных журналов (в т. ч. и для разновозрастной аудитории) воспитать соответствующим образом своего читателя как некоего идеального реципиента произведений автора — это тоже немаловажная составляющая комплексной программы поэтической диэтики. Провозглашенный И. В. Гете принцип «*Dichtung und Wahrheit*»¹ на русской почве под пером В. А. Жуковского получает достаточно емкую и удачную формулировку: «Жизнь и Поэзия одно» [Жуковский, 2000, с. 235]. Приве-

¹ Из названия книги И. В. Гете «Из моей жизни: поэзия и правда» (первое издание 1811 г.).

денная максима из стихотворения поэта «Я Музу юную, бывало...» (1823), конечно, всё из той же самой серии.

Именно романтики отрефлектировали идеи поэтической диэтики и, по сути, придали ей терминологический статус. У нас в России это было осуществлено К. Н. Батюшковым в его знаменитом трактате «Нечто о поэте и поэзии» (1815–1816), вошедшем в первую, прозаическую часть «Опытов в стихах и прозе». Напомним соответствующий фрагмент:

«Надобно, чтобы вся жизнь, все тайные помышления, все пристрастия клонились к одному предмету, и сей предмет должен быть — Искусство. Поэзия, осмелюсь сказать, требует всего человека.

Я желаю — пускай назовут странным мое желание! — желаю, чтобы поэту предписали особенный образ жизни, пиитическую диэтику; одним словом, чтобы сделали науку из жизни стихотворца. <... > Первое правило сей науки должно быть: живи как пишешь, и пиши как живешь. *Talis hominibus fuit oratio, gualis vita*¹. Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы» [Батюшков, 1989, с. 41].

Как видно, Батюшков не просто связывает акт искусства и «особенный образ жизни» поэта-стихотворца. Он намечает вполне конкретные направления подобной связи, или их органического родства.

В перечне Батюшкова первое место занимает природа:

«Итак, удались от общества, окружи себя природою: в тишине сельской, посреди грубых, неиспорченных нравов читай историю времен протекших, поучайся в печальных летописях мира, узнавай человека и страсти его, но исполнись любви и благоволения ко всему человечеству...» [Батюшков, 1989, с. 41].

Вообще «образ жизни», с точки зрения Батюшкова, «действует сильно и постоянно на талант» [Батюшков, 1989, с. 42]. В другом месте Батюшков более детально расшифровывает сами природные факторы, во многом определяющие «особенный образ жизни» поэта: «Климат, вид неба, воды и земли — всё действует на душу поэта, отверстую для впечатлений» [Батюшков, 1989, с. 44]. Но здесь Батюшков уже, по сути, открывает путь для формирования поэтической эко-диэтики, которая ставит сам тип творческой деятельности художника в прямую зависимость от его природного окружения и персонального эко-сознания.

Практически уже на исходной черте, в своем, так сказать, потенциале идея поэтической диэтики заключала в себе возможность развития экологического сознания, системно-комплексный подход к проблеме экологии человека-художника. Думается, что важнейшую роль в формировании подобного эко-сознания и привития данных идей к уже известному и апробированному романтиками опыту поэтической диэтики принадлежит именно М. М. Пришвину, а его предтечей на этом пути вполне обоснованно может рассматриваться писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк.

¹ Перевод: «Такова была речь людей, какова была их жизнь» (изречение Сенеки из «Писем к Луциллию»).

Методы

Проблема соотношения творчества Пришвина и Мамина-Сибиряка далеко выходит за рамки обозначенной нами темы. Этому вопросу посвящена развернутая статья А. А. Медведева [2019] «Мамин-Сибиряк в дневниковой рефлексии М. М. Пришвина», в которой прослежены различные этапы рецепции творческого наследия уральского писателя, предпринятые Пришвиным на протяжении всей его творческой жизни. Так, достоверно установлено, что первые размышления Пришвина о Мамине-Сибиряке возникают во время его поездки на Урал в 1931 г. Но эти размышления приобретают программный, системно-концептуальный характер, особенно в связи с подготовкой самим Пришвиным текста «Слова о Мамине-Сибиряке» к выступлению в Комиссии по литературному наследию Мамина и в Литературном музее 10 февраля 1940 г. [Медведев, 2019, с. 123–125]:

«фигура Мамина стала одной из ключевых для Пришвина в его писательском самоопределении, самосознании себя как писателя. Финал жизненного пути Мамина Пришвин связывает с началом собственного писательского пути. Для Пришвина значим опыт личного самостояния Мамина, вопреки течениям того времени избежавшего „бездомности“ русской интеллигенции — идеологической оторванности от органики жизни <...> Мамин важен для Пришвина как выразитель „органической“ линии в русской литературе (Толстой, Аксаков) <...> Пришвин осознает себя продолжателем русской классической литературы в лице Мамина в утверждении вечных ценностей (дом, родина, любовь к настоящему, культурная традиция (быт), христианская культура...)» [Медведев, 2019, с. 133].

В дальнейшем мы попытаемся прочертить лишь несколько проблемно-сюжетных линий, связанных с ценностно-мировоззренческой и жанрово-стилевой конвергенцией обоих художников — в аспекте заявленной нами темы поэтической эко-диэтики. В качестве материала для сопоставления будут привлекаться, с одной стороны, дневниковые записи Пришвина, серия его очерков из книг-циклов «Неодетая весна» и «Башмак», а также фрагмент романа «Кашеева цепь», а с другой — очерки и рассказы Мамин-Сибиряка «Лес», «Охотник Емеля», «Богач и Еремка» и др. Применяемые в исследовании методы — сравнительно-исторический, структурно-типологический и феноменологический с использованием принципов нарративного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

«Так вот где корни моей „экологии“!»

Первая линия напрашивающегося сопоставления — ценностно-мировоззренческого характера, которая выводит нас к своего рода пантеистическому, или даже религиозно-мистическому, мироощущению Пришвина. Именно Пришвин, как нам кажется, наиболее системно отрефлектировал принцип органической связи художника и мира природы, по сути, выразил мистико-религиозную, если не сказать больше, софиологическую концепцию взаимоотношения личности художника-творца и окружающей его природно-космической стихии. «Какие чудеса там, в глубине природы, из которой я вы-

шел» [Пришвин, 1990, с. 24] — записывает в своем дневнике Пришвин. И не об этом ли его важнейшее кредо, что именно «на границе природы и человека нужно искать Бога» [Пришвин, 1990, с. 16]?

В дневниковой записи от 31 июля 1938 г. находим характерное признание: «Так вот где корни моей „экологии“!». Примечательно, что еще заключенное в кавычки, но уже сугубо персонифицированное понятие «экология» идет у писателя в окружении религиозной идеи «согласия с миром, которым обладает непосредственно каждая тварь», «сознанием единства, преодолевающего жизнь» и, в конечном счете, выводящего к «достижению бессмертия» [Пришвин, 1990, с. 267]. В записи от 28 декабря того же года появляется удачная формулировка, которая станет принципиальной для писателя и во многом объясняющей «мгновения гармонии» как выражение некоего идеала, — это «чувство родственного внимания» [Пришвин, 1990, с. 270]. В записи от 15 июня 1941 г. Пришвин выскажется еще более определенно: «Моя наука есть наука родственного внимания¹: своеобразия каждого существа» [Пришвин, 1990, с. 299].

«Природа, мир, тайник вселенной» (говоря словами Б. Пастернака) раскрывается у Пришвина исключительно в «перспективе родственного внимания». Так, в дневниковой записи о «синичке на окне», вызывающей в душе художника «необычайное волнение», и прежде всего «от чувства связи их мира и нашего», от того, что «синичка эта есть во мне самом» (19 октября 1939 г.) [Пришвин, 2010, с. 451], нельзя не услышать явные отзвуки тютчевского пантеизма: «Всё во мне, и я во всем» [Тютчев, 1965, с. 75]. Еще в одном рассуждении о том, что «не один человек, но вся природа и в ней всякий род, даже род атомов, протонов и всяких еще более мелких частиц материи, таит в себе носителя лица. В материи нет ничего мертвого, в ней всё живое» (4 мая 1950 г.) [Пришвин, 2016, с. 79], также просматривается очевидная параллель с программной декларацией Тютчева «Не то, что, мните вы, природа...»².

Однако, помимо Тютчева, тут можно вспомнить и других русских писателей — Тургенева и Мамин-Сибиряка, особо ценимых Пришвиным. В данной связи представляются показательными образы Касьяна с Красивой Мечи из одноименного рассказа Тургенева и охотника Фомича из психологического этюда Мамин-Сибиряка «Лес» (1887). Однако вот что примечательно: то, что у предшественников Пришвина излагается чаще всего от лица литературных персонажей, как правило, представителей народа, у Пришвина выражает ценностную позицию самого автора, некую константу его художественной антропологии, а заодно, можно сказать — и космогонии, и софиологии.

¹ Здесь и далее во всех цитатах курсив принадлежит автору статьи. — О. З.

² В дневниковой записи от 1 апреля 1942 г. Пришвин отмечает два близких ему в Тютчеве момента: во-первых, то обстоятельство, что у Тютчева с годами «природа и человек соединяются в единство», во-вторых, «борьбу с метафизикой за поэтическую свободу, за цельность, родственное внимание к миру» [Пришвин, 1990, с. 322]. Последнее обстоятельство, акцентированное нами выше, особенно примечательно в плане поэтической эко-диетики.

Для доказательства приведем мысли маминского героя Фомича, которому явно симпатизирует и сам автор-повествователь, неслучайно характеризуя своего героя «пантеистом» и «прозорливым поэтом»:

« — Каждая травка свое место знает... да! < ... > Вот она, премудрость-то, в чем... Мы вот умеем только рубить да ломать, а она, трава-то, тоже поди чувствует по-своему: в ней тоже душа.

— И еще другая премудрость есть, — продолжал этот пантеист, вынимая табакерку: — зашел ты в лес — для тебя мертво всё... И трава, и лес, и кусты — всё мертво. Так я говорю? А это так кажется, потому что всё со страхом затаилось от тебя — и козявка, и птица, и зверушка всякая. Ты, как чума, идешь по лесу-то... да! А вот, если ты этак где-нибудь затихнешь, — всё и покажется, со всех сторон подымется разное живье. И у всякой-то твари свой уголок есть, и у всякой твари свой порядок, и всё на своем месте. Даже это удивительно; что столько в лесу разного живья. Человеку вот тесно, друг друга едят, а тут как вода кипит: и червячок, и козявка, и мушка, и ящерица, и птица... Всякому свой предел. Так-то... А вот человеку куда деваться. Зачем?..»¹ [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 4, с. 387].

Автор-повествователь в очерке Мамина-Сибиряка вступает в настоящий диалог с живой душой леса. Как результат подобного диалога, этого «чувства связи» природного мира и человеческого, предстает овладевающее душой повествователя «какое-то необыкновенно хорошее и доброе чувство, точно начинаешь жить снова». По его же собственному признанию, «именно здесь, в лесу, вы чувствуете, что в вас затихает и боль, и невзгоды, и заботы, сменяясь свежим и светлым чувством жизни» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 4, с. 386–387]. Но это чувство жизни несомненно поддерживается ощущением единства всего живого, природы как единого и ценностно упорядоченного целого или, по словам главного нашего героя — Пришвина, сознанием экологии как «великого Дома живых существ» [Пришвин, 1986, т. 4, с. 260].

Термин «экология» получает у Пришвина достаточно полное и емкое определение в очерке «Этажи леса» из цикла «Неодетая весна» (1940). Сын писателя Петя на тот момент был ассистентом кафедры экологии, работая под руководством известного профессора-эколога А. Н. Формозова, также он входил в состав отцовской экспедиции, история которой и получила отражение в указанном цикле очерков. Данное обстоятельство заставило Пришвина напрямую поразмышлять над термином «экология»:

«Из биологических наук нас обоих [самого писателя и его сына Петю] больше всего интересовала экология, или учение о доме живых существ („ойкос“ с древнегреческого — „дом“). Но, конечно, каждый из нас понимал это учение о доме животных по-своему.
< ... >

¹ По поводу последнего недоуменного вопроса «Зачем?», обнаруживающего экзистенциальную пропасть, отделяющую человека от мира природных существ и явлений, опять-таки можно вспомнить Тютчева с его «Певучесть есть в морских волнах ...». Но в данном случае еще более напрашивающейся параллелью представляется лермонтовское признание из стихотворения «Валерик»: «Жалкий человек. / Чего он хочет!.. небо ясно, / Под небом места много всем, / Но беспрестанно и напрасно / Один враждует он — зачем?» [Лермонтов, 1975, с. 94].

Петю интересовало взаимоотношение животных со своей средой... <...> Меня же увлекала самая сказка этой удивительной науки, страстное желание своими глазами повидать, своими словами рассказать о домике каждого животного, может быть, и растения, и все эти домики соединить в ландшафт страны. Мне хотелось, чтобы ландшафтом не только бы праздно любовались, когда захочется, а чтобы ландшафт раскрывался перед всеми, как Дом живущих на земле растений, животных, человека. Это необъятно широкая задача, вытекающая из недр моей родственной связи с природой, мучительно требовала уточнения, ясного понимания, за что взяться, с чего начать» [Пришвин, 1986, т. 4, с. 260].

Именно в диалоге со своим сыном, а точнее, с его естественнонаучным подходом к пониманию экологии, во многом определился чисто художнический, во многом даже «сказочный», присущий именно писателю, взгляд Пришвина на окружающий мир как «Дом живых существ».

«Чувство родственного внимания к другому человеку»

Вторая линия сопоставления Пришвина и Мамин-Сибиряка связана с пристрастием обоих писателей к охоте. В данном случае речь идет не только о специфической форме реальной жизненной практики (Пришвин в этой связи, например, признавался, что «охота с фотографической камерой» стала увлекать его «даже еще больше, чем с ружьем» [Пришвин, 1986, т. 4, с. 244]), но и о глубинной сущности самого творческого процесса — вплоть до отдельного жанра охотничьего рассказа, а также об особом характере, можно даже сказать, оптике художественного зрения, свойственного тому и другому писателю.

Объяснение принципов пейзажной живописи, и шире — самой философии природы, у Мамин-Сибиряка находим в автобиографическом романе «Черты из жизни Пепко» (1894). По собственному признанию автора, их генезис и развитие обусловлены двумя факторами — изучением полотен известных живописцев и, что особенно важно, самой жизненной практикой охоты и охотничьих привалов.

«С каким удовольствием я проверял свои описания природы по лучшим картинам, сравнивал, исправлял и постепенно доходил до понимания этого захватывающего чувства природы¹. Мне много помогло еще то, что я с детства бродил с ружьем по степи и в лесу и не один десяток ночей провел под открытым небом на охотничьих привалах» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 7, с. 64].

В малоизвестном рассказе «Ужасный случай. Из скитаний по Уралу» (1896) Мамин-Сибиряк дает очень точное понимание самой сущности охоты, что замечательно вписывается в известную традицию русской литературы, идущей еще от «Записок охотника» Тургенева:

¹ Об особом «чисто охотничьем чувстве природы» писал и Пришвин в своей книге-цикле «Неодетая весна» (фрагмент «Край дедушки Мазая): «Совсем неожиданно для себя я открыл, что чувство природы в литературе сказалась вполне оригинально только у тех, кто был охотником. У Льва Толстого, Мамин-Сибиряка и в особенности у Некрасова» [Пришвин, 1986, т. 4, с. 263].

«Как удовольствие — это вещь, без сомнения, жестокая, но для меня лично она всегда служила только предлогом для горных экскурсий. Что ни говорите, а без ружья вы далеко не пойдете, как бы ни любили природу; а затем, сами по себе, охотники — народ очень интересный: все охотники обладают *развитым чувством природы, известной поэтической складкой и наблюдательностью*» [Мамин-Сибиряк, 1912, с. 190].

С пристрастием к охоте у Пришвина и Мамина-Сибиряка связаны не только «развитое чувство природы» и особая поэтическая складка натуры, но и дар наблюдательности, свойственный пытливому очеркисту-журналисту, то «чувство родственного внимания», которое, как мы имели возможность убедиться, лежит в основе поэтической эко-диэтики. Приведем на сей счет характерное признание Пришвина из очерка «Жизнь человека», вошедшего в цикл «Башмаки (Исследование журналиста)» (1925):

«Обывателю его беседы даются даром, но ведь журналисту нужно в конце концов что-то сделать из этого материала; естественное внимание разбивается постоянным отбором материала, сочувствие человеку обрывается скукой, если он, как это бывает всегда, вдается в рассказе в ненужные подробности, или, наоборот, вдруг влечет какой-нибудь неожиданный оборот речи, явится страх, как бы не забыть его, и очень мешает вниманию. *И самое ужасное, что в те минуты, когда или от скуки, или от наплыва мыслей, посторонних разговору, исчезает из сознания собеседник*, — лицо журналиста должно оставаться обманчиво-внимательным и сочувствующим. Невозможно, совершенно немислимо всё это проделать, если не обладать *чувством родственного внимания к другому человеку*, не иметь в душе своей смутную надежду, что испытанием другой души раскроется и своя собственная, что *человеческие отдельности в конце концов только разные переживания единого в себе лица*» [Пришвин, 1986, т. 3, с. 460–461].

Как видим, принцип «Всё во мне, и я во всём» осуществляется у Пришвина не только в мире природы, но и в системе общечеловеческих отношений, предполагающих конвергентный (или диалогический) тип сознания. Что касается Мамина-художника, то он также известен многочисленными очерками, своего рода художественными «исследованиями журналиста», во многом продиктованными «чувством родственного внимания к другому человеку», своего рода стихийно-органической способностью к диалогическому стилю общения. При том что Мамин-Сибиряк не называл себя напрямую журналистом, предпочитая другую номинацию — очеркист, беллетрист, тем не менее, в своих очерках он выразил установку на конвергенцию сознаний, такое «испытание другой души», в ходе которого прояснялось, что это всё это «только разные переживания единого в себе лица», что, кстати, выразилось в известной формуле из романа «Черты из жизни Пепко»: «Неужели можно удовлетвориться одной своей жизнью? Нет, жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец — вот где настоящая жизнь и настоящее счастье!» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 7, с. 214]. Несомненно, подобная установка конвергентного типа сознания, проявившаяся в художественной практике Мамина-Сибиряка, не могла не сказаться в обосновании Пришвиным его собственной «науки родственного внимания».

«Они чисты, как дети»: о жанрах детской хрестоматии

Третий и, пожалуй, самый значительный момент сближения Пришвина и Мамина-Сибиряка намечается в жанрах малой прозы, как правило, повествующих о природе и животном мире и на этом основании утвердившихся на страницах детских хрестоматий. Вот как в подобном отношении оценивал собственные произведения Пришвин:

«Из старых писателей Грибоедов чудесно сказал: „Пишу, как живу, и живу, как пишу“¹.

Таков и мой идеал: достигнуть в словесной форме согласия ее с моей жизнью.

Больше всего из написанного мною, как мне кажется, достигают единства *со стороны литературной формы и моей жизни* маленькие вещицы мои, попавшие и в детские хрестоматии. <...>

Из-за того я их и пишу, что они пишутся скоро, и, пока пишешь, не успеешь надумать от себя чего-нибудь лишнего и неверного. *Они чисты, как дети, и их читают и дети, и взрослые, сохранившие в себе свое личное дитя*» [Пришвин, 1986, т. 2, с. 450].

Кстати, именно по этим, сформулированным самим Пришвиным, параметрам (минимизированный формат — «маленькие вещицы», целевая аудитория — «детские хрестоматии», стиль своего рода художественного целомудрия — ничего от себя «лишнего и неверного») он удивительным образом совпадает с Маминим-Сибиряком, автором таких ярчайших хрестоматийных рассказов для детей, как «Емеля-охотник», «Зимовье на Студеной», «Постойко», «Приемьш», «Серая шейка», «Богач и Еремка», «Аленушкины сказки» и др.

Именно в этих произведениях свое наиболее яркое художественное воплощение нашли принципы интересующей нас поэтической эко-диэтики. В качестве доказательства приведем лишь один, но очень показательный пример: это очерк Пришвина «Лоси» из книги «Неодетая весна» (1940)². Данный текст можно рассматривать как примечательную параллель известному рассказу Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник» (1884).

Напомним, что в маминском тексте речь идет о старом охотнике Емеле и его внуке Гришутке, больном шестилетнем мальчике, мечтающем о телячке — маленьком олененке, обязательно желтеньком. Вышедший на охоту Емеля только на четвертый день выследил мать-олениху с телячком. «Благородное животное десять раз рисковало жизнью, стараясь отвести охотника от спрятавшегося олененка; старый Емеля и сердился, и удивлялся смелости своей жертвы» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 6, с. 549]. Однако, припомнив, с каким геройством защищала телячка его мать, равно как и мать Гришутки,

¹ Ср. в письме А. С. Грибоедова к П. А. Катенину, <первая половина января — 14 февраля 1825 г.>: «Я как живу, так и пишу свободно и свободно» [Грибоедов]. Удивительным образом данное признание почти дословно совпадает с уже известной нам максимой К. Н. Батюшкова из трактата «Нечто о поэте и поэзии».

² Данный очерк существует и в форме прозаической миниатюры как, по всей видимости, радикально сокращенный вариант специальной обработки для детей [Пришвин, 1981, с. 19–20]. В дальнейшем мы будем рассматривать именно этот «детский» вариант, дополняя его при необходимости указанием на более полный текст, входящий в цикл очерков «Неодетая весна» [Пришвин, 1986, т. 4, с. 308–311].

спасшая сына от волков своею жизнью («Мать, пока волки грызли ей ноги, закрыла ребенка своим телом, и Гришутка остался жив» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 6, с. 545]), Емеля опустил ружье: «Точно что оборвалось в груди у старого Емели», «пожалел малого зверя... матку пожалел...» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 6, с. 550].

Нравственно-педагогический смысл рассказа Мамина-Сибиряка сводится к победе нравственно-эстетического чувства (совести, сострадания всему живому, почти детского умиления) над законом природной необходимости. Писатель неслучайно подчеркивает обыденность охотничьей практики Емели — этого «записного охотника», который весь год, т. е. и зиму, и лето, «ходил в своей оленьей шапке» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 6, с. 546].

Заметим, что и его внучок Гришутка, страдающий уже несколько месяцев затяжной простудой, укрывается «теплой оленьей шкурой» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 6, с. 544]. Таким образом, практика охоты вызвана в мире маминских героев установившимся законом природной необходимости, элементарным способом борьбы за существование. Но Мамин-Сибиряк показывает, как наперекор этой жизненно-прагматической установке в душе героев торжествует чувство красоты и умиления, что неоднократно подчеркивается мотивом улыбки. Задумчивая улыбка первый раз появляется на лице старого охотника еще в лесу, сразу же после освобождения маленького олененка, потом она возвращается к герою при воспоминании о шустром олененке-бегуне. Прочувствованный, задушевный рассказ деда-охотника о спасении олененка в лесу вызывает веселый смех Гришутки. Наконец, показателен финальный диалог деда Емели и его внука:

«— Так он убежал, олененок-то?

— Убежал, Гришук...

— Желтенький?

— Весь желтенький, только мордочка черная да копытца.

Мальчик так и уснул и всю ночь видел маленького желтенького олененка, который *весело гулял по лесу со своей матерью*; а старик спал на печке и *тоже улыбался во сне*» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 6, с. 551].

Мотив улыбки в тексте Мамина-Сибиряка задает эстетическую категорию умиления. В финальном фрагменте заложен даже некий парадокс: старик-охотник «тоже улыбался». Что означает это «тоже»? То ли дед улыбался вслед спящему ребенку Гришутке, а детскость в данном случае явно коррелирует с мотивом умиления? То ли улыбка идет в унисон весело гуляющему по лесу со своей матерью желтенькому олененку, который становится параллелью чудом спасенному от нападения волков мальчику Гришутке? Скорее всего, оба объяснения следует принять как равноправные. И обусловлено это именно «чувством родственного внимания», единством всего живого, «своеобразием каждого существа», говоря языком Пришвина. Во всяком случае ясно одно: то, что человек в определенной ситуации не уподобляется волчьей стае, действующей исключительно по законам природной необходимости, и составляет основу идейно-ценностной структуры рассказа Мамина-Сибиряка.

Что касается прозаической миниатюры Пришвина, а именно «детской» обработки очерка «Лоси», то он сохраняет диалогически-сказовую форму повествования, выдерживает даже функциональные роли персонажей: деда-сказителя (хотя здесь не про-

смачивается кровного родства, а только подчеркивается авторитетность возраста и опытности) и группы слушателей (опять же великовозрастной, но, как выясняется, не слишком знакомой с жизнью деревни и природы), от лица которой выступает и я-повествователь (не как нарратор, но как персонаж)¹. Контрастность этих двух групп становится своеобразным провоцирующим моментом. Так, я-повествователь настаивает на безобразии лосей: «Огромные, а ножки тонкие, голова носатая, рога — как лопаты» [Пришвин, 1981, с. 20]. Дед-охотник, напротив, утверждает обратное: «очень хорошенькие», «один был особенно хорош» (об одном из детенышей лосихи), «только уж такие они хорошенькие» [Пришвин, 1981, с. 20].

Отметим несколько сюжетно-мотивных линий, по которым Пришвин в охотничьей истории с лосихой напрямую переключается со своим предшественником Маминым-Сибиряком. Во-первых, это подчеркивание мотива красоты, основывающееся на уподоблении природного зверя (будь то лось или олень) представителям человеческого рода. Так, говоря о матери-лосихе, охотник у Пришвина руководствуется результатом проведенного им эксперимента: «убежит она или не кинет детей?», «убежит она от детей или то же и у них, как у нас» (т. е., как у людей)? Оказывается, «у них, как и у нас», а потому сама лосиха и ее детеныши наделяются совершенно антропоморфными характеристиками: так, защищая своих лосят, мать-лосиха «так яро на меня поглядела», «и прямо на меня идет и яро глядит», тогда как сами лосята — «чисто дети», «долго играли, а когда наигрались, то к матке» [Пришвин, 1981, с. 20]. Мотив материнского подвига самоотвержения и подчеркнутая детскость и игривость детенышей (лосят и маленьких оленят) полностью совпадают в рассказах Пришвина и Мамин-Сибиряка. «Это был прехорошенький олененок» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 6, с. 549] — данная характеристика практически без изменений переходит в текст прозаической миниатюры Пришвина.

Во-вторых, удивительно совпадают мотивировки поступков героев-охотников в обоих рассказах. Дед Емеля у Мамин-Сибиряка вооружен винтовкой, но опускает ружье в связи с охватившим его душевным волнением — жалостью к маленькому, незащитному животному. Дед-охотник у Пришвина также вооружен ружьем и, к тому же, острой (рыболовным орудием в виде вил с несколькими зубьями) и точно также не пускает их в дело: «Так вот и забыл, как всё равно мне руки связали. А в руке острога. Стоило бы только двинуть рукой» [Пришвин, 1981, с. 20]. В этом благородном движении души героя не останавливает и мысль о вкусном студне из лосятины: «Забыл и про студень!» [Пришвин, 1981, с. 20]. В финале рассказа Мамин-Сибиряка вместо питательной оленины, в т. ч. и как лечебного средства, за которым пускается в четверодневную охоту дед Емеля, также фигурирует лишь похлебка из глухаря.

¹ Иной представляется нарративная структура очерка «Лоси» из цикла «Неодетая весна». Основной рассказ в нем также приписывается деду Мазаю, но реплики я-повествователя частично распределены между другими персонажами — Петей (сыном) и Аришей (домработницей). В очерке комбинируется сразу же несколько историй деда Мазаю: помимо истории с лосихой и ее детенышами (исключительный предмет прозаической миниатюры) сказовому изложению подлежат еще два случая — со слепым лосем и поистине кровавая драма лосиного семейства, окончательно отвратившая деда Мазаю от убийства лосей.

Заключение

В заключение акцентируем еще один возможный сюжет сопоставления, касающийся на этот раз двух автобиографических романов — «Черты из жизни Пепко» Мамина-Сибиряка и «Кашеева цепь» Пришвина. Известно, как высоко котировал маминский роман Пришвин, утверждая, что «в Пепко вскрывается внутренняя двигательная сила всего написанного Маминым», что «Пепко есть свидетельство, что Мамин — настоящий поэт, независимый от внешних условий» [Пришвин, 1990, с. 279]. По нашему предположению, маминский роман отчасти может служить объяснением одного из казусов, приключившихся с героем романа Пришвина.

В чем заключается данный казус? В дневниковой записи от 7 января 1932 г. и в связи с достаточно пессимистическими размышлениями об общественной природе человека (в противовес горьковскому оптимизму) Пришвин признается: «Да, лично-то нет вовсе людей (как в „Кашеевой цепи“: *героя нет — заяц герой*)» [Пришвин, 2009, с. 10]. В какой-то мере заострить приведенную дневниковую заметку позволяет достаточно парадоксальный, на первый взгляд, авторский пассаж из вступления к роману, в котором речь идет не просто о герое-зайце, но именно о «таинственном зайчике», тайна которого еще нуждается в специальном объяснении:

«После того я окончательно убедился, что герой может быть не только не героем, но даже и личность в нем необязательна: он может просто, как зайчик, выйти посидеть на терраску, а из-за этого произойдут события грандиознейшие. Так бывает!

К сожалению, в этот раз мне всё-таки не удалось сделать вполне героем зайца; мало-помалу я с ним так сроднился, что дал ему черты мальчика, каким я сам был, хотя имя оставил ему всё-таки заячье: Курымушка.

Некоторые из моих друзей, прочитав рассказы о Курымушке, однако совершенно не догадались, что *рассказывается в них о каком-то таинственном зайчике*, и всё приняли как автобиографию и семейную хронику» [Пришвин, 1986, т. 2, с. 7–8].

По сути, «таинственный заяц» в какой-то мере становится двойником самого героя, а возможно и автора — точно так же, как в маминском романе действуют одновременно два героя по фамилии Попов: сам автор-повествователь и его однофамилец по прозвищу Пепко. Да и сам эпитет, которым награждается заяц-герой, а именно — эпитет «таинственный» получает свое объяснение также во многом из маминского комментария в романе «Черты из жизни Пепко». Приведем этот многозначительный пассаж, в котором дается объяснение, почему «придумывать жизнь нельзя, как нельзя довольствоваться фотографиями»:

«За внешними абрисами, линиями и красками должны стоять живые люди, нужно их видеть именно живыми, чтобы писать. Это самый таинственный процесс в психологии творчества, еще более таинственный, чем зарождение какого-нибудь реального существа» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 7, с. 147].

Несомненно, что и «таинственный зайчик» Пришвина вводит нас в самую сокровенную глубину таинственного процесса психологии творчества.

Приведем одно характерное суждение Пришвина из его очерка «Край дедушки Мазая», вошедшего в книгу-цикл «Неодетая весна»:

«Тут же вот, читая поэму Некрасова [«Дедушка Мазай и зайцы»], я раздумывал о том, что если какому-нибудь зайцу выпадает доля спастись, не глядя на других, а совершенно по-своему, как ни один заяц никогда не спасался, то изучение такого зайца как индивидуальности и есть *путь родственного внимания...*» [Пришвин, 1982, т. 4, с. 265].

Примечательно также, что заяц выступает героем многочисленных произведений Мамина-Сибиряка: и «Сказки про храброго Зайца — длинные уши, косые глаза, короткий хвост», входящей в состав цикла «Аленушкины сказки», и рассказа для детей «Всех страшнее». Но, пожалуй, показательнее всего в этом отношении рассказ «Богач и Еремка» (1904) — лирически откровенная история о том, как профессиональный охотник (старик Богач) и его собака (по кличке Еремка) спасают и выхаживают раненного зайчишку, получившего прозвище Черное Ухо. Это рассказ о привязанности старого охотника, который всю жизнь занимался отстрелом зайцев, к маленькому и беззащитному существу, которое становится для него настоящим другом и приводит к кардинальному изменению устоявшейся на протяжении целых десятилетий ценностной картины мира.

Напомним в этой связи признание старого героя-охотника: «Уж если Еремка не взял зубом калеку, посовестился, так ему, Богачу, и подавно совестно беззащитную тварь убивать. Другое дело, если бы он в ловушку попал, а то больной зайчишка, — и только» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 6, с. 660]. Писателю важно показать, как единичный случай спасения больного зайчишки, осмысленный с позиции совести, влечет за собой важнейшие и необратимые в нравственном отношении последствия — отказ от охоты вообще: «А теперь выходило так, как будто и совестно губить глупых зайцев, совестно перед Черным Ушком» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 6, с. 667]. Сравнение зайчишки с «младенцем», который «по-ребячьи и плачет» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 6, с. 664], а также с «человеком, который приготовился к смерти» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 6, с. 660], получает наконец-то свое философское обоснование. В модусе сознания главного героя Богача это выглядит следующим образом: «Может, и в ём своя заячья душонка тоже есть, так, плохонькая совсем душонка» [Мамин-Сибиряк, 1955, т. 6, с. 667]. Данный рассказ Мамина-Сибиряка удивительным образом продолжает начатую еще «Емелей-охотником» проблемно-сюжетную линию «родственного внимания» к представителям природно-животного мира, утверждения ценности и своеобразия каждого существа «как индивидуальности», что, кстати, задает и важнейший ценностный контекст рассмотренного нами мини-рассказа Пришвина «Лоси».

Напомним, что данную статью мы начинали с провозглашения ведущего принципа поэтической диэтики в изложении К. Н. Батюшкова: «Живи, как пишешь, и пиши, как живешь». В романе «Кашеева цепь» в главке «Трудное признание» отметим удивительно схожую максиму Пришвина-писателя: «Скажу наперед, мне очень хочется, чтобы моя биография показала бы: я жил, как писал, и писал, как жил» [Пришвин, 1986, т. 2, с. 451]. Именно в этом, а также в «науке родственного внимания» и осознании всего окружающего мира как «великого Дома живых существ», как мы пытались показать, и состоит существеннейший корень персональной поэтической эко-диэтики Михаила Пришвина и его предшественника на этом пути — Д. Н. Мамина-Сибиряка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Батюшков К. Н. 1989. Нечто о поэте и поэзии // Батюшков К. Н. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература. Том 1. С. 39–46.
- Грибоедов А. С. 1988. Сочинения. М.: Художественная литература. 751 с.
- Жуковский В. А. 2000. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры. 840 с. Том 2. Стихотворения 1815–1852.
- Карамзин Н. М. 1964. Что нужно автору? // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. М.–Л.: Художественная литература. Том 2. С. 120–122.
- Лермонтов М. Ю. 1975. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Художественная литература. Том 1. 648 с.
- Мамин-Сибиряк Д. Н. 1912. Рассказы и сказки: в 2 т. М.: Юная Россия. Том 1. 216 с.
- Мамин-Сибиряк Д. Н. 1953–1955. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Гослитиздат.
- Медведев А. А. 2019. Д. Н. Мамин-Сибиряк в дневниковой рефлексии М. М. Пришвина // Известия Уральского федерального университета. Гуманитарные науки. № 2 (187). С. 122–134.
- Пришвин М. М. 1981. В краю дедушки Мазая. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство. 159 с.
- Пришвин М. М. 1982–1986. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература.
- Пришвин М. М. 1990. Дневники / сост., предисл. и комм. Ю. А. Козловского. М.: Правда. 480 с.
- Пришвин М. М. 2009. Дневники. 1932–1935. Книга восьмая / подгот. текста Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной. СПб.: Росток. 1008 с.
- Пришвин М. М. 2010. Дневники. 1938–1939 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой; статья, коммент. Я. З. Гришиной. СПб.: Росток. 608 с.
- Пришвин М. М. 2016. Дневники. 1950–1951 / подгот. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной. СПб.: Росток. 736 с.
- Тютчев Ф. И. 1965. Лирика: в 2 т. М.: Наука. Том 1. 447 с.

References

- Batyushkov, K. N. (1989). Something about the poet and poetry. In K. N. Batyushkov, *Works in 2 vols.* (Vol. 1, pp. 39–46). *Khudozhestvennaya literatura*. [In Russian]
- Griboedov, A. S. (1988). *Works*. *Khudozhestvennaya literatura*. [In Russian]
- Zhukovsky, V. A. (2000). *The Complete Collection of Writings and Letters: in 20 vols.* (Vol. 2. 1815–1852 Poems). *Yazyki slavyanskoy kultury*. [In Russian]
- Karamzin, N. M. (1964). What does the author need? In N. M. Karamzin, *Selected Works: in 2 vols.* (Vol. 2, pp. 120–122). *Khudozhestvennaya literatura*. [In Russian]
- Lermontov, M. Yu. (1975). *Collected works: in 4 vols.* (Vol. 1). *Khudozhestvennaya literatura*. [In Russian]
- Mamin-Sibiryak, D. N. (1912). *Stories and Fairy Tales: in 2 vols.* (Vol. 1). *Young Russia*. [In Russian]
- Mamin-Sibiryak, D. N. (1953–1955). *Collected Works: in 8 vols.* *Goslitizdat*. [In Russian]

М. М. Пришвин и Д. Н. Мамин-Сибиряк...

- Medvedev, A. A. (2019). D. N. Mamin-Sibiryak in the diary reflection of M. M. Prishvin. *Izvestia. Ural Federal University Journal*, (2), 122–134. [In Russian]
- Prishvin, M. M. (1981). *In the Land of Grandfather Mazai*. Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'svo. [In Russian]
- Prishvin, M. M. (1982–1986). *Collected Works: in 8 vols*. Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]
- Prishvin, M. M. (1990). *Diaries* (Yu. A. Kozlovskiy, Ed., Foreword, Comment.). Pravda. [In Russian]
- Prishvin, M. M. (2009). *Diaries. 1932–1935* (Ya. Z. Grishina, Ed., Comment.). Rostock. [In Russian]
- Prishvin, M. M. (2010). *Diaries. 1938–1939* (Ya. Z. Grishina, Ed., Comment.; A. V. Kiselyova, Ed.). Rostock. [In Russian]
- Prishvin, M. M. (2016). *Diaries. 1950–1951* (Ya. Z. Grishina, Ed., Comment.; L. A. Ryazanova, Ed.). Rostock. [In Russian]
- Tyutchev, F. (1965). *Lyrics: in 2 vols*. (Vol. 1). Nauka. [In Russian]

Информация об авторе

Олег Васильевич Зырянов, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
o.v.zyrianov@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3327-8116>

Information about the author

Oleg V. Zyryanov, Dr. Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
o.v.zyrianov@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3327-8116>

Михаил Пришвин
(1873–1954)

Мистическое чувство природы в творчестве М. М. Пришвина в пространстве философско-исторической мысли*

Светлана Алексеевна Мартянова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир,
Россия

Контакт для переписки: martyanova62@list.ru

Аннотация. В статье восстанавливаются особенности переживания природы М. М. Пришвиным как храма в историографическом пространстве и выявляется генезис его религиозной идентичности. Автор выявляет два круга таких источников: как современный писателю, так и относящийся к контексту «большого исторического времени». Опираясь на материалы «Дневников» М. М. Пришвина, автор статьи сопоставляет идеи писателя с религиозно-философскими поисками Е. Н. Трубецкого, отраженными в работе «Россия в ее иконе»: воплощенные в новгородских иконах XI и XV вв., в украшениях Дмитриевского собора во Владимире, на иконе «О Тебе, Благодатная, радуется всякая тварь» представления о единстве всей твари, соборно-

* Статья на основе доклада, представленного на Международной конференции «Михаил Пришвин и современность: персонализм — эго-документ — экосознание» (29–31 мая 2023 г., Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия).

сти, включающей не только человеческий, но и природный мир. В статье отмечается родство идей Пришвина и Трубецкого с утверждениями В. С. Соловьева в статье «Общий смысл искусства». К числу близких Пришвину научных работ автор относит книгу В. М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914). Пришвинское понимание природы рассмотрено также как часть русского францисканства. В статье проанализировано влияние русских книг о св. Франциске на художественные идеи писателя. Результаты подчеркивают христианский характер богоискательских и творческих идей М. М. Пришвина, а также их включенность в культурно-исторический и подкрепленный романтическими прозрениями писателя контекст, который восходит к «Шестодневам», суждениям святых отцов, средневековым представлениям о мире как книге.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, мистика, русская религиозная философия, русское францисканство, П. Флоренский, В. Жирмунский

Цитирование: Мартыанова С. А. 2024. Мистическое чувство природы в творчестве М. М. Пришвина в пространстве философско-исторической мысли // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 58–69. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-58-69>

Поступила 07.07.2024; одобрена 29.08.2024; принята 02.12.2024

The mystical sense of nature in M. M. Prishvin's works within the space of philosophical and historical thought*

Svetlana A. Martyanova✉

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

Corresponding author: martyanova62@list.ru✉

Abstract. This article reveals the genesis of M. M. Prishvin's religious identity and restores the features of his experience of nature as a temple in the historiographic space. The author identifies two circles of such sources: those contemporary to the writer and in the context of "great historical time." Based on M. M. Prishvin's *Diaries*, the author of the article compares the writer's ideas with the religious and philosophi-

* This article is based on the paper presented at the International Conference *Mikhail Prishvin and Modernity: Personalism — Ego-Document — Ecoconsciousness* (May 29–31, 2023, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russia).

cal searches of E. N. Trubetskoy, reflected in the work *Russia in Its Icon*: the idea of unified creation, catholicity, including not only humans, but the natural world as well; the idea, embodied in Novgorod icons of the 11th and 15th c., in jewelry of the Demetrievsky Cathedral in Vladimir, and on the icon *All Creation Rejoices in You, O Full of Grace*. The article highlights the close relation of Prishvin's and Trubetskoy's ideas to V. S. Solovyov's statements in the article "The General Meaning of Art." In this article, V. M. Zhirmunsky's book *German Romanticism and Modern Mysticism* (1914) is included into academic works on Prishvin. Prishvin's understanding of nature is also considered as a part of Russian Franciscanism. This article analyzes the influence of Russian books on St. Francis on the writer's artistic ideas. The results show the Christian nature of M. M. Prishvin's God-seeking and creative ideas, their inclusion in the writer's contemporary and cultural-historical context, going back to the "Hexaemeron," the judgments of the holy fathers, medieval ideas about the world as a book, and reinforced by romantic insight.

Keywords: M. M. Prishvin, mysticism, Russian religious philosophy, Russian Franciscanism, P. Florensky, V. Zhirmunsky.

Citation: Martyanova, S. A. (2024). The mystical sense of nature in M. M. Prishvin's works within the space of philosophical and historical thought. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(4), 58–69. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-58-69>

Submitted Jul. 7, 2024; Reviewed Aug. 29, 2024; Accepted Dec. 2, 2024

Введение

Как само творчество М. М. Пришвина, так и тип его художественного мышления таят в себе много непроясненного. Остаются не до конца выявленными связи писателя с идеями Серебряного века, европейской культурной традицией, связь чувства природы с чувством истории, которая так ярко проявила себя в его дневниках, а также вопросы религиозной идентичности. Все они внешне кажутся разнородными, но на самом деле связаны друг с другом.

Целью данной статьи является восстановление истоков и источников особенного переживания природы как храма и тайны — постоянной темы творчества Пришвина. Проследить историю изучения вопроса, определить генезис концепции природной жизни как жизни мистической в творчестве Пришвина с опорой на более широкий контекст современной ему эпохи и «большого исторического времени»¹ — основные задачи исследования.

¹ Понятие «большого исторического времени» предполагает длительный период латентного существования смысла и его художественное воплощение в наиболее благоприятные для этого эпохи [Бахтин, 1986, с. 350]. Категория «длительной временной протяженности» (*la longue duree*), выдвинутая французским историком Ф. Бродемом, способствует выявлению устойчивых «глубинных» структур, ментальных и художественных, формирующих цивилизацию и существующих поверх эпохальных границ [Афанасьев, 1986, с. 15,18].

Обзор литературы и методы

История рецепции произведений Пришвина современной и последующей литературной критикой воссоздана Н. П. Дворцовой, подробно проследившей репутацию Пришвина в до-революционную, советскую и постсоветскую эпоху. Говоря о связях творчества Пришвина с идеями Серебряного века, исследовательница отметила прежде всего влияние В. В. Розанова, Д. С. Мережковского, А. М. Ремизова и писателей «ремизовского круга» [Дворцова, 2004, с. 50]. Другая исследовательница, З. Я. Холодова [2001, с. 140–141] охарактеризовала воздействие идей В. С. Соловьева на творческие принципы Пришвина.

Предметом обсуждения в постсоветском литературоведении является вопрос о религиозной идентичности писателя: кем он был — язычником или христианином? В 1912 г. Пришвин [2007, с. 626, 632] писал: «Самая последняя правда — Христос!» и определял смысл христианства как «веру в жизнь». Сотрудники Дома-музея писателя в подмосковном селе Дунино Л. А. Рязанова и Я. З. Грицина в интервью корреспонденту сайта «Православие и мир» обозначили идею прочной связи Пришвина с культурой православия, что предполагало живой поиск и творчество: «Но у него было всегда понимание: что как только перестаешь вливать новое вино в эти старые мехи, всё превращается в фарисейство и становится мертвым» [Алексеева, 2015]¹.

История вопроса показывает, что в современных исследованиях продолжается воссоздание круга христианских источников художественного мышления Пришвина, не сводя его к пантеизму или язычеству, ставятся вопросы об особенностях его христианского мирозерцания. Круг возможных источников пришивинских представлений о природе может быть расширен, чем и определяется новизна настоящей статьи. Понятие «источник» понимается нами в расширительном смысле: оно включает в себя не только определенные философские или словесно-художественные тексты как памятники и документы эпохи, но и всё, что оказало религиозное, идеологическое, культурное, социальное, эстетическое влияние на эти материалы.

Основные методы предпринятого исследования — историко-типологический, культурно-исторический, которые позволили выявить связи и взаимодействия художественных идей М. М. Пришвина с религиозно-философскими идеями современной ему эпохи и явлениями прошлого.

Результаты и обсуждение

Первейшим источником художественного мышления М. М. Пришвина является русская религиозная философия конца XIX–начала XX в. Ключ к пониманию житнетворческих и художественных устремлений Пришвина дают работы Е. Н. Трубецкого, имя которого как собеседника и оппонента неоднократно упоминается на страницах пришивинских Дневников. Среди многочисленных работ мыслителя можно выделить «Три очерка

¹ Статьи и заметки о Пришвине в православном ключе появляются также на сайтах «Православие» и «Фома»: <https://www.pravoslavie.ru/>; <https://foma.ru/> (дата обращения: 18.12.2024).

о русской иконе» (1915–1917). Трубецкой был потрясен событиями Первой мировой войны, в которых увидел торжество зла, розни, вражды, бессмыслицы, приближение к апокалиптическому пределу человеческой истории. Именно в такие дни, по мнению философа, со всей определенностью и ясностью вставал вопрос о смысле жизни. Торжеству современного зла философ противопоставил откровения о человеке, мире, истории в древнерусском храмовом искусстве — архитектуре и иконе, утраченные в силу ряда причин сознанием русского человека [Трубецкой, 2003, с. 7–13]:

В этих произведениях выявилось всё жизнепонимание и всё мирочувствие русского человека с XII по XVII в. Из них мы узнаем, как он мыслил и что он любил, как судила его совесть [Трубецкой, 2003, с. 69].

Остановимся на фрагментах работы Трубецкого, где дается расшифровка иконописных символов, связанных с природой — это в первую очередь краски и цвета. Будучи частью земного мира (темно-синий звездной ночи, голубые и зеленые тона после заката, пурпур грозы, золотое сияние солнца), они вместе с тем рассматриваются как символы мира невидимого. Среди охарактеризованных Трубецким произведений древнерусского искусства выделены иконы святой Софии XI, XV вв. и икона «О Тебе, Благодатная, радуется всякая тварь», предложено истолкование их значения. Святая София, вбирающая в себя и мир природный (птицы, животные, растения), выступает символом идеального единства, любви, гармонии в противовес раздору, ненависти, хаосу. Этим иконописным изображениям, по мысли философа, свойственно особое поэтическое начало: хвалы и гимны мудрой созидательной силе [Трубецкой, 2003, с. 90].

Возвышенные, «гимнические» изображения земной твари на одних иконах дополняются «идиллическими» на других. Таковы, к примеру, голуби, гуси, утки, воссоздающие атмосферу домашнего уюта и радости на иконах «Рождества Пресвятой Богородицы» [Трубецкой, 2003, с. 102].

Русский философ предложил в очерках об иконе толкование общего смысла скульптурных изображений на стенах Дмитриевского собора во Владимире (XII в.). В этих барельефах, представляющих животных, птиц, растения, Трубецкой увидел «тварь, какой ее задумал Бог в Своей Премудрости, прославленная и собранная во храм — в живое и вместе с тем архитектурное целое» [Трубецкой, 2003, с. 44].

Таким образом, природный мир не отрицается миропониманием и мирочувствием древнерусского человека, он понимается как часть замысла Творца. Общий смысл изображения растений и «бессловесных тварей» в древнерусском искусстве интерпретируется как «введение во храм всего человечества и всей твари» в ожидании Преображения и Воскресения [Трубецкой, 2003, с. 25].

Идеи Трубецкого свидетельствуют, что в ближайшем окружении Пришвина обсуждались вопросы о глубинных смыслах и духовных откровениях древнерусского искусства, ставших очевидными русским людям накануне революционных потрясений как значимые для современной эпохи и искусства. Важнейшее из этих духовных откровений имеет отношение к творчеству Пришвина: природный мир является частью Божественного замысла о «единстве всей твари». Эта причастность божественному замыслу делает возможным изменение человека, зарождение в нем «родственного»

внимания к природе, любви к ней, прозрения знаков и символов иного бытия: ритм восхода солнца — богослужение, пение дрозда на вечерней заре — пение о горнем мире и прообраз человеческих песнопений о Боге. Вот как говорится об этом в дневниковой записи от 16 апреля 1927 г.:

«Вот певчий дрозд на высоте, какая только доступна ему, на последнем верхнем пальчике высокой ели восклицает: „в начале бе слово!“ Да, оно было, конечно, всегда. Ведь какие-нибудь только 2000 лет читали Евангелие, и пусть это же было в других религиях еще несколько тысяч лет. Но в человеческий-то мир слово попало от птиц, от ручьев, от деревьев (пустынники все это взяли из природы, конечно). Да, когда слушаешь певчего дрозда на вечерней заре, как он все по-разному восклицает, чувствуешь ход зари, как богослужение» [Пришвин, 2003, с. 253].

Человек, переживший такие внутренние прозрения, не бежит от истории, а остается в ней измененным, преображенным, умиротворенным.

Очерки Е. Трубецкого содержат отклики на книгу П. А. Флоренского «Столы и утверждение истины», которая также включает богословие творения, твари. Флоренский утверждает, что «только в христианстве тварь получила свое религиозное значение, только с христианством явилось место для „чувства природы“» [Флоренский, 2003, с. 231]. Христианский подвижник воспринимает тварь в перспективе истины, ее явления миру, внутри которой отдельные казусы и факты природной жизни оказываются частью провиденциального смысла [Флоренский, 2003, с. 222].

Древнерусские иконы и храмы — это памятники христианского историзма, христианского понимания истории как устремления к спасению, как превращения образов, отдельных жизненных путей в часть общего плана спасения, общей перспективы пакибытия. Природа в таком случае — это одновременно творение, порученное человеку, и совокупность образцов, которые в иконописной перспективе истории, иконописном понимании пространства и времени, становятся частью церковной действительности, действительности не от мира сего.

Творчество Пришвина является также частью русского францисканства. В библиотеке писателя, как сообщила автору статьи Я. З. Гришина, хранились две работы о св. Франциске Ассизском: очерк Э. К. Пименовой «Франциск Ассизский. Его жизнь и общественная деятельность» (1896) и «Книга о святом Франциске» В. Конради (1912). В книге Пименовой высказываются близкие Пришвину и Трубецкому идеи возрождения духа христианства на фоне кровавых распрей, приводится легенда «Обращение лютого волка», комментируется гимн солнцу Франциска, подчеркивается светлый характер аскетизма святого [Пименова, 1896, с. 60–61].

Конради писала о св. Франциске как о религиозном гении, воскрешавшем идеи первых веков существования Церкви и стремившегося спасти природу и красоту от дьявола. В книге говорилось и о новом вдохновении, принесенном св. Франциском — предшественником Данте: «Проповедь птицам и «Хвала всех творений» знаменуют собою начало новой эры в искусстве и нового понимания природы и жизни» [Конради, 1912, с. ix, xiv].

Сказанное позволяет утверждать, что художественное мышление Пришвина имеет своим истоком общее христианское миропонимание, как оно выразилось в опыте свя-

того Франциска. В дневниковой записи от 17 июля 1918 г. Пришвин писал о глубинном противодействии большевизму в современной ему России: «Вообще это скрыто сейчас в глубине России — то, чем побеждал Франциск Ассизский: пусть мучат — вот радость совершенная» [Пришвин, 1994, с. 115].

Связь Пришвина с традицией русского францисканства не может не учитывать главных миссионеров этого движения — П. Сабатье, В. И. Герье, отчасти В. В. Розанова [Медведев, 2024, с. 508–509]. Несомненна связь русского францисканства со спорами вокруг толстовства, с попыткой преодолеть эстетический ригоризм Толстого-моралиста, при этом сохранив христианское миротворчество и экологизм. Эти русские францисканцы, как и сама фигура святого, были одним из главных вдохновений для Пришвина. Медведев, подробно рассмотревший феномен русского францисканства, как он преломился в творчестве Пришвина, выявил такую черту мировоззрения писателя, сближающую его с Франциском, как «онтологическое и субъектное отношение к природе» [Медведев, 2024, с. 511].

Развитие этого понимания можно увидеть в книге Н. А. Бердяева «Философия свободного духа» (1942), в которой оспаривается представление о Церкви как учреждении и утверждается ее «космическая природа»: «В Церкви растет трава и цветут цветы. Церковь есть охристовленный космос» [Бердяев, 2006, с. 483].

Новое видение жизни открывало новые возможности для искусства. В то же время ни святой Франциск, ни Пришвин в своих дерзновенных порывах не вступали в противоречие с телеологией, а воскрешали и возрождали ее забытые смыслы. Существует авторитетная традиция соотнесения фигуры Франциска с идеями Ренессанса [Медведев, 2024, с. 516–517], но вместе с тем в облике святого, как и в идеях Пришвина, ощутимы черты более ранних эпох. Так, ранние христиане считали созерцание пейзажей средством богообщения, духовным переживанием, пробуждавшим мыслительную активность, а пустынники основывали монастыри «в красивейших уголках природы» [Бычков, 1995, с. 197]. Нельзя не вспомнить и переживание видимого мира как школы, отразившееся в таких памятниках, как толкование Василия Кесарийского на «Шестоднев» или «Физиолог» [Аверинцев, 2004, с. 173].

Сопоставление идей Пришвина с миропониманием св. Франциска Ассизского позволяет увидеть в писателе наследника идей «большого времени» всей христианской цивилизации, восточной и западной.

1910-е гг. — время творческого подъема, напряженных поисков Бога и религиозной истины. Они не могли не затронуть и сферу литературоведения. В нашем распоряжении нет доказательств знакомства Пришвина с книгой В. М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914). Мы не располагаем сведениями о популярности книги в кругах интеллектуалов, близких Пришвину. Как пишет А. Г. Аствацатуров [1996, с. xl], внук В. М. Жирмунского, работавший с домашним архивом ученого, идеи новаторской работы литературоведа были восприняты только в 1960-х–70-х гг., сначала только зарубежными германистами. Однако в тексте книги Жирмунского [1996, с. 1, 206] есть отсылки к В. С. Соловьеву, кругу Д. С. Мережковского и В. И. Иванова — литераторам, чьи творческие искания были близки Пришвину. Известно и то, что в год выхода книги Пришвин жил в Петербурге. Кроме того, общий интерес литературоведа и писателя

к Германии, немецкой культуре делают возможным предположение о существовании историко-типологической и, с определенной долей вероятности, историко-генетической связи.

В своей книге Жирмунский назвал «мистическим чувством» «положительное чувство присутствия бесконечного, божеского во всём конечном». По его мысли, это чувство то исчезает, то воскресает в человеческом творчестве. В европейской культуре Нового времени оно было связано с именами Гёте и немецких романтиков, выступивших против рационализма Просвещения, искавших формы для выражения нового мироощущения [Жирмунский, 1996, с. 3, 4].

Одна из глав книги Жирмунского носит название «Поэтика мистического чувства». Она посвящена тем художественным формам, в которых новое переживание мира как бесконечной тайны может найти свое воплощение. К числу таких форм относятся сны, видения, сказки, аллегории, символы, изображение настроений и сиюминутных переживаний, которые помогают выразить чудесное в жизни и подарить каждому явлению природы «теплое дыхание жизни» [Жирмунский, 1996, с. 26–34].

Русская постромантическая культура в представлении Жирмунского складывается из двух начал — собственно реалистического, ограничивающего мир посюсторонним опытом, и начала, сохранившего в себе «мистическое предание» романтиков. Последнее проявило себя в творчестве славянофилов, Достоевского и Соловьева [Жирмунский, 1996, с. 205–206]. Наследником этого «мистического предания» можно назвать и Пришвина с его преимущественным вниманием на протяжении всего творчества к жанрам сказки [Холодова, 2016, с. 80, 82], лирико-философской миниатюры [Ольховская, 2017, с. 35], притчи [Сомова, 2016, с. 125, 129]. В дневниковой записи писателя от 9 января 1921 г. находим такое суждение о романтизме: «Классики тем и отличаются от романтиков, что больше меряют, занимаются формой, а романтики зажигают огни» [Пришвин, 1995, с. 127].

В русской и западноевропейской литературе XIX–начала XX в. можно выделить два промежуточных звена между романтическим мироощущением и воскрешением мистического чувства природы в эпоху символизма. Это, во-первых, образ «странника» Макара Долгорукого в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» с его переживанием мира как премудро устроенной тайны и «неизреченной красоты», вызывающего трепет, умиление и благословение [Достоевский, 1975, с. 287, 290]. «Родственное», «благостное», «соучастное» восприятие Макаром Долгоруким природы как проявления «добра и красоты» в послереволюционные годы было проанализировано Н. О. Лосским [1994, с. 190]. Во-вторых, в этом ряду следует вспомнить образ странствующего цюрихского проповедника из новеллы Г. Гауптмана [1908] «Апостол». Герой Гауптмана, разочарованный современной культурой, грехами и пороками людей, несет им весть о мире и о пути преодоления розни через природу. Общение с природой и ему самому возвращает легкость, спокойствие, свободу. Именно под влиянием природы героя охватывает особое «мистическое настроение»:

«Окружающий свет рассеял мрак его души <... > Сколько жизни, довольства и трудолюбия сказывалось в звонком жужжании ранних пчелок! Это настроение в конце концов укрепило в нем силы и желание «встряхнуть человечество» [Гауптман, 1908, с. 484, 494].

Сходное переживание природы обнаруживается и в дневниковых записях Пришвина 1921 года (записи от 6 и 18 февраля):

«Вечером видел в первый раз, как горела заря на деревьях рощи, и хотелось мне опять, как бывало, оставить, забыть человека и быть со всем миром и в мире <...> Как хорошо уехать из города и не видеть, не слышать человечиска, везде кругом леса темные и между ними голубые полянки, расступятся леса, начнутся голубые поля, все голубое, чистое, без-человечно прекрасное!» [Пришвин, 1995, с. 135, 140].

Заключение

Можно сказать, что творческие идеи М. М. Пришвина соответствуют христианским представлениям о святости и о природе как источнике богопознания. Они укоренены в биографическом опыте писателя, но вместе с тем предполагают диалог с традицией большого времени, библейской, святоотеческой, религиозно-философской, общекультурной, литературной. В этом диалоге был акцентирован поиск ненасильственного пути к всеединству через «родственное внимание» к миру в противовес катастрофическим событиям XX в., в которых торжествовали ненависть, отчуждение, проявления звериного начала в человеке, отношение к природе как «мастерской». Поиском художественных форм выражения мистики природы был обусловлен диалог с Гёте и немецкими романтиками, писателями, искавшими способы выражения чудесного в жизни. Эти темы, хотя и обрекали писателя на непонимание в условиях советской действительности, оказались созвучными поискам независимой литературы (стихотворение Б. Л. Пастернака «Когда разгуляется», повесть А. И. Солженицына «Раковый корпус») и религиозно-философским поискам деятелей русской эмиграции (интуитивизм Н. О. Лосского).

Список источников

- Аверинцев С. С. 2004. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика. 480 с.
- Алексеева Е. 2015. Михаил Пришвин — загадки жизни писателя // Православие и мир. 22 декабря. <https://www.pravmir.ru/mihail-prishvin-predskazavshiy-toruyu-prirodu-1/> (дата обращения: 15.01.24).
- Аствацатуров А. Г. 1996. О книге В. М. Жирмунского // Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома, Новатор. С. i–xl.
- Афанасьев Ю. Н. 1986. Фернан Бродель и его видение истории // Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс. С. 52–58.
- Бахтин М. М. 1986. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. С. 347–354.
- Бердяев Н. А. 2006. Философия свободного духа. М.: АСТ. 525 с.
- Бычков В. В. 1995. АЭСТНЕТІСА РАТРУМ. Эстетика Отцов Церкви. Апологеты. Блаженный Августин. М.: Ладомир. 593 с.
- Гауптман Г. 1908. Апостол // Гауптман Г. Полн. собр. соч. в 3 т. Т. 1. СПб.: Издание Т-ва А. Ф. Маркса. С. 482–496.

- Дворцова Н. П. 2004. Экстерриториальный писатель (О литературной репутации М. М. Пришвина) // Вопросы литературы. № 1. С. 49–69.
- Достоевский Ф. М. 1975. Полн. собр. соч. в 13 т. Л.: Наука. Т. 13. Подрасток. 456 с.
- Жирмунский В. М. 1996. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома, Новатор. 240 с.
- Конради В. 1912. Книга о святом Франциске. СПб.: Сириус. 241 с.
- Лосский Н. О. 1994. Бог и мировое зло. М.: Республика. 432 с.
- Медведев А. А. 2024 «Природа вся персональна». Франциск Ассизский в онтологии Михаила Пришвина // Quaestio Rossica. Том 12. № 1. С. 506–512.
- Ольховская Ю. И. 2017. Развитие жанра миниатюры в творчестве М. М. Пришвина // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 5–6 (72). С. 32–37.
- Пименова Э. К. 1896. Франциск Ассизский, его жизнь и общественная деятельность: биографический очерк. СПб: Типография П. П. Сойкина. 77 с.
- Пришвин М. М. 1994. Дневники. 1918–1919. Книга вторая / подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. М.: Моск. рабочий. 383 с.
- Пришвин М. М. 1995. Дневники 1920–1922. Книга третья / подгот. текста Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. М.: Моск. рабочий. 334 с.
- Пришвин М. М. 2003 Дневники. 1926–1927. Книга пятая / подгот. текста Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой. М.: Русская книга. 592 с.
- Пришвин М. М. 2007. Ранний дневник 1905–1913 / подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной. СПб.: Росток. 800 с.
- Сомова Н. А. 2016. Черты притчи в лирических миниатюрах М. М. Пришвина // Уральский филологический вестник. № 5. С. 122–130.
- Трубецкой Е. Н. 2003. Умозрение в красках // Три очерка о русской иконе. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Лепта-Пресс. С. 7–65.
- Флоренский П. А., свящ. 2003. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ. 640 с.
- Холодова З. Я. 2001. Роль философии В. С. Соловьева в формировании художественного мышления М. М. Пришвина // Соловьевские исследования. № 3 (3). С. 136–151.
- Холодова З. Я. 2016. Художественное мышление М. М. Пришвина: фольклорный аспект // Вестник КГУ. № 6. С. 79–83.

References

- Averincev, S. S. (2004). *Poetika rannevizantijskoj literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. Azbuka-klassika. [In Russian]
- Alexejeva, E. (2015). *Mihail Prishvin — zagadki zhizni pisatelya* [Mikhail Prishvin — the mysteries of the writer's life]. Retrieved Dec. 18, 2024, from <https://wwwpravmir.ru/mihail-prishvin-predskazavshiy-vtoruyu-prirodu-1/> [In Russian]
- Astvatsaturov, A. G. (1996). О книге В. М. Жирмунского [On V. M. Zhirmunsky's book]. In V. M. Zhirmunskii, *Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika* [German Romanticism and Contemporary Mystery] (pp. i—xl). Axioma, Novator. [In Russian]

- Afanasyev, Yu. N. (1986). Fernan Brodel i ego videnie istorii [Fernand Braudel and his vision of history]. In F. Brodel, *Struktury povsednevnosti: vozможное i nevozможное* [Structures of Everyday Life: Possible and Impossible] (pp. 5–28). Progress. [In Russian]
- Bakhtin, M. M. (1986). Otvet na vopros redakcii “Novogo mira” [Answer to a question from the editors of *New World*]. In M. M. Bakhtin, *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Creativity] (pp. 347–354). Iskusstvo. [In Russian]
- Berdyayev, N. A. (2006). *Filosofia svobodnogo duha* [Free Spirit Philosophy]. AST. [In Russian]
- Bychkov, V. V. (1995). *AESTHETICA PATRUM. Estetika Otcov Cerkvi. Apologety. Blazhennyj Avgustin* [AESTHETICA PATRUM. The Aesthetics of the Church Fathers. Apologists. St. Augustine]. Ladomir. [In Russian]
- Gauptman, G. (1908). Apostol [Apostle]. In G. Gaupman, *Polnoe sobranie sochineniy v 3 tt.* [Complete Works in 3 vols.] (Vol. 1, pp. 482–496). Izdanie T-va A. F. Marksa. [In Russian]
- Dvorcova, N. P. (2004). Eksterritorialnyi pisatel (o literaturnoj reputacii M. M. Prishvina) [Extraterritorial writer (on the literary reputation of M. M. Prishvin)]. *Voprosy literatury*, (1), 49–69. [In Russian]
- Dostoevskii, F. M. (1975). *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols.] (Vol. 13). Nauka. Leningradskoe otdelenenie. [In Russian]
- Zhirumskij, V. M. (1996). *Nemeckij romantizm i sovremennaya mistica* [German Romanticism and Contemporary Mystery]. AXIOMA. [In Russian]
- Konradi, V. G. (1912). *Kniga o sv. Frantsiske* [Book of St. Francis]. Ogni; Sirius. [In Russian]
- Losskiy, N. O. (1994). *Bog i mirovoe zlo* [God and the Global Evil]ю Respublica. [In Russian]
- Medvedev, A. A. (2024). “Priroda vsya personal’na.” *Francisk Assizskij v ontologii Mikhaila Prishvina* [“All nature is personal.” Francis of Assisi in the Ontology of Mikhail Prishvin]. *Quaestio Rossica*, 12(1), 506–512. [In Russian]
- Ol’khovskaya, Yu. I. (2017). Razvitiye zhanra miniatyury v tvorchestve M. M. Prishvina [Development of the miniature genre in the works of M. M. Prishvin]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvedeniya i kul’turologii*, (5–6), 32–37. [In Russian]
- Pimenova, E. K. (1896). *Frantsisk Assizskii, ego zhizn’ i obshchestvennaya deyatel’nost’: biograficheskiy ocherk* [Francis of Assisi, His Life and Social Activities: Biographical Sketch]. Tipografiya P. P. Soikina. [In Russian]
- Prishvin, M. M. (1994). *Dnevnik. 1918–1919* [Diaries. 1918–1919] (Vol. 2; L. A. Ryazanova, Ya. Z. Grishina, Eds.; Ya. Z. Grishina, V. Yu. Grishin, Comm.). Moskovskii Rabochii. [In Russian]
- Prishvin, M. M. (1995) *Dnevnik. Kniga tret’ya. Dnevnik 1920–1922* [Diaries. 1920–1922] (Vol. 3; L. A. Ryazanova, Ed.; Ya. Z. Grishina, V. Yu. Grishina, Comm.). Moskovskii Rabochii. [In Russian]
- Prishvin, M. M. (2003). *Dnevnik. 1926–1927* [Diaries. 1926–1927] (L. A. Ryazanovoi, Ed.; Ya. Z. Grishin, L. A. Ryazanova, Comm.). Russkaya kniga. [In Russian]

- Prishvin, M. M. (2007). *Rannii dnevnik 1905–1913* [Early Diary 1905–1913] (L. A. Ryazanova, Ya. Z. Grishina, Eds.). Rostok. [In Russian]
- Somova, N. A. (2016). Cherty pritchi v liricheskikh miniatyurakh M. M. Prishvina [Features of the parable in the lyrical miniatures of M. M. Prishvin]. *Ural'skii filologicheskii vestnik*, (5), 122–130. [In Russian]
- Trubeckoj, E. N. (2003). Umozreniya v kraskakh [Contemplation in colors]. In E. N. Trubeckoj, *Tri ocherka o russkoj ikone. "Inoe Carstvo" i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke* [Three Essays on the Russian Icon. "Another Kingdom" and Its Seekers in a Russian Folk Tale] (pp. 7–65). Lepta-Press. [In Russian]
- Florenskij, P. A., svyashch. (2003). *Stolp i utverzhdenie istiny: opyt pravoslavnoi teoditsei* [The Pillar and Ground of Truth: The Experience of Orthodox Theodicy]. AST. [In Russian]
- Holodova, Z. Ya. (2001). Rol' filosofii V. S. Solovyova v formirovanii hudozhestvennogo myshleniya M. M. Prishvina [The role of V. S. Solovyov's philosophy in the formation of M. M. Prishvin's artistic thinking]. *Solovyovskie issledovaniya*, (3), 136–151. [In Russian]
- Kholodova, Z. Ya. (2016). Khudozhestvennoe myshlenie M. M. Prishvina: fol'klorny aspekt [Artistic thinking of M. M. Prishvin: folklore aspect]. *Vestnik KGU*, (6), 79–83. [In Russian]

Сведения об авторе статьи

Светлана Алексеевна Мартыанова, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и зарубежной филологии, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия
martyanova62@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6917-0118>

About the author

Svetlana A. Martyanova, Cand. Sci. (Philol.), Associated Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Philology, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia
martyanova62@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6917-0118>

Эволюция жанра предисловия в поэтических книгах В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова

Екатерина Анатольевна Черкасова , Анжелика Романовна Чубрикова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: cherkasova85@gmail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются жанровые особенности авторских предисловий с точки зрения идейной, тематической и структурной эволюций в трех поэтических книгах В. С. Соловьева и девяти книгах В. Я. Брюсова. Предполагается, что Соловьев, опираясь на опыт составления авторских предисловий, накопленный отечественными поэтами XIX в., вырабатывает формосодержательные компоненты предисловий к трем прижизненным изданиям стихотворений. Будучи одновременно и младшим современником лириков, создающих и продолжающих образцы русской поэзии, и учителем для поэтов только формирующегося символизма, Соловьев намеренно, в нашем понимании, выстраивает свои предисловия как идейное звено, связующее два поэтических поколения. Отмечается роль авторских предисловий в книгах В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова как поэтов-современников, которые состояли в творческом диалоге и активно работали над постижением традиций русской поэзии и выявлением ее лучших образцов, а также формулированием задач новой поэзии. В статье определяются новаторские решения и художественные находки В. Я. Брюсова как автора десяти предисловий к девяти поэтическим книгам. Среди ключевых особенностей стоит назвать укрупнение жанровой формы, расширение списка адресатов, трансформация цели обращения, связанной с особенностями историко-литературного контекста эпохи. Делается вывод о выстраивании авторских предисловий В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова в особое метатекстовое единство, необходимое в т. ч. для создания уникальной формы диалога с современниками, последователями, а также в качестве важного индивидуально-авторского высказывания о целях и задачах искусства и творца.

Ключевые слова: В. С. Соловьев, В. Я. Брюсов, книга стихов, символизм, жанр предисловия, метатекст, концепция жизнотворчества, сверхжанровая форма

Цитирование: Черкасова Е. А., Чубрикова А. Р. 2024. Эволюция жанра предисловия в поэтических книгах В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 70–86. [https:// doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-70-86](https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-70-86)

Поступила 20.09.2024; одобрена 13.11.2024; принята 02.12.2024

Evolution of the foreword form in the poems by V. S. Soloviev and V. Ya Bryusov

Ekaterina Anatolyevna Cherkasova , Angelica Romanovna Chubrikova

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: cherkasova85@gmail.ru

Abstract. This article considers the genre features of authorial forewords in three books of poetry by V. S. Soloviev and nine by V. Ya. Bryusov from the standpoint of ideological, thematic, and structural evolution. Soloviev, relying on the other 19th c. Russian poets' experience in composing prefaces, develops form- and content-specific components of prefaces in his three lifetime poems editions. Being both a younger contemporary of the lyricists who created and continued the benchmark examples of Russian poetry, and a teacher for the poets of the emerging poetic movement (Symbolism), Soloviev deliberately builds his prefaces as an ideological link connecting the two poetic generations. The prefaces in Soloviev's and Bryusov's books play important roles as both poets were contemporaries in a creative dialog actively working to understand the Russian poetical traditions and to identify its best examples, as well as to formulate the new poetry's tasks. The article presents Bryusov's innovative solutions and artistic findings as the author of ten prefaces to nine books of poetry. The key features include broadening of the genre form, expansion of the list of addressees, and transformation of the address's purpose regarding the historic and literary context. Solovyov and Bryusov construct their prefaces to form a special metatextual unity, necessary, among other things, to create a unique form of dialog with their contemporaries and followers, as well as an important individual authorial statement about the goals and tasks of art and the creator.

Keywords: V. S. Solovyov, V. Ya. Bryusov, the book of poetry, symbolism, genre of preface, metatext, concept of life-creation, super-genre form

Citation: Cherkasova, E. A., & Chubrikova, A. R. (2024). Evolution of the foreword form in the poems by V. S. Soloviev and V. Ya. Bryusov. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(4), 70–86. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-70-86>

Received Sep. 20, 2024; Reviewed Nov. 13, 2024; Accepted Dec. 2, 2024

Введение

В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова объединял творческий диалог, реализованный в разных формах словесного искусства. Так, три рецензии на поэзию русских символистов были опубликованы в «Вестнике Европы» в 1894 и 1895 г., а также в последней прижизненной книге стихов Соловьева. Философ-поэт довольно резко высказывался о стихотворных опытах новоиспеченного символиста:

«Общего суждения о г. Валерии Брюсове нельзя произнести, не зная его возраста. Если ему не более 14 лет, то из него может выйти порядочный стихотворец, а может и ничего не выйти. Если же это человек взрослый, то, конечно, всякие литературные надежды неуместны» [Соловьев, 1900, с. 196–197].

Ответ Брюсова не заставил себя ждать. В статье «Зоилам и Аристархам» (1895) он отметил справедливость некоторых соловьевских замечаний и обвинил критика в излишнем желании «позабавить публику», повлекшем возникновение ряда «острот сомнительной ценности» [Брюсов, 1987, с. 36] и умышленное искажение смысла стихотворений. В частной же переписке с В. К. Станюковичем Брюсов высказывался об этих рецензиях с экспрессией: «Боже мой, он так уничтожил нас, что и ключев не осталось» [Станюкович, 1976, с. 733].

Известно, что фигура Соловьева занимала значимое место в жизни и творческой судьбе Брюсова: его поэзия не только заложила основы символистской эстетики, но и во многом определила художественное мышление поэта-символиста. В частности, Брюсов посвятил статью «Владимир Соловьев. Смысл его поэзии» последнему прижизненному изданию стихов поэта-предшественника: «Написанная по поводу 3-го изд. „Стихотворений“ Вл. Соловьева (1900 г.), статья была напечатана непосредственно после его смерти. (Примеч. В. Брюсова.)» [Брюсов, 1987, с. 242]. В связи с этим важно отметить, что для Брюсова факт выхода книги стихов Соловьева был особенно важен. Так, следуя за Соловьевым, Брюсов подчеркивал, что миссия преодолеть мир Времени лежит, в первую очередь, на художнике, обессмертившем прошлое «в созданиях искусства» [Брюсов, 1912, с. 33]. Таким предметом искусства для обоих поэтов являлись в т. ч. книги стихов.

Обзор литературы

Во всём многообразии жанровых образований, по замечанию исследователей, предисловие как особая литературная форма «активным образом отреагировала на потребности „расслоения“ авторского сознания на ряд „сознаний“ — „расслоения“, вызванного необходимостью осмыслить мир как „разноречивый“ и „многоязыкий“» [Лазареску,

2008, с. 43]. Особенно ярко это ощущалось на стыке культурных, исторических, общественных сдвигов, как, например, в период перехода от романтизма к реализму и далее к модернизму, в осмыслении поэтами новых открытий в различных областях человеческого знания, целей и задач нового искусства, места художника в новых реалиях и пр.

Существующие научные труды по изучению жанрового своеобразия книги стихов в большей степени направлены на рассмотрение закономерностей лейтмотивной структуры лирических текстов, их последовательности, специфике лирического героя. Вне исследовательского внимания при этом остается жанр предисловия в структуре лирических книг, понимаемых самими поэтами, по замечанию О. В. Мирошниковой, как «издание, полиграфически овеществляющее концептуально-этапный поэтический комплекс стихотворений и циклов-разделов, структурированный по замыслу автора как художественное единство, как системно-образное выражение его мировидения» [Мирошникова, 2002, с. 25]. Функции авторских предисловий в структуре трех прижизненных книг стихов Соловьева уже подвергались исследованию [Черкасова, 2021, с. 25–35]. Между тем, специфика и процессы трансформации данной жанровой формы подробно рассмотрены до сих пор не были, тем более в связи с предшествующей и последующей поэтической традицией. В представленной работе предисловия к трем прижизненным изданиям стихотворений Соловьева будут рассмотрены как сверхтекст, создаваемый автором на протяжении почти десяти лет. Это обусловлено в т. ч. тем, что в них наличествует жанровое движение от «„сборника“ стихотворений... к прозиметрическому образованию, новому сверхжанровому единству, книге стихов», а также в них «отразились как индивидуально-художественные поиски Соловьева, так и тенденции к синтезу искусств» [Черкасова, 2021, с. 34–35].

Значимость изучения авторских предисловий к лирическим книгам Соловьева и Брюсова возрастает еще и потому, что эта часть книги не имеет «четких формальных (композиционных, стилистических и т. д.) и содержательных границ» [Лазареску, 2008, с. 13], а значит, живо реагирует на историко-культурные изменения в общественной среде, фиксируя не только своеобразие авторского художественного сознания, но и специфику диалога между автором и читателем, что особенно актуально на стыке культурных эпох. Это обусловлено тем, что данная затекстовая структура обладает «наибольшей ориентированностью и силой воздействия на адресат» [Дайнеко, 2020, с. 142], и именно с этой периферийной позицией связана его диалогическая направленность и коммуникативно-прагматическая установка «предварительного информирования читателя о предлагаемом произведении» [Чернигова, 2006, с. 11]. Актуальность представленного исследования обусловлена также тем, что данная жанровая форма, предваряющая книгу стихов, способна уточнить специфические черты индивидуально-авторского подхода к формированию собственной книги стихов, а также к пониманию идейных задач внутреннего устройства такого художественного явления, как лирическая книга.

Для удобства сопоставления рассматриваемые предисловия пронумерованы следующим образом.

Предисловия к книгам стихов Соловьева:

- «Стихотворения» 1891 г. — I,
- «Стихотворения» 1895 г. — II,
- «Стихотворения» 1900 г. — III.

Предисловия к книгам стихов Брюсова:

«Chefs d'oeuvre», 1-е издание,	1895 г. — 1,
«Chefs d'oeuvre», 2-е издание,	1896 г. — 2,
«Me eum esse»,	1897 г. — 3,
«Tertia Vigilia»,	1900 г. — 4,
«Urbi et orbi»,	1903 г. — 5,
«Στεφανος»,	1906 г. — 6,
«Пути и перепутья»,	1909 г. — 7,
«Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам»,	1918 г. — 8 и 9,
«Последние мечты»,	1920 г. — 10.

Результаты и обсуждение

Интенция автора, являющегося «последней смысловой инстанцией» [Бахтин, 1994, с. 80], в контексте понимания книги стихов как «сложного художественного единства» [Барковская и др., 2014, с. 22] выводит прочтение жанра предисловия на новый уровень. Так, понимание внутреннего устройства таких книг в качестве «объединения групп самостоятельных произведений в новые многокомпонентные единства — циклы» [Ляпина, 1999, с. 170], а также определенная «серийность» поэтических книг В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова может быть распространено на прочтение их предисловий как самостоятельных авторских высказываний, связанных между собой определенными формально-содержательными компонентами с одной стороны, и организующих пространство книги стихов — с другой. В связи с этим стоит приступить к рассмотрению наиболее важных структурно организующих компонентов в изучаемых предисловиях.

В поэтических книгах Соловьева и Брюсова обращает на себя внимание периодичность их выхода, определяемая практически равными промежутками: 4–5 лет у Соловьева (1891 г. – 1895 г. – 1900 г.) и 1–3 года у Брюсова (1895 г. – 1896 г. – 1897 г. – 1900 г. – 1903 г. – 1906 г. – 1909 г.). Такие почти равные промежутки между книжными публикациями, с одной стороны, сообщают о методичной работе автора над их составлением, с другой — предполагают содержательные изменения, отраженные, в частности, в структуре и объеме книги стихов. Первые опыты издания лирических книг Брюсова совпали с датами выхода книг стихов Соловьева, что фиксирует почти одновременное движение поэтов к разработке прозиметрических жанровых форм. Важно в данной связи подчеркнуть, что оба поэта были знакомы с поэтическими книгами друг друга, читали их и обсуждали, о чем свидетельствуют критические статьи Соловьева о поэзии символистов, а также статья Брюсова, посвященная обзору последней прижизненной книги стихов Соловьева.

Выход первой книги стихов Соловьева хронологически совпал с публикацией четвертого выпуска «Вечерних огней» А. А. Фета — книги стихов, которая имела особое значение в историко-литературном процессе:

«Последний этап творческой деятельности Фета-лирика охватывает почти сорок лет — с 1864 по 1892 г. <... > Но главное — на этом творческом витке Фету суждено было стать

автором „Вечерних огней“, поэтические открытия которых во многом предвосхитили художественные поиски XX века» [Кошелев, Петрова, 2014, с. 264].

Фигура Фета-лирика в творческой биографии Соловьева значительна еще и потому, что «Соловьев принял активное участие в определении „конструкции“ первого выпуска „Вечерних огней“ в начале 1880-х годов» [Кошелев, Петрова, 2014, с. 269]. Таким образом, опыт составления «Вечерних огней» вполне мог послужить основой при формировании собственных книг стихов.

Авторские предисловия в составе лирических книг Брюсова возникли в период становления символистского направления в русской литературе и были ориентированы на выявление и распространение основных принципов нового искусства, в связи с чем книги публиковались довольно часто. Но ситуация кризиса символизма (1910 г.) обнаружила необходимость трансформации книги стихов на всех ее уровнях, включая предисловие. Это совпадало с девятилетним перерывом в создании книг 7 и 8 в связи с тем, что Брюсов остро переживал развал «символической школы» [Брюсов, 1987, с. 461]. Поэтому, на наш взгляд, с 1918 г. предисловия Брюсова содержали в основном развернутый анализ стихотворных опытов предыдущих эпох, направленный на сохранение поэтической культуры.

Три рассматриваемые лирические книги Соловьева имеют схожие названия: «Стихотворения Владимира Соловьева». Так намечается осознанное сближение Соловьева-поэта с лирической традицией начала XIX в., когда «чаще всего книжки стихов более или менее известного поэта назывались просто „Стихотворения“» [Кошелев, Петрова, 2014, с. 270]. Логика такого называния поэтической книги может быть обусловлена, в частности, уже сформированной широкой известностью Соловьева в различных сферах общественной и творческой жизни, включая поэзию, на что указал сам автор в предисловиях. Поэтому прочтение названий поэтических книг в т. ч. актуализирует вопрос принадлежности стихов непосредственно Соловьеву, отсюда и выбранная форма наименования книг.

Сравним с другой возможной формой названия подобных лирических книг: В. С. Соловьев «Стихотворения» — которая фиксировала бы иное соотношение составляющих «автор» и «заглавие». Проблема авторизации лирических текстов Соловьевым поднимается в каждом предисловии и, на наш взгляд, связана с традицией называния книги. По всей видимости, автор стремился связать все уже известные читателю стихотворения с теми, что выходили в печати без указания его имени.

Сравним высказывания автора по этому поводу в предисловиях: «Вошедшие сюда стихотворения печатались частью без моего имени в „Руси“ Аксакова и в „Русском Вестнике“ Каткова; частью же с полною подписью в различных изданиях, преимущественно в „Вестнике Европы“» [Соловьев, 1891, с. 3] (I); «В этой книжке кроме стихотворений, вошедших в первое издание (1891 г.), помещено более сорока новых; одно из них было напечатано под псевдонимом (в „Русской Мысли“), все прочия появлялись с моею подписью в различных сборниках и журналах (преимущественно в „Вестнике Европы“) за последние четыре года» [Соловьев, 1895, с. 1] (II); «Стихотворения, дополняющие это издание против прежних печатались порознь главным образом в Вестнике Европы (1895–1900 гг.), а также в Книжках Недели» [Соловьев, 1900, с. xi] (III).

На себя обращают внимание близкие, а порой и повторяющиеся формулировки (напр., «преимущественно в „Вестнике Европы“» — «главным образом в Вестнике Европы»), что в малом текстовом пространстве предисловия, как бы возвращая читателя к первой книге, оказывается важным связующим элементом. Важно в связи с этим отметить, что автор не отказывался от анонимности при публикации стихотворений в периодической печати, но при этом стремился провести авторизацию при собирании лирических текстов в книжное единство.

В предисловиях к лирическим книгам Брюсова такой особенности не наблюдается.

Рамочная композиция

По поводу рамочной композиции трех предисловий В. С. Соловьева стоит отметить, что такие составляющие внетекстовой композиции, как заглавие, авторство, дата и место публикации появляются лишь в третьем издании. Таким образом, предисловия к поэтическим книгам 1891 и 1895 г. имеют как бы открытую композицию, являясь продолжением титульной страницы и предваряя стихотворения. Третье же предисловие отличается не только увеличенным объемом, но и наличием рамочных компонентов, которые визуальнo и по смыслу отделяют текст предисловия от всех остальных компонентов книги. Кроме того, оно имеет даже жанровое определение: «Предисловие к третьему изданию» — а указание на то, что это именно третье издание, содержится как на обложке, так и на титульном листе книги: «Стихотворения Владимира Соловьева. Издание третье, дополненное». Это позволяет предположить, что данное предисловие планировалось публиковать отдельно от всей книги, что говорит о его смысловой автономности. Подтверждением этому служит и подпись в финале предисловия об авторе, месте и дате его написания: «Владимир Соловьев. С.-Петербург, Апрель 1900 года» [Соловьев, 1900, с. xv].

Большое разнообразие рамочных компонентов представлено в авторских предисловиях В. Я. Брюсова. Преимущественно они состоят из следующих компонентов: жанровый подзаголовок, эпитафия, имя автора, дата и место написания. Каждый из них выполняет в тексте определенную функцию. Жанровый подзаголовок и имя автора — обращение к культурной памяти читателя, эпитафия — подключение к традиции, дата и место написания — отражение авторского подхода к процессу создания книги стихов. Заметим, что эпитафии в предисловиях Брюсова обладают полифункциональностью: в них обозначаются эстетические взгляды автора, выстраиваются внутренние связи предисловий и лирических книг, а также моделируется образ адресата.

Так, эпитафией к первому предисловию выступили строки из стихотворений А. А. Фета «Как мошки зарею» («О, если б без слова / Сказаться душой было можно») и Ф. И. Тютчева «Silentium!» («Мысль изреченная есть ложь») [Брюсов, 1895, с. 6]. Таким образом Брюсов вступил в диалог не только с конкретными высказываниями, но и с целой литературной традицией, подчеркнув близость эстетических взглядов: в лирике Тютчева и Фета символика особенно интересовала поэтика невыразимого. В статье «А. А. Фет. Искусство или жизнь» (1903) Брюсов отмечал: «Вся позднейшая творческая деятельность Фета и была мучительной борьбой с незвучным и упорным стихом, бессиль-

ным передать порыв души» [Брюсов, 1912, с. 18]. То же противоречие между искусством и жизнью поэт усматривал и в тютчевской лирике. Сходство художественного миропонимания Тютчева и Фета позволило объединить их строки в одном эпиграфе:

«И рядом с тютчевским определением, имеющим всю глубину и всеобъемлемость формулы: „мысль изреченная есть ложь“, должно быть поставлено равносильное, но исполненное жизни восклицание Фета: „О, если б без слова / Сказаться душой было можно“» [Брюсов, 1912, с. 23].

В публицистике Брюсов высказывал мысль о существовании в русской поэзии двух уникальных традиций. Первая (к ней принадлежали А. С. Пушкин, А. Н. Майков и А. К. Толстой) характеризовалась стремлением выразить чувства, доступные человеческому восприятию. Поэзия другой традиции (представленная именами Ф. И. Тютчева, А. А. Фета и В. С. Соловьева) «беспреданно порывается от зримого и внешнего к сверхчувственному» [Брюсов, 1912, с. 28]. Следовательно, предпослав предисловию строки из стихотворений Тютчева и Фета, поэт обратился и к их художественной традиции, которую в т. ч. продолжал Соловьев.

Эпиграф второго предисловия — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэту!»: «Ты им доволен ли взыскательный художник?» [Брюсов, 1896, с. 9]. В этом стихотворении звучит тема поэта и его призвания, которую, по мнению Брюсова, Пушкин понимал в чисто романтическом смысле, «т. е. в духе идеалистической философии» [Брюсов, 1917]. Брюсов считал, что сущность деятельности поэта, сформулированная Пушкиным, заключается в изречении откровений, «которые не мог бы изречь обыкновенный человек» [Брюсов, 1917]. Причем озарения поэта не предназначены толпе, душа художника стремится в будущее, к иной жизни.

В предисловии Брюсов последовал пушкинским наставлениям и отказался искать в читателях и современниках понимание своей поэзии: «Тогда я еще смутно надеялся, что мои стихи найдут себе истинных читателей. Такой надежды более у меня нет совершенно» [Брюсов, 1896, с. 8]. Поэтому собственную книгу стихов он завещал вечности: «В своем настоящем виде моя книга кажется мне вполне законченной, и я спокойнее чем когда либо завещаю ее вечности» [Брюсов, 1896, с. 9]. Здесь же Брюсов ответил на вопрос лирического героя Пушкина, вынесенный в эпиграф предисловия, сообщив, что доволен своим произведением настолько, что решил выпустить его в свет: «Теперь я не нахожу нужным из-за второстепенных недостатков скрывать произведения, в которых есть замечательные частности» [Брюсов, 1896, с. 9].

В качестве эпиграфа к шестому предисловию Брюсов использует строки из стихотворения Тютчева: «Теперь тебе не до стихов, / О слово русское, родное!» [Брюсов, 1906, с. 2]. Стихотворение написано в 1854 г., во время Крымской войны, в дни, когда общество более всего занимали подробности военного конфликта. В нем лирический герой сообщает, что для его отечества настали трудные времена, в которых нет места поэзии, поэтому свои стихи автор намерен оставить до «лучших, будущих времен» [Тютчев, 1911, с. 296]. Однако факт написания стихотворения, свидетельствует о том, что Тютчев не смог последовать собственному наставлению, т. к. произведение искусства не подчиняется воле художника, оно живет по особым, недоступным человеческому пониманию законам.

Рождение поэзии в неподходящее для нее время — основная тема брюсовского предисловия, датированного 1905 г. и складывающегося в условиях начавшейся революции: «Бедная моя книга! Я отдаю тебя читателям в дни, когда им нужен не голос спокойных раздумий, не напевы извечных радостей и извечных страданий, но гимны борьбы и бой барабанов» [Брюсов, 1906, с. 2]. По мнению Брюсова, художники рубежа XIX–XX в. столкнулись с теми же проблемами, что и поэты тютчевского поколения. Вслед за Тютчевым, символист утверждает, что его поэзия «не для сегодняшнего дня» и должна «ждать своего часа». Несмотря на это, он всё-таки издал книгу, тем самым утвердив связь нескольких поэтических поколений и подчеркнув, что она ему не принадлежит.

Эпиграфом к седьмому предисловию выступили строки из стихотворения самого Брюсова «In hac lacrimarum valle», (1902): «И все мои напевы еще подвластны мне» [Брюсов, 1909, с. 7]. Так Брюсов вступил в диалог со своим высказыванием из прошлого, а также с другими лирическими книгами (например, стихотворение «In hac lacrimarum valle» взято Брюсовым из книги «Urbi et orbi»,). К моменту составления книги «Пути и перепутья» поэт начал по-новому смотреть на стихотворения, написанные им ранее, но не отказался от них, а объединил в одно собрание:

«Этим я хотел указать, что во многом этот сборник завершает мои предыдущие начинания, или, вернее, что он лучше разрешает те же задачи, за которые, без достаточной подготовки, я брался и раньше» [Брюсов, 1909, с. 6].

По мнению символиста, отдельные стихотворения в творческом наследии автора могут противоречить его взглядам в настоящий момент, но все они принадлежат ему и являются звеньями в целом высказывании: «И я иной, чем прежде, но всё же это я, / И песнь моя другая, но это песнь моя» [Брюсов, 1903, с. 56].

Эпиграф девятого предисловия — цитата из стихотворения К. К. Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...», 1854 («Мое святое ремесло!»). В нем лирический герой ведет диалог со своим стихотворением: «Ты, уцелевший в сердце нищем, / Привет тебе, мой грустный стих!» [Павлова, 1964, с. 154], акцентируя внимание на особой природе художественного текста, который, с одной стороны, принадлежит своему создателю, о чем свидетельствует личное местоимение «мой», отнесенное к стиху, а с другой — воспринимается автором в качестве самостоятельного субъекта, наделенного собственной волей. На это указывает, во-первых, этикетное междометие «привет», сигнализирующее о начале речевого общения. Во-вторых, глаголы 2 л. ед. ч. («проснись», «раздайся», «сойди», «уйми»), обозначающие волеизъявления, адресованные другому участнику коммуникативного акта. Напомним, что наличие «самосознания» у литературного произведения утверждается также в эпиграфах шестого и седьмого предисловий.

Примечательно, что стихотворение Павловой написано в 1854 г. и, вероятно, возникло как реакция на события Крымской войны. Это отсылает читателя к эпиграфу предисловия книги 6 — цитате из стихотворения Тютчева «Теперь тебе не до стихов...», датированного тем же годом. Таким образом, с помощью эпиграфа выстраивается связь предисловий лирических книг В. Я. Брюсова.

Диалогизм и концепция адресата

По утверждению Д. С. Лихачева, еще в древнерусской литературе предисловие выполняло разъяснительную функцию, подсказывая адресату способ понимания произведения [Лихачев, 1974, с. 62]. Для осуществления в предисловии разъяснительной функции, в т. ч. по тому, как произведение должно быть воспринято, автору необходимо установить близкий контакт с читателем. Поэтому адресная направленность является основной характеристикой предисловия и фиксируется в архитектонике и заглавии предисловия, а также его содержательном, лингвистическом и паравербальном пластах. Отсюда следует и одна из ключевых характеристик предисловия — его заданная диалогичность. По мысли М. М. Бахтина, автор строит высказывание, исходя из своих представлений об адресате:

«Говоря, я всегда учитываю апперцептивный фон восприятия моей речи адресатом: насколько он осведомлен в ситуации, обладает ли он специальными знаниями данной культурной области общения, его взгляды и убеждения, его предубеждения (с нашей точки зрения), его симпатии и антипатии — ведь всё это будет определять активное ответное понимание им моего высказывания. Этот учет определит и выбор жанра высказывания, и выбор композиционных приемов, и, наконец, выбор языковых средств, то есть стиль высказывания» [Бахтин, 1979, с. 291].

Из трех авторских предисловий Соловьева наибольшей диалогичностью обладает третье, формат которого по сравнению с двумя предыдущими наиболее широк. В нем автор вновь (как и в первом предисловии — «Я собрал их по желанию моих друзей» [Соловьев, 1891, с. 1]) обращается к друзьям: «Если моя поэзия имеет своих друзей, которые ценят ее больше, чем я сам» [Соловьев, 1900, с. xi]. Кроме того, Соловьев уверен в расширении своей читательской аудитории, с чем связано и следующее замечание: «Найдутся, конечно, и такие читатели, которые из-за чужих отзывов возьмут эту книжку»; «Те читатели, которым даже стихи г. Брюсова и проза г. Розанова не могут дать нескольких мгновений тихой радости» [Соловьев, 1900, с. xi–xii]. Важной частью третьего предисловия поэта-философа является комментарий к собственным стихотворениям, спровоцированный непониманием критиков стихотворений Соловьева: «Одно из моих стихотворений, обращенное к живому и притом несомненно благонамеренному лицу, наделало хлопот изданию, где появилось» [Соловьев, 1900, с. xii]. Следующая часть предисловия III — изложение некоторых аспектов эстетической концепции Соловьева и размышления о «настоящей», «Вечной красоте» [Соловьев, 1900, с. xiii–xiv].

Диалогический потенциал предисловия осознавал и Брюсов. В своих рассуждениях о поэтике фетовской лирики он упомянул авторское предисловие к третьему выпуску «Вечерних огней»: «Не изменила ли здесь смелость мысли Фету, как и всегда, когда он пытался быть только мыслителем, а не поэтом?» [Брюсов, 1912, с. 26]. Следуя мысли Бахтина, что произведение, являясь звеном в цепи речевого общения, «связано с другими произведениями-высказываниями — и с теми, на которые оно отвечает, и с теми, которые на него отвечают» [Бахтин, 1979, с. 268], отметим, что, выбрав жанр предисловия для собственных лирических книг, Брюсов вступил в диалог с теми, кто до него выбирал этот жанр, в частности с Фетом. Так, диалогические отношения обнаруживаются непосредственно в предисловиях книг 1–5, 8 и 9 Брюсова.

В предисловии к книге 1 Брюсов обозначил адресата своего высказывания: «Печатаю свою книгу в наши дни, я не жду ей правильной оценки ни от критики, ни от публики. Не современникам и даже не человечеству завещаю я эту книгу, а вечности и искусству» [Брюсов, 1895, с. 6]. Первые (главные) адресаты — вечность и искусство. Второстепенными адресатами будут таким образом критика и публика, чье упоминание свидетельствует о том, что люди не поняли его поэзии, поэтому свое произведение он посвящает не им. Указание адресата есть в предисловии к книге 2: «И критика, и публика, и те лица, мнениями которых я дорожил, и те, которых в праве считать поклонниками моей поэзии — выказали такое грубое непонимание ее, что я теперь только смеюсь над их суждениями» [Брюсов, 1896, с. 8] и к книге 3: «Если мне и не суждено будет продолжать начатое, эти намеки подскажут остальное будущему другу. Приветствую его» [Брюсов, 1897, с. 5]. Будущий друг, которому адресовано слово автора — это и читатель книги, и поэт нового поколения, наследующий традиции брясовской лирики.

В предисловии к книге 4 Брюсов вступил в диалог с современниками, опровергнув их представления о его эстетических взглядах: «Было бы неверно видеть во мне защитника каких-либо обособленных взглядов на поэзию» [Брюсов, 1900, с. 5]. Следующее предисловие содержит размышления поэта о литературной традиции прошлого, что является особой формой диалога с предшественниками: «Но значение, придаваемое им учебниками, идет от времен французского лже-классицизма и тоже отличается от их первоначального смысла, какой они имели у античных поэтов» [Брюсов, 1903, с. 2]. В предисловии к книге 6 Брюсов выстроил диалог со своим произведением: книга стихов мыслилась поэтом как самостоятельный субъект и полноправный участник речевого общения, обладающий собственной волей. Поэтому в предисловии наличествуют личные местоимения («я», «ты»), глаголы 2 л. ед. ч. («будешь», «отвечай», «проходи»), а сам текст начинается и заканчивается этикетными речевыми формулами, обязательными для коммуникативного акта: «Бедная моя книга!», «Прощай, моя бедная книга!» [Брюсов, 1906, с. 5].

Во вступительной статье («Ремесло поэта») к книге 8 автор обратился одновременно и к читателям, и к предшественникам, и к другим своим книгам. Читателям адресованы вопросы: «Каким же образом стих может быть исключен из объектов, изучаемых наукой?» [Брюсов, 1918, с. 12] — и предложение: «Попробуйте написать французской азбукой, сохраняя очарование звукописи, стихи Пушкина: „Шипенье пенных бокалов / И пунша пламень голубой!“» [Брюсов, 1918, с. 28]. Поэтов предыдущих поколений Брюсов благодарил за изобретение основных приемов стихосложения, которыми он пользуется в своем творчестве:

«Пока будет существовать поэзия, не перестанут, вероятно, пользоваться и дистихом из гексаметра и пентаметра, и терцинами Данте, и октавами Тассо, и сапфической строфой, и Спенсеровой, и строфой „Ворона“ Эдгара По. Трубадуры средневековья считали строфу собственностью того, кто ее изобрел, и не позволяли себе пользоваться чужими строфами. Современность снисходительнее в этом отношении: почему искать уже найденное или пользоваться худшим, когда есть лучшее?» [Брюсов, 1918, с. 36].

В финале вступительной статьи Брюсов привел строки из стихотворения Фета «Как мошки зарею» («О если б без слова — сказаться душой было можно»), которые яв-

ляются эпиграфом к предисловию книги 1. Тем самым поэт сформировал связь между всеми лирическими книгами, что также встречалось в предисловии III Соловьева.

В предисловии Брюсова «От автора» диалог устанавливается, во-первых, со всей историей литературы: «Поэзия античной древности, европейского средневековья, Ближнего Востока, Дальнего Востока, новых литератур, даже народная поэзия полу-культурных племен, — представляют множество образцов разного рода технических приемов, способствующих основной цели: победить слово» [Брюсов, 1918, с. 42]. Во-вторых, с поэтами настоящего и будущего времен: «Задача каждого поэта, — рядом со своим творческим делом, которое, конечно, остается главной задачей всей жизни, — по возможности, способствовать развитию техники своего искусства» [Брюсов, 1918, с. 42]. В-третьих, с критикой: «Если встречаются в книге стихотворения, которые, быть может, не удовлетворят взыскательную критику, то это уже — вина моего дарования или моей оценки, но отнюдь не сознательное с моей стороны допущение» [Брюсов, 1918, с. 44]. И в-четвертых, с читателями: «В этой книге — не те примеры, которые должно было дать в наше время для читателя, интересующегося стихотворной техникой, а те, — которые я мог выбрать среди своих стихотворений последних лет» [Брюсов, 1918, с. 45].

К восьмому предисловию число участников диалога увеличивается, поэтому можно сделать вывод, что Брюсов понимал расширение сферы своего влияния. Об этом свидетельствуют принадлежность одного из предисловий книги к жанру лекции и факт его публичного чтения: «Предпосылая собранию стихов, озаглавленному „Опыты“, свою вступительную лекцию, прочитанную в московской „Студии стиховедения“, я полагаю, что объясняю тем и название самой книги» [Брюсов, 1918, с. 41]. Создав книгу «Опыты», Брюсов ставил целью поделиться с читателем своими открытиями в области поэтического творчества, для чего более всего подходит жанр лекции, предполагающий прямой диалог с аудиторией. Выступив с «Ремеслом поэта» публично, поэт продемонстрировал, что его предисловие функционирует не только в качестве структурного компонента книги, но и как самостоятельное произведение, обладающее эстетической значимостью.

В последнем брюсовском предисловии, как и в предыдущих, реализуется вариант диалога автора с читателем:

«Остается добавить, обращаясь к тем читателям, которые раньше интересовались стихами, подписанными тем же именем, что предполагаемый сборник отделен от вышедшего в 1915 г., под заглавием „Семь цветов радуги“, целой книгой, в печати еще не появлявшейся: „Девятая камня“» [Брюсов, 1920, с. 3].

Отметим, что Брюсов особенно остро переживал ситуацию с переносом публикации книги, которая, очевидно была для него неотъемлемой как результат собственной поэтической деятельности, а во многом даже определяющей значение и смысл его жизни. Такой взгляд на отношение искусства к действительности, связан, вероятно, с формированием к последней трети XIX в. в отечественной литературе жизнетворческой концепции, получившей развитие у поэтов рубежа XIX–XX в., в частности у символистов.

В предисловиях Брюсов моделировал образ адресата: читатель должен обладать знаниями о литературе и культуре, поэтому в предисловиях упоминаются имена предше-

ственников и современников автора, а также осуществляется анализ их творчества. Так, в предисловии к книге 1 Брюсов писал: «Мы наслаждаемся поэмами Тассо, хотя содержание их для нас неинтересно, а идеи — чужды» [Брюсов, 1895, с. 6]. Автор использовал местоимение «нас», предположив, что читатель, как и он сам, знаком с произведениями итальянского поэта.

В предисловии к книге 2 ориентация на определенного читателя реализуется в эпиграфе: «Ты им доволен ли взыскательный художник?». Предпосылая предисловию цитату Пушкина, Брюсов не обозначил ее автора, по-видимому, посчитав, что адресат книги и так знает, кому принадлежит высказывание. Отказ от указания авторства сигнализирует также об отношении поэта к предложению как единице языка: для него оно ничье. Ведь предложение само по себе не имеет автора и выражает индивидуальную позицию говорящего только тогда, когда функционирует как целое высказывания [Бахтин, 1979, с. 267].

Предисловие к книге 4 начинается с определения лучшего в наследии русских поэтов:

«Я равно люблю и верные отражения зримой природы у Пушкина или Майкова, и порывания выразить сверхчувственное, сверхземное у Тютчева или Фета, и мыслительные раздумья Баратынского, и страстные речи гражданского поэта, скажем Некрасова» [Брюсов, 1900, с. 5].

В предисловии книги 5 отмечено:

«Некоторые стихи необычны по размерам. В частности, в отделе „Песни“ я пытался перенять формы современных народных песен, так называемых „частушек“, а в отделе „Искания“ — старался усвоить русской литературе некоторый особенности „свободного стиха“, *vers libre*, выработанного во Франции Э. Верхарном и Ф. Вьеле-Гриффином и удачно примененного в Германии Р. Дэмелем и Р. Рильке» [Брюсов, 1903, с. 2].

Данный фрагмент свидетельствует о том, что адресат книги должен не только ориентироваться в творчестве обозначенных поэтов, но и иметь представления о науке стихосложения.

В предисловии к книге 7 Брюсов выражает надежду, заключенную в том, что публика уже знакома с его циклами, размещенными в предыдущих книгах: «Я решил даже сохранить для некоторых циклов стихотворений заглавия, уже знакомые моим читателям: „Вечеровые песни“, „Правда вечная кумиров“, „Современность“, „Видения“» [Брюсов, 1909, с. 7]. Эти циклы наличествуют в книгах «*Me eum esse*» (1897) и «*Στεφανος*» (1906), однако в этих книгах их образуют другие стихотворения. Иными словами, оставив название цикла, Брюсов полностью поменял его внутреннюю структуру: переосмыслил темы, объединяющие стихотворения в цикле и установил новый характер связи между произведениями. Регулярно возвращаясь к предыдущим циклам и книгам, автор актуализировал их взаимосвязь. Наконец, образ адресата выстроился во вступительной лекции к книге 8, на что указывает в т. ч. местоимение «нам»: «Всё это еще настолько чуждо нам, что многие, вероятно, затруднятся назвать те науки, которые изучают и устанавливают свойства и законы стиха» [Брюсов, 1918, с. 13].

Заключение

Представленное исследование позволяет по-новому взглянуть на авторское предисловие в составе книги стихов как на особую жанровую форму, выявить новые уровни внутренних связей сегментов поэтической книги, а также уточнить способы формирования отечественной поэтической традиции на рубеже XIX–XX вв. Стоит отметить, что авторские предисловия служат особой и важной для поэта формой диалогического взаимодействия с ближним и дальним читателем. «Серийность» авторских предисловий (и у Соловьева, и у Брюсова), обусловленная соблюдением автором заданной периодичности в выпуске книг, выводит их идейное содержание на новый уровень, организуя авторское слово в книгах стихов в единый метатекст, структура которого усложняется от первого к последнему прижизненному изданию. В результате рассмотрения трех авторских предисловий В. С. Соловьева и десяти предисловий В. Я. Брюсова был намечен вывод, состоящий в усложнении внутренней структуры данной жанровой формы и ее стремлению к прозиметрии. Важно в связи с этим отметить разный подход указанных авторов к формоорганизующим компонентам предисловия, что свидетельствует о смене подходов к созданию книги стихов на рубеже веков. Очевидно, что эволюция жанра предисловия одновременно происходила внутри отдельно взятой художественной системы Соловьева и Брюсова, а также в рамках историко-литературного процесса, отражая стремление мастеров слова в выражении собственных взглядов на свою же поэзию и демонстрируя процесс художественных поисков в области диалога с читателем.

Список источников

- Барковская Н. В., Верина У. Ю., Гутрина Л. Д. 2014. Книга стихов как теоретическая проблема // Филологический класс. № 1. С. 20–29.
- Бахтин М. М. 1979. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества // сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство. С. 250–296.
- Бахтин М. М. 1994. Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост. 178 с.
- Брюсов В. Я. 1895. *Chefs d'oeuvre*: сборник стихотворений. 1-е изд. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа. 53 с.
- Брюсов В. Я. 1896. *Chefs d'oeuvre*: сборник стихотворений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа. 89 с.
- Брюсов В. Я. 1897. *Me eum esse*. М.: изд-во тип. А. И. Мамонтова. 62 с.
- Брюсов В. Я. 1900. *Tertia Vigilia*: сборник стихотворений. М.: Скорпион. 139 с.
- Брюсов В. Я. 1903. *Urbi et Orbi*. М.: Скорпион. 187 с.
- Брюсов В. Я. 1906. *Στεφανος*. М.: Скорпион. 53 с.
- Брюсов В. Я. 1909. Пути и перепутья. В 3 томах. М.: Скорпион. Т. 3. 171 с.
- Брюсов В. Я. 1912. Далекие и близкие: Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М.: Скорпион. 223 с.
- Брюсов В. Я. 1917. Сочинения // rusneb.ru: национальная электронная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005434484/ (дата обращения: 15.08.2024).

- Брюсов В. Я. 1918. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. М.: Геликон. 200 с.
- Брюсов В. Я. 1920. Последние мечты. Лирика 1917–1918 гг. М.: Творчество. 64 с.
- Брюсов В. Я. 1987. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература. Т. 2. 575 с.
- Дайнеко А. Ю. 2020. Диалогические стратегии в дискурсивном жанре «предисловие» // Вестник МГПУ. № 3. С. 141–146.
- Кошелев В. А., Петрова Г. В. 2014. О поэтических сборниках Фета «Вечерние огни» // Фет А. А. Сочинения и письма в двадцати томах. Кн. 1. М.–СПб.: Альянс-Архео. Т. 5. С. 264–286.
- Лазареску О. Г. 2008. Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.): автореф. дис... канд. филол. наук. М. 47 с.
- Лихачев Д. С. 1974. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука. 373 с.
- Ляпина Л. Е. 1999. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб. 279 с.
- Мирошникова О. В. 2002. Лирическая книга: архитектура и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX века): учеб. пособие. Омск: Омск. гос. ун-т. 140 с.
- Павлова К. К. 1964. Полное собрание стихотворений. М.–Л.: Советский писатель. 622 с.
- Соловьев В. С. 1895. Стихотворения. 2-е изд., доп. СПб.: Издание М. М. Ледерле и Ко. 130 с.
- Соловьев В. С. 1900. Стихотворения. 3-е изд., доп. СПб.: Издание М. М. Стасюлевича. 232 с.
- Соловьев В. С. 1891. Стихотворения. М.: Университет. Типография. 78 с.
- Станюкович В. К. 1976. Воспоминания о В. Я. Брюсове // Литературное наследство. Валерий Брюсов. М.: Наука. Т. 85. С. 713–758.
- Тютчев Ф. И. 1911. Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург: А. Ф. Маркс. 712 с.
- Черкасова Е. А. 2021. Структура трех прижизненных поэтических книг В. С. Соловьева: к постановке проблемы // Соловьевские исследования. № 4. С. 25–35.
- Чернигова И. В. 2006. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI–XVII веков (на материале авторских и издательских предисловий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск. 22 с.

References

- Barkovskaya, N. V., Verina, U. Yu., & Gutrina, L.D. (2014). Book of poems as a theoretical problem. *Filologicheskij klass*, (1), 20–29. [In Russian]
- Bakhtin, M. M. (1979). The problem of speech genres. In S. G. Bocharov (Ed.), *Aesthetics of Verbal Creativity* (pp. 250–296). *Iskusstvo*. [In Russian]
- Bakhtin, M. M. (1994). *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Alkonost. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1895). *Chefs d'oeuvre: A Collection of Poems* (1st ed.). Printing house of E. Lissner and Yu. Roman. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1896). *Chefs d'oeuvre: A Collection of Poems* (2nd rev. ed.). Printing house of E. Lissner and Yu. Roman. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1897). *Me eum esse*. Printing house A. I. Mamontov. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1900). *Tertia Vigilia: A Collection of Poems*. Skorpion. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1903). *Urbi et Orbi*. Skorpion. [In Russian]

- Bryusov, V. Ya. (1906). *Στεφανος*. Skorpion. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1909). *Ways and Crossroads*. In 3 vols. (Vol. 3). Skorpion. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1912). *Distant and Close: Articles and Notes on Russian Poets from Tyutchev to the Present Day*. Skorpion. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1917). Works. rusneb.ru: National Electronic Library. Retrieved Dec. 17, 2024, from https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005434484/ [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1918). *Experiments in Metric and Rhythm, in Euphony and Consonance, in Strophics and Forms*. Helikon. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1920). *Last Dreams. Lyrics 1917–1918*. Tvorchestvo. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1987). *Works: in 2 vols.* (Vol. 2). Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]
- Daineko, A. Yu. (2020). Dialogical strategies in the discursive genre “preface.” *Vestnik MGPU*, (3), 141–146. [In Russian]
- Koshelev, V. A., & Petrova, G. V. (2014). On Fet’s poetry collections *Evening Lights*. In A. A. Fet, *Works and Letters in 20 vols.* (Vol. 5, p. 264–286). Al’yans-Arheo. [In Russian]
- Lazarescu, O. G. (2008). *Literary Preface: Questions of History and Poetics (based on Russian Literature of 18th–19th c.)* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Likhachev, D. S. (1974). *Poetics of Old Russian Literature*. Nauka. [In Russian]
- Lyapina, L. E. (1999). *Cyclization in Russian Literature of the 19th c.* [In Russian]
- Miroshnikova, O. V. (2002). *Lyric Book: A Textbook on Architectonics and Poetics (based on poetry from the last third of the 19th c.)*. Omsk State University. [In Russian]
- Pavlova, K. K. (1964). *Complete Collection of Poems*. Soviet writer. [In Russian]
- Soloviev, V. S. (1900). *Poems* (1st ed.). Edition of M. M. Stasyulevich. [In Russian]
- Soloviev, V. S. (1895). *Poems* (2nd ed.). Edition of M. M. Lederle and Ko.. [In Russian]
- Soloviev, V. S. (1891). *Poems*. University. Printing house. [In Russian]
- Stanyukovich, V. K. (1976). Memories of V. Ya. Bryusov. In *Literary Inheritance. Valery Bryusov* (Vol. 85, pp. 713–758). Nauka. [In Russian]
- Tyutchev, F. I. (1911). *Complete Works*. A. F. Marx. [In Russian]
- Cherkasova, E. A. (2021). The structure of three lifetime poetic books by V. S. Solovyov: to the formulation of the problem. *Solovyov Studies*, (4), 25–35. [In Russian]
- Chernigova, I. V. (2006). *Communicative Potential of the Paratext of French Works of Art of the 16th–17th c. (based on the material of copyright and publishing prefaces)* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]

Информация об авторах

Екатерина Анатольевна Черкасова, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

cherkasova85@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8592-7109>

Анжелика Романовна Чубрикова, студент-магистрант, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

achubrikova@internet.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8828-0766>

Information about the authors

Ekaterina A. Cherkasova, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Linguistics and Literary Studies, University of Tyumen, Tyumen, Russia

cherkasova85@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8592-7109>

Angelica R. Chubrikova, Master Student, University of Tyumen, Tyumen, Russia

achubrikova@internet.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8828-0766>

«Звезда Утренней Зари» Е. Д. Айпина: от повести к роману

Юлия Николаевна Степанова , Сергей Анатольевич Комаров

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: yuliya-stepanova-979@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается трансформация повести «Звезда Утренней Зари» в роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари» русскоязычного хантыйского писателя Е. Д. Айпина, а также обозначаются механизмы жанрового перехода в сознании прозаика традиционалистского типа. Хантыйский автор выбирает для трансформации именно эту повесть, поскольку сюжет путешествия, на котором она основана, является одной из основных моделей конструирования романа традиционалистской поэтики. Айпин разветвляет хронотоп основной сюжетной линии повести за счет встреч главного героя с родственниками и знакомыми, его воспоминаний о прошлом своем и прошлом людей его рода, за счет обращений к будущему. Прозаик использует кумулятивный принцип построения частей сюжета для соединения разных временных событий в разветвлениях основной сюжетной линии романа. Стыки данных событий скрепляются определенными «точками перехода» (фиксация внимания на предмете, географическом положении, следах, животных, человеке и его внешности). Айпин также расширяет хронотоп за счет введения в текст фольклорного дискурса, который масштабирует пространство в вертикальной плоскости и придает времени свойства статичности, цикличности. Фиксация географических мест во время поездки главного героя укрупняет границы пространства. В результате анализа данной жанровой трансформации проясняется специфика конструирования жанра романа в прозе Е. Д. Айпина.

Ключевые слова. Е. Д. Айпин, повесть, роман, трансформация, сюжет, дискурс, синкретическая поэтика, традиционалистская поэтика

Цитирование: Степанова Ю. Н., Комаров С. А. 2024. «Звезда Утренней Зари» Е. Д. Айпина: от повести к роману // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 87–99. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-87-99>

Поступила 18.05.2024; одобрена 11.11.2024; принята 02.12.2024

The Star of the Morning Dawn by E. D. Aypin: from novella to novel

Yulia N. Stepanova[✉], Sergei A. Komarov

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: yuliya-stepanova-979@mail.ru[✉]

Abstract. This article examines the transformation of the novella *The Star of the Morning Dawn* into the novel *Khanty, or the Star of the Morning Dawn* by the Russian-speaking Khanty writer E. D. Aypin, and it identifies the mechanisms of genre transition in the mind of a traditionalist prose writer. The Khanty author chooses this novella for transformation, since the plot of the journey — around which the novella is built — is one of the main models for constructing a novel within traditionalist poetics. Aypin branches the chronotope of the novella's main storyline using the main character meetings with his relatives and acquaintances, his memories of his past and his family's past, as well as appeals to the future. The novelist uses the cumulative principle of plotting parts to connect different temporal events in the ramifications of the novel's main storyline. The joints of these events are held together by certain “transition points” (fixing attention on an object, geographical location, footprints, animals, a person, and their appearance). Aypin expands the chronotope by introducing into the text folklore discourse, which scales the space in a vertical plane and gives time the properties of static, cyclicity. Fixing geographical locations during the main character's trip in the novel enlarges the boundaries of space. This genre transformation clarifies the specifics of the novel genre construction in E. D. Aypin's prose.

Keywords: E. D. Aypin, novella, novel, transformation, plot, discourse, syncretic poetics, traditionalist poetics

Citation: Stepanova, Yu. N., & Komarov, S. A. (2024). *The Star of the Morning Dawn* by E. D. Aypin: from novella to novel. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(4), 87–99. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-87-99>

Received May 18, 2024; Reviewed Nov. 11, 2024; Accepted Dec. 2, 2024

Введение

Первый роман в истории хантыйской литературы «Ханты, или Звезда Утренней Зари» стал результатом авторской переработки повести «Звезда Утренней Зари», и эта жанровая трансформация произошла в том числе и за счет расширения пространственно-временных границ изображаемых событий.

Особое внимание жанровой специфике прозы Е. Д. Айпина уделяют О. К. Лагунова [2007] и С. А. Комаров [2023]. Исследователи выявляют особенности жанровых структур рассказа, повести, романа, элементы синкретической и традиционалистской фаз развития словесного творчества в формировании типа высказывания в творчестве хантыйского прозаика. Однако жанровая динамика и жанровые переходы прозы Е. Д. Айпина ранее не рассматривались. Обычно, исследуя поэтику романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари», литературоведы обращаются к повести «Звезда Утренней Зари» для описания истории создания романа. В данном ключе упоминают эту повесть Е. В. Косинцева [2009], Л. П. Миляхова [2008] и Ю. Г. Хазанкович [2009].

Проза Е. Д. Айпина отличается сочетанием элементов синкретической и традиционалистской фаз развития словесного творчества. Осознанное применение «художественных принципов традиционалистской поэтики на данном этапе отсутствует» [Степанова, 2023, с. 108]. Отсюда следует «неосознанное сочетание различных дискурсов» (фольклорный и публицистический), слияние разных временных пластов, разных пространств, недифференцированность зон автора и героя [Степанова, 2023, с. 108]. Основой миростроительства языческого сознания является перетекание, именно это создает органику внутренних взаимосвязей сюжетных линий в романе хантыйского прозаика.

В исследовании при описании элементов синкретической и традиционалистской фаз развития словесного творчества в конструировании романа Е. Д. Айпиным идет опора на достижения исторической поэтики [Кожин, 1963; Бройтман, 2001].

Цель данной статьи — выявить механизмы трансформации повести в роман в индивидуальном сознании прозаика традиционалистского типа.

Результаты и обсуждение

Основной сюжетной линией повести и романа служит поездка/путешествие Демьяна. Для романа традиционалистского типа характерен сюжет путешествия. Как отмечает В. В. Кожин, рыцарский роман был связан с «великими путешествиями первооткрывателей неведомых земель», странствия героев здесь были отражением реальных путешествий и завоевательских походов. В последующем и в авантюрно-героическом эпосе, в «народном» романе мотив путешествия становится содержательной структурой жанра [Кожин, 1963, с. 53, 127].

В. В. Кожин также фиксирует, что в эпоху традиционалистской поэтики герои были привязаны «к известному месту, территории и к определенной общественной организации», человек всегда был частью своего мира, потому путешествие человека имело определенные цели и подразумевало возвращение в исходную точку [Кожин, 1963, с. 76]. Путешествие главного героя повести и романа Е. Д. Айпина также связано с определенным маршрутом и целью (поездка до поселка с целью покупки товаров для дома и встречи с сыновьями в школе-интернате) и предполагает возвращение. Это же характерно и для героев хантыйских мифов, сказок, легенд, преданий. Они «перемещаются в пространстве с определенными целями»: совершение подвига («Людоедка Порнэ

и Хи́лы»), поиск своего народа («Мойтнынг»), поход в гости («Зайчик и Медведь»), исполнение поручения («Как сын слепого царя искал живую воду») и т. д. [Степанова, 2023, с. 107–108].

Однако в сравнении с повестью в романе меняется пространство основной сюжетной линии: оно разветвляется за счет упомянутых встреч. Описание ситуации встречи, правил поведения в гостях как одного из способов воспитания ребенка Е. Д. Айпин использует в построении жанра повести («Я слушаю Землю»). Данный повестный опыт прозаик применяет для конструирования романа. Например, Демьян с сыновьями заезжает в гости к Галактиону, в школе сыновей навещает Корнеева. Но также появляется и новая схема встречи — случайная встреча на дороге, пересечение пути. По дороге в поселок Демьян встречает Седого, который, наоборот, возвращается из него. Ввод этих эпизодов создает стимулы для воспоминаний, а также для размышлений о проблемах народа ханты. Встреча Демьяна с Матреной, женой Коски Малого, напомнила о трагедии этой семьи — смерти дочери: «И хотя с той зимы прошло много лет, но Демьян отчетливо помнит те пронзительно-горькие дни» [Айпин, 2014, с. 110]. Встреча с Седым заставляет задуматься Демьяна о проблеме снижения поголовья оленей и ее причинах: война, алкоголь («Сам, мол, Седой виноват, все пропивает, все спускает до нитки, а в поселок перебираться не желает», «Ты воевал, северный олень») [Айпин, 2014, с. 180].

Н. Л. Лейдерман пишет, что роман в качестве жанра исследует именно «сцепления» отдельных граней или процессов действительности, потому для него характерна диалектическая многосложность как конструктивный принцип художественного мира [Лейдерман, 2010, с. 268]. Теоретик отмечает, что художественному миру романа свойственно выстраивание параллельных сюжетных линий, имеющих семантические точки соприкосновения [Лейдерман, 2010, с. 273–274]. Следовательно, специфика текстов Е. Д. Айпина, как уже отмечалось, состоит в сочетании элементов синкретической и традиционалистской фаз развития словесного творчества, что отличает данный роман от жанровой структуры романа индивидуально-творческой фазы, обозначенной Н. Л. Лейдерманом. В романе хантыйского мастера слова сюжетные линии выстраиваются не параллельно, они разветвляются от основной сюжетной линии, осложняют ее кумулятивность.

Проза Айпина характеризуется слиянием разных дискурсов в тексте, например, фольклорного и публицистического. Использование данных дискурсов становится одним из механизмов трансформации повести в роман. Основная сюжетная линия (поездка Демьяна) расширяется благодаря воспоминаниям героя о судьбах его родственников, образуя сложную сеть сюжетных линий, идущих друг от друга. Память становится частью фольклорного дискурса, т. к. воспоминания — это рассказы о людях рода главного героя, которые передаются от старшего к младшему и повторяются.

Данные воспоминания можно соотнести с жанром устного народного рассказа, то есть сказа «о недавнем прошлом», где повествуется особый случай или рассказ о герое [Чистов, 1987, с. 459]. Память в мировоззрении хантов иерархична, для них важна передача опыта. Как отмечает И. В. Силантьев, «феномен смешения и взаимодействия дискурсов характерен для многих культурных эпох» [Силантьев, 2006, с. 128]. Смешение Айпиным разных дискурсов нельзя назвать особым приемом конструирования романа, как, например, в постмо-

дернистском романе, где их использование имеет другую риторическую задачу (построение игровых и иронических текстов) [Силантьев, 2006, с. 128]. Айпин смешивает дискурсы неосознанно, в отличие от авторов постмодернизма, в текстах которых взаимодействие дискурсов осознается, мало регулируется и свободно [Силантьев, 2006, с. 130].

Ханты считают важным сохранение памяти об истории рода, передачу обычаев, традиций, фольклора и т. д. Именно поэтому в повестях для детей («В тени старого кедра» и «Я слушаю Землю») можно найти ситуации рассказывания молодому поколению воспоминаний об охотничьих способностях предков, мифов-сказок, легенд, загадок взрослыми или старцами рода. Таким образом, трансформируя повесть в роман, Е. Д. Айпин использует привычный способ связи с предками — воспоминания, благодаря которым главный герой может почувствовать боль рода, стать свидетелем трагических событий. Прозаик переводит память в конструкцию текста.

В повести «Звезда Утренней Зари» действие происходит в настоящем времени, в ней отсутствует мысленное движение главного героя в прошлое и будущее. В романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» пространственно-временные границы расширяются, настоящее переплетается с прошлым и будущим. В романе, в отличие от повести, выстраиваются несколько историй семей: 1) Демьян, его жена Анисья, сыновья Микуль и Юван; 2) Ефим Седой, его дед Петр, брат, отец, жена, дети; 3) Коска Малый, его жена Матрена, дети, отец Айсидор, братья Иван и Николай, сестра Тамара; 4) Куперлак Галактион, его отец, жена, дети, внуки; 5) Спиридон и Федор Казамкины. Воспоминания главного героя о людях его рода связаны со значимыми историческими событиями: падение самодержавия, коллективизация, массовые репрессии, Великая Отечественная война. Демьян не являлся свидетелем событий, происходивших с его родственниками, но память рода позволяет ему духовно и физически перемещаться между настоящим и прошлым.

В романе Айпина выявляется синкретизм временных пластов, переход из одного времени в другое не всегда обозначен. Например, Демьян, подъехав к реке Ягурьях, увидел старый кедр, который видели люди его рода. Старый кедр является точкой перехода и соединяет прошлое и настоящее:

«Быть может, поэтому Демьян задержался у дерева, прикоснулся к замшелому стволу. Старый кедр на своем веку многое видел и многое помнит. Он видел, как у одноногого Курпелак Галактиона после войны, на этой переправе, на середине реки, замертво свалилась правая пристяжная важенка. По инерции вожак и средний протащили ее волоком десяток шагов. Курпелак Галактион остановил упряжку и, сунув под мышку самодельный деревянный костыль, проворно заковывал к важенке, приподнял ее голову и развязал недоуздок» [Айпин, 2014, с. 144].

Некоторые воспоминания о прошлом тесно сопряжены с будущим. Сыновья Демьяна связывают три временных пласта. В будущем они так же, как и отец, хранят в памяти истории старожиллов, помнят родственников, узнают истории их судеб. Переход к будущему времени в тексте чаще всего обозначен: «А спустя годы Микуль, сын Демьяна, многое поймет, перелистав пожелтевшие бумаги»; «Его слова сбудутся. Однажды на этой же дороге Демьянов Микуль встретит его, постаревшего и изможденного»; «После, спустя годы, когда Микуль вернется домой...» [Айпин, 2014, с. 112, 157, 181].

Е. Д. Айпин соединяет воспоминания Демьяна о прошлом с будущим, чтобы показать, как опыт прошлого влияет на молодое поколение: «Что-то остается и в прошлом, но живы отголоски...» [Айпин, 2014, с. 112]. Например, когда главный герой с сыном обсуждают родственные связи с другими народами — о которых Микуль узнал от венгерской аспирантки-филолога Евы Шмидт — он тем самым учит сына быть достойным родственником. Микуль, вспоминая наставление отца, продолжает интересоваться связью с другими народами, их отношением к хантам: «И Микуль получит из Будапешта журнал „Уй тукур“ с заметками Ференца «Наши родственники, живущие в Сибири...» [Айпин, 2014, с. 33].

Кроме того, обращение к будущему предлагает другой взгляд на одну ситуацию. Демьян вспоминает о судьбе его родственника, Айсидора, погибшего от рук людей, борющихся с «врагами народа». Дочь Айсидора, Тамара, повзрослев, жаждала справедливости, пыталась найти человека, погубившего ее отца. Тамаре не удалось найти его, и спустя годы Микуль, узнав об этой истории, понимает, что это было невозможно в силу его социального положения. В будущем Микуль прочитает документ, в котором предлагаются данные о причинах снижения численности населения хантов (употребление алкоголя, падение рождаемости, повышение уровня смертности взрослого и детского населения, миграционные процессы одностороннего порядка), и иначе посмотрит на причины бед сына Айсидора, Коски Малого [Айпин, 2014, с. 112–113].

Размышления о социальных проблемах хантов являются частью публицистического дискурса в романе Е. Д. Айпина. Как пишет И. А. Дедков, предмет публицистики считается «вся жизнь, в ее прошлом, настоящем и будущем, частная и общественная, реальная или отраженная в прессе, искусстве, документе» [Дедков, 1987, с. 313]. В качестве доказательства демографической проблемы народа ханты Е. Д. Айпин вводит в текст отрывки из документа: «Некоторые материалы социально-демографического и наркологического обследования народа ханты поймы рек Вах и Аган» [Айпин, 2014, с. 112]. Кроме того, доказательством служат мнения конкретных хантов о данной проблеме. Айпин указывает имена этих людей, возраст, род деятельности, семейное положение: «Станислав Я-в (русский, коренной житель, рыбак-охотник, механик, 30 лет, двое детей, жена Надежда — ханты, зав. почтой, радистка — которая „детородна“» [Айпин, 2014, с. 113]. В публицистике монолог оратора выражает общественные умозаключения [Соболевская, 2001, с. 838]. Размышления о проблемах, связанных с алкоголем, отражают мнения многих хантов: «Продажу спиртного нужно запретить — это мнение всех, кто компетентен и заинтересован в судьбе национальности ханты» [Айпин, 2014, с. 116]. Публицистический дискурс объединяет позиции автора и Демьяна, т. к. тексты прозаика обладают элементами синкретической фазы развития словесного творчества, где наблюдается «субъектный синкретизм», или нерасчлененность автора и героя [Бройтман, 2001, с. 21].

В романе с будущим связано не только прошлое, но и настоящее. Как уже отмечалось, основная сюжетная линия расширяется за счет встреч с родными. Приехав в поселок, Демьян забрал сыновей из школы и поехал повидаться с родственниками. На ночь они остановились у Куперлак Галактиона, одного из сказочников рода. В романе Айпина

описана характерная ситуация рассказывания загадок, сказок, легенд старцем рода молодому поколению. Данная ситуация рассказывания встречается и в повести «Я слушаю Землю». В романе подчеркивается значимость сохранения фольклора, его передача из поколения в поколение. Потому появляется связь с будущим: в настоящем Юван и Микуль слушают сказки Галактиона у него в гостях, а в будущем, спустя двадцать лет, Микуль отправится на поиски сказочника, чтобы записать их на магнитофон.

Главный герой также обращается к воспоминаниям из своей жизни: 1) воспоминания об охоте; 2) воспоминания об олене Бежавшем Озером; 3) воспоминания о Марине. Данные эпизоды в повести отсутствуют. Первый эпизод начинает цепочку воспоминаний героя, однако они появляются не в пути, а в отправной точке. Демьян, перебирая добычу за первую половину зимы, вспоминает «какого зверя где и как взял» [Айпин, 2014, с. 14]. Главный герой как истинный охотник помнит точные места охоты, какое приспособление для ловли зверей и рыбы он использовал: «Первый песец попался в его капкан на Озере-в-Кедрах, в устье болотной речушки Кедровая Вода» [Айпин, 2014, с. 14]. Воспоминания об охоте Демьяна схожи с рассказами отца сыну об удачливой охоте деда в повести «В тени старого кедра». В хантыйской модели воспитания принято с помощью рассказов о предке учить ребенка традиционным занятиям.

Воспоминания об олене подчеркивают их важность в кочевой жизни хантов. Олени — это и пища, и одежда, и жилище, и средство передвижения [Кулемзин, 1992, с. 55–56]. Образ оленя часто встречается в сказках и мифах. Он олицетворяет силу, добро, плодородие, богатство. Для хантов олень — символ благополучия и жизненных сил [Александрова, 2007, с. 92]. Во время остановки для отдыха и кормления оленей главный герой вспоминает об одном из оленей, погибшем прежде времени. Демьян четко обозначает семейные связи оленей: Пеструха — мать Пирни и Бежавшего Озером. Подобное внимание к родственным связям животных наблюдается и в повестях для детей, где ребенок сопоставляет отношения внутри своей семьи с отношениями между животными. Такое детальное внимание к конкретным судьбам оленей, появившееся в романе, объясняется изменением финала. В повести главный герой прощает искателям убийство оленя, в романе же этого эпизода нет. Воспоминания о Бежавшем Озером подчеркивают ценность оленей. Хрупкий, слабый олененок выживает и становится сильным быком в стаде. Его смерть — это большая потеря, как и смерть Пеструхи от рук русских.

События в романе расположены не в хронологическом порядке. Как отмечает О. К. Лагунова [2007, с. 118], некоторые воспоминания встраиваются в другие, образуя «матрешку». Главный герой становится их «скрепой». Например, в воспоминания о Ефиме Седом включается воспоминание о трагической судьбе старика Петра. Их связывают родственные узы: Ефим является внуком Петра. Воспоминания о деде встроены с определенной целью: обозначить одну из причин душевной боли Ефима. Седой, будучи ребенком, становится свидетелем обвинения деда Петра в борьбе против нового режима. Таким образом, взрослые воспоминания Седого перетекают в детские, воспоминания о военных временах перетекают в воспоминания о репрессиях большевиков и возвращаются к послевоенному времени.

С. Н. Бройтман, исследуя развитие сюжета в эпоху синкретизма, выявил, что «кумулятивный сюжет строится на „нанизывании“», пространственном сближении-присоединении структурно самостоятельных единиц» [Бройтман, 2001, с. 60]. В романе Айпина архаическая кумулятивная схема становится способом связи эпизодов сюжетных линий в разветвлениях основной сюжетной линии. Эпизоды всегда объединяет либо тема, либо герой, либо место. Например, встреча со Спиридоном Казамкиным у магазина становится импульсом к воспоминаниям Демьяна об его отце, Федоре Казамкине, потерявшем ноги в военное время. Воспоминание о полученном увечье становится скрепой с воспоминаниями о Марине, которая рассказывала главному герою о встрече со стариком Федором. Эти воспоминания перетекают в будущее, где Микуль, сын Демьяна, читает книгу, в которой описан эпизод из жизни старика во время войны, уже упомянутый ранее: «Тут про человека нашей Реки написано, — сказал Микуль Волнистая Голова. — Про Федора-старика из рода Казамкиных» [Айпин, 2014, с. 314].

«Нанизывание» эпизодов сюжетных линий скрепляется «точками перехода» к воспоминаниям. Такими стыками/переходами могут быть: 1) предметы; 2) географические места; 3) следы; 4) животные; 5) человек, его внешность. Перебирая пушнину, Демьян вспоминает об охоте на этих зверей: «И невольно, перебирая пушнину, он вспоминал, какого зверя где и как взял» [Айпин, 2014, с. 11]. Размышляя о семье своих оленей, Пеструхи и Пирни, главный герой вспоминает о Бежавшем Озером: «А брат твой, Бежавший Озером, погиб. Прежде времени погиб... Теперь надолго замолчал Демьян. Видно, размышлял о судьбе Бежавшего Озером» [Айпин, 2014, с. 75]. Нередко можно наблюдать, как Демьян разговаривает с оленями, успокаивает их, рассказывает о предстоящих событиях. Например, главный герой, рассказывая важенке Пирни о том, что необходимо будет везти тяжелую нарту с мукой для хлеба, вспоминает о мифе, где «Верховный бог ханты для людей хлеб делал» [Айпин, 2014, с. 82].

Демьян как опытный охотник по любому следу мог определить, что происходило на этом месте. Во время остановки главный герой заметил следы полозьев на дороге, по ним он определил, какие олени были в упряжке, когда человек выехал в дорогу. Дорога находилась рядом с домом Седого, поэтому Демьян понял, что это были следы его нарты. Они ставятся толчком к воспоминаниям о судьбе его родственника: «Теперь ехал он и, размышляя о житье-бытье Седого, который приходится ему близким родственником, братом по Медвежьему сиру, почувствовал тепло его дома, будто побывал там и хозяйка напоила крепким горячим чаем» [Айпин, 2014, с. 50].

Приток главной Реки становится импульсом для первого воспоминания Демьяна о знакомстве с Мариной, которую он вез по этой реке в Нижний поселок в дни послевоенного лета. Подобный тип любовных взаимоотношений — мужчина-хант и русская девушка — мы наблюдаем в повести Айпина «В ожидании первого снега». Отношения Демьяна и Марины являются примером сближения «своих» и «чужих». Главный герой вспоминает, как Марина спрашивала о местах, где они проплывали, о праздниках и обычаях хантов («Пляска Медведя»).

В текстах Айпина отсутствуют подробные описания портрета героев, однако прозаик акцентирует внимание на определенных деталях внешности, которые важны для дви-

жения сюжета. Во время встречи с Матреной, женой Коски Малого, Демьян замечает изменения в ее лице. Герой сравнивает Матрену в прошлом и настоящем. Сейчас он ощущает от ее лица тепло, он видит блеск в ее глазах. Однако остались на ее лице следы горя, случившегося в прошлом: «Неподвижными остались только веснушки на морщинистом лбу. Эти морщины прорезали ее лоб более десяти лет назад» [Айпин, 2014, с. 95]. Данные следы становятся стимулом к воспоминаниям о смерти дочери Матрены.

Появление в романе фольклорного дискурса способствует расширению его хронотопа. Роман предваряет легенда о Вверх Ушедшем Человеке, которая отсутствует в повести. Ее ввод масштабирует пространственные границы: появляется мифологическое пространство, существующее в сакральном времени. Описывая мифическую эпоху, Е. М. Мелетинский маркирует начальное сакральное время как особое, не имеющее внутренней протяженности, выходящее за пределы временного потока. Исследователь отмечает, что первобытные люди воссоздавали события мифической эпохи благодаря обрядам и ритуалам. В силу синкретизма мифологического мышления обращение к мифическому прошлому поддерживало порядок в реальном времени [Мелетинский, 2000, с. 169–170]. Главный герой романа обладает мифологическим мышлением, поэтому в его сознании между реальным и мифологическим пространствами нет четких границ, они сосуществуют и соприкасаются [Степанова, 2023, с. 108].

В финале романа Демьян перемещается в Верхний мир, став Звездой Утренней Зари [Степанова, 2023, с. 119]. В повести переход между реальным и мифологическим пространством отсутствует, что связано с отличающимся финалом. В ней начальник искателей просит прощение за убийство оленихи, и главный герой прощает русских: «Прости нас, отец. Если можешь ... Понимаешь, людей у нас не хватает во как — до зарезу... Вот и берем иной раз всяких ... вроде тех Аполлонов да Семенов. Ты на нас зла не держи ...» [Айпин, 1982, с. 339–340]. В романе отсутствует эпизод встречи с начальником буровиков, в финале надежда на сближение «своих» и «чужих» рушится.

Пространство в романе расширяется также за счет упоминания определенных географических мест, которые проезжает Демьян. В повести обозначены Малый яр и Родниковое озеро, в романе на пути главного героя появляются новые места: Царская дорога вдоль Матери-Реки, правый приток главной Реки, река Древесная, Бор Выше реки, Малый пев, Большой Пев, Домашний бор Седого, уголья людей Лосинога рода, Малое Болото людей Лосинога рода [См. Айпин, 2014]. Географические положения встречаются и в воспоминаниях Демьяна о своем прошлом и о прошлом людей его рода: Озеро-в-Кедрах, речка Кедровая Вода, Главная река, Малая Прорубная река, река Древесная, Протока Болотной Стороны, устье Ягурьяха, Нижний поселок, Верхний поселок, Сургут, Три Реки, поселок Нефтереченск на Большом Яру. Вертикальное пространство увеличивает масштаб за счет более частых упоминаний Нижнего мира (в повести — один раз, в романе — девять). Это связано с упоминанием главным героем предков, ушедших в иное пространство бытия, и фольклора, описывающего строение Вселенной (мифы-песни на Медвежьем празднике).

Заключение

«Ханты, или Звезда Утренней Зари» — особый опыт конструирования романной формы хантыйским писателем. Историческая поэтика фиксирует разнофазовое развитие мировой литературы [См. Бройтман, 2001]. Хантыйская литература как часть литературы народов России находится в промежутке между синкретической и традиционалистской фазами развития словесного творчества. Эта специфика развития данной литературы накладывается на механизмы жанрообразования в прозе Е. Д. Айпина.

Трансформация повести в роман происходит благодаря разветвлению пространства основной сюжетной линии, использованию кумулятивного принципа построения частей сюжета для соединения разных временных событий, расширению временного пласта и появлению мифологического пространства, которое дает возможность герою перемещаться не только в горизонтальной, но и в вертикальной плоскости.

Пространство в романе, по сравнению с повестью, становится циклическим. В финале жизнь главного героя не заканчивается, он перемещается из Среднего мира в Верхний, где он начинает новый цикл своей жизни в другой форме. Данный циклически-временной механизм и отсутствие дискретности свойственны для мифологии и, соответственно, мифологическому сознанию [См. Лотман, 1992]. Время в романе не течет линейно, как в повести, настоящее перетекает в прошлое или будущее и обратно, оно соединяет в себе свойства реального и сакрального, мифологического, времен; в центре бесконечное время мифа, где события происходят одновременно в пространстве-времени, которое становится доступным главному герою благодаря воспоминаниям о предках.

Таким образом, исследование трансформации повести в роман позволяет проследить механизмы жанровой динамики прозы Е. Д. Айпина второй половины 1980-х гг. на разных уровнях поэтики, выявить особенности художественного мышления на данном этапе развития хантыйской литературы.

Список источников

- Айпин Е. Д. 1980. Звезда утренней зари: Повесть // Урал. № 3. С. 37–54.
- Айпин Е. Д. 1982. Звезда утренней зари: Повесть // Близок Крайний Север. М.: Современник. С. 300–340.
- Айпин Е. Д. 2014. Собрание сочинений: в 4 т. Том 2. Ханты, или Звезда Утренней Зари. СПб.: Амфора. 383 с.
- Александрова Е. А. 2007. Семантика образов животных в фольклоре и литературе народов Севера // Литература народов Севера. СПб.: Шатон. Вып. 3. С. 92–98.
- Бахтин М. М. 2000. Эпос и роман. СПб.: Азбука. 302 с.
- Бройтман С. Н. 2001. Историческая поэтика: учебное пособие. М.: Российский государственный гуманитарный университет. 320 с.
- Винокурова В. В., Сем Ю. А. и др. (сост.). 1991. Сказки народов Севера. Ленинград: Просвещение. 336 с.

- Дедков И. А. 1987. Публицистика // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия. С. 313.
- Кожин В. В. 1963. Происхождение романа: теоретически-исторический очерк. М.: Сов. писатель. 439 с.
- Комаров С. А., Лагунова О. К. 2023. Проза Е. Айпина: особенности самоописания, жанровый ракурс, художественная целостность произведения // Проза Еремея Айпина: этнофилологический ракурс и историческая поэтика / С. А. Комаров и др., отв. ред. д-р филол. наук С. А. Комаров. М.: Наука. С. 173–251.
- Косинцева Е. В. 2009. Роман Е. Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» (к вопросу об идейно-художественном своеобразии) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. № 4. С. 35–39.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. 1992. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука. 110 с.
- Лагунова О. К. 2007. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень: Издательство Тюменского университета. 260 с.
- Лейдерман Н. А. 2010. Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург: УрГПУ. 904 с.
- Лотман Ю. М. 1992. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра. С. 224–242.
- Мелетинский Е. М. 2000. Поэтика мифа. М.: Восточная литература; РАН. 407 с.
- Миляхова Л. П. 2008. Генезис, образный строй и контекст романа Е. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 63-1. С. 202–206.
- Силантьев И. В. 2006. Газета и роман: риторика дискурса, смещений. М.: Яз. славян. культуры. 222 с.
- Соболевская О. В. 2001. Публицистика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак. С. 837–838.
- Степанова Ю. Н. 2023. Динамика прозы Е. Д. Айпина 1980-х — начала 1990-х годов от повестей к роману: мотив движения // Культура и текст. № 4 (55). С. 106–123.
- Хазанкович Ю. Г. 2009. Мифопоэтика романа Еремея Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» // Вестн. Том. гос. ун-та. № 321. С. 32–35.
- Чистов К. В. 1987. Устный народный рассказ // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия. С. 459.
- Чучелина Т. С. 1995. Сказки Югры. М.: Наш современник. 72 с.

References

- Aypin, E. D. (1980). The Star of the Morning Dawn: A Story. *Ural*, (3), 37–54. [In Russian]
- Aypin, E. D. (1982). The Star of the Morning Dawn: A Story. In *The Far North Is Close* (pp. 300–340). *Sovremennik*. [In Russian]
- Aypin, E. D. (2014). *Collected works: in 4 vols. Vol. 2. Khanty, or the Star of the Morning Dawn*. Amfora. [In Russian]
- Aleksandrova, E. A. (2007). Semantics of animal images in folklore and literature of the peoples of the North. *Literature of the Peoples of the North*, (3), 92–98. Shaton. [In Russian]

- Bakhtin, M. M. (2000). *Epos and Novel*. Azbuka. [In Russian]
- Broytman, S. N. (2001). *A Textbook in Historical Poetics*. Russian State University for the Humanities. [In Russian]
- Vinokurova V. V., & Sem, Yu. A. (Eds.). (1991). *Skazki narodov Severa* [The Northern Peoples' Tales]. Prosveshchenie. [In Russian]
- Dedkov, I. A. (1987). Journalism. In V. M. Kozhevnikov, & P. A. Nikolaeva (Eds.), *Literary Encyclopedic Dictionary* (p. 313). Sovetskaya entsiklopediya. [In Russian]
- Kozhinov, V. V. (1963). *The Origin of the Novel: A Theoretical and Historical Essay*. Sovetskiy pisatel. [In Russian]
- Komarov, S. A., & Lagunova, O. K. (2023). E. Aypin's prose: features of self-description, genre perspective, artistic integrity of the work. In S. A. Komarov (Ed.), *The Prose of Yeremey Aypin: An Ethnophilological Perspective and Historical Poetics* (pp. 173–251). Nauka. [In Russian]
- Kosintseva, E. V. (2009). E. D. Aypin's novel *Khanty, or the Star of the Morning Dawn* (on the question of ideological and artistic originality). *Humanitarian Vector. Series: Pedagogy, Psychology*, (4), 35–39. [In Russian]
- Kulemzin, V. M. (1992). *Meet Khanty*. Nauka. [In Russian]
- Lagunova, O. K. (2007). *The Phenomenon of Creativity of Russian-speaking Nenets and Khanty Writers of the Last Third of the Twentieth Century* (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi). Izdatel'stvo Tyumenskogo universiteta. [In Russian]
- Leyderman, N. L. (2010). *Genre Theory: Research and Analysis*. UrGPU. [In Russian]
- Lotman, Yu. M. (1992). The origin of the plot in typological coverage. In Yu. M. Lotman, *Selected Articles in 3 vols. Vol. 1: Articles on Semiotics and Typology of Culture* (pp. 224–242). Aleksandra. [In Russian]
- Meletinskiy, E. M. (2000). *The Poetics of Myth*. Vostochnaya literature; RAN. [In Russian]
- Milyakhova, L. P. (2008). Genesis, figurative structure and context of E. Aypin's novel *Khanty, or the Star of the Morning Dawn*. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, (6-1), 202–206. [In Russian]
- Silant'ev, I. V. (2006). *The Newspaper and the Novel: Rhetoric of Discourse Mixtures*. Yaziki slavyansloy kul'tury. [In Russian]
- Sobolevskaya, O. V. (2001). Journalism. In A. N. Nikolyukina (Ed.), *Literary Encyclopedia Terms and Concepts* (pp. 837–838). Intelvak. [In Russian]
- Stepanova Yu. N. (2023). The dynamics of E. D. Aypin's prose of the 1980s — early 1990s from novellas to novels: the motive of movement. *Culture and Text*, (4), 106–123. [In Russian]
- Khazankovich, Yu. G. (2009). Mythopoetics of Yeremey Aypin's novel *Khanty, or the Star of the Morning Dawn*. *Tomsk State University Journal*, (321), 32–35. [In Russian]
- Chistov, K. V. (1987). Oral folk story. In V. M. Kozhevnikov, & P. A. Nikolaeva (Eds.), *Literary Encyclopedic Dictionary* (p. 459). Sovetskaya entsiklopediya. [In Russian]
- Chuchelina, T. S. (1995). *Tales of Ugra*. Nash sovremennik. [In Russian]

Информация об авторах

Юлия Николаевна Степанова, аспирант, кафедра языкознания и литературоведения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

yuliya-stepanova-979@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5431-0342>

Сергей Анатольевич Комаров, доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

vitmark14@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4506-4027>

Information about the authors

Yulia N. Stepanova, Postgraduate Student, Department of Linguistics and Literary Studies, University of Tyumen, Tyumen, Russia

yuliya-stepanova-979@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5431-0342>

Sergei A. Komarov, Dr. Sci. (Philol.), Professor, University of Tyumen, Tyumen, Russia

vitmark14@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4506-4027>

Петроградская городская дума на пороге Гражданской войны в конце октября — начале ноября 1917 г.: практики восприятия и легитимации насилия

Михаил Александрович Кондратьев✉

Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия
Контакт для переписки: mkondratyev@eu.spb.ru✉

Аннотация. Статья посвящена исследованию через призму петроградского самоуправления эскалации гражданского конфликта и постепенного его перерастания в гражданскую войну. Из всего многообразия работ, в которых рассматриваются Октябрьское восстание и первые недели строительства советской власти, одним из наименее изученных остается институт местного самоуправления, а также его влияние на трансформацию политической культуры революции. Однако осенью 1917 г. местные самоуправления были выразителями интересов горожан, важными ресурсными центрами для политических акторов и институциями, претендующими на политическую субъектность. Центральным источником для исследования стали стенограммы заседаний Петроградской городской думы в дни Октябрьского восстания большевиков. Петроградское самоуправление сделало первую попытку определить роль и функции Думы 24 октября, но на многочисленных заседаниях, вплоть до начала ноября, гласные не могли определить место Городской думы в стремительно меняющейся политической обстановке. Также не было конвенционального взгляда на восстание большевиков, а, следовательно, и представлений о законной власти и легитимности насилия. В ходе дискуссий выявилось разделение на несколько условных лагерей, выходящих за рамки типичных бинарных оппозиций кадетов, части эсеров и меньшевиков, с одной стороны, и радикальных социалистов — с другой. Случаи политического и случайного насилия на улицах Петрограда и Москвы воспринимались большинством гласных как акты, требующие морального осуждения, но в условиях революционного кризиса власти их восприятие быстро рутинизировалось. Общим стало осуждение чрезмерного проявления насилия. Ряд гласных, в независимости от партийной принадлежности, с 25 октября

начали интерпретировать происходящие события как гражданскую войну, что подталкивало их к выбору одной из противоборствующих сторон. Однако только 28 октября Дума выпустила воззвание с указанием на братоубийственную войну, напрямую обвинив большевиков в ее развязывании.

Ключевые слова: революция 1917 г., Гражданская война, Октябрьское восстание, Петроград, городское самоуправление, Петроградская городская дума, легитимация насилия

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культуры конфликта в России и эскалация гражданской войны».

Цитирование: Кондратьев М. А. 2024. Петроградская городская дума на пороге Гражданской войны в конце октября — начале ноября 1917 г.: практики восприятия и легитимации насилия // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 100–119. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-100-119>

Поступила 17.06.2024; одобрена 16.11.2024; принята 02.12.2024

Petrograd City Duma on the threshold of the Civil War in late October–early November 1917: perception and legitimization of violence

Mikhail A. Kondratyev

European University, St. Petersburg, Russia
Corresponding author: mkondratyev@eu.spb.ru

Abstract. Through the prism of Petrograd self-government, this article studies the escalation of the civil conflict and its gradual development into a civil war. In many studies on the October Uprising and the first weeks the upcoming Soviet power, little attention is paid to local self-government's influence on the transformation of the revolutionary political culture. Meanwhile, local governments became representatives of the citizens' interests, important resource centers for political actors, and institutions claiming political subjectivity. The central source for the study is the transcripts of the Petrograd City Duma meetings during the October Bolshevik Uprising. The Petrograd self-government made their first attempt to determine the Duma role and functions on October 24, but at numerous meetings, up to the early

November, the speakers could not determine the place of the City Duma in a rapidly changing political situation. There was also no conventional view of the Bolshevik uprising, and, consequently, no idea of the legitimate authority and legitimacy of violence. During the discussions, the division into several conditional camps was revealed, going beyond the typical binary oppositions of the Cadets, part of the Socialist Revolutionaries and Mensheviks on the one hand, and radical Socialists on the other. Cases of political and accidental violence on the streets of Petrograd and Moscow were perceived by most of the speakers as acts requiring moral condemnation, but in the conditions of the revolutionary crisis of power, their perception quickly became routine. Condemnation of excessive violence has become common. A number of speakers, regardless of party affiliation, began to interpret the events as a civil war on October 25, which pushed them to choose one of the opposing sides. However, it was only on October 28 that the Duma issued a proclamation pointing to the fratricidal war, directly accusing the Bolsheviks of unleashing it.

Acknowledgements: The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 20-18-00369 "Processes of Legitimization of Violence: Conflict Cultures in Russia and Civil War Escalation".

Keywords: Russian 1917 revolution, Civil War, October uprising, Petrograd, local self-government, Petrograd City Duma, legitimization of violence

Citation: Kondratyev, M. A. (2024). Petrograd City Duma on the threshold of the Civil war in late October–early November 1917: perception and legitimization of violence. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(4), 100–119. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-100-119>

Received Jun. 17, 2024; Reviewed Nov. 16, 2024; Accepted Dec. 2, 2024

Введение

24 октября 1917 г. в 8 часов вечера в столице Российской Республики началось чрезвычайное заседание Петроградской городской думы, открывшееся эмоциональной речью ее председателя меньшевика-интернационалиста А. А. Исаева.

«Надвигаются, может быть, грозные события <...> Уже в третий раз предстоит нам высказываться по поводу тех событий, которые разыгрываются в столице революционной страны. В первый раз это было во время событий с 3–5 июля, когда мы еще не были освещены тем всеобщим избирательным правом, которое нам было даровано. Во второй раз нам пришлось выступить 28 авг[уста], и ныне в третий раз нам надлежит выступить, и сказать свое твердое и определенное слово <...> чтобы на улицах Петрограда не было той гражданской войны, которая могла бы погубить и родину и революцию»¹.

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ) Ф. 1471. Ед. хр. 2. Стенографические отчеты заседаний Петроградской городской думы созыва 20 августа от 24 октября–29 ноября 1917 г. Т. 1. Л. 1.

Обращение к образам надвигающейся гражданской войны было не ново для Петрограда, его самоуправления и горожан. На протяжении всего 1917 г. разные политические силы регулярно апеллировали к страху перед приближающейся братоубийственной войной, используя его для конструирования своей идентичности, создания образа врага и мобилизации столичного общества. В моменты эскалации гражданского конфликта, Февральской революции, Апрельского и Июльского кризисов и Корниловского выступления, гражданская война переставала быть только страшным образом, а воспринималась некоторыми современниками как уже происходящее событие, заставлявшее разных акторов выбирать одну из противоборствующих сторон [Колоницкий и др., 2022, с. 334–360].

В последние десятилетия проблемы индивидуального и коллективного насилия в революционный период всё чаще привлекают внимание историков. Изучение легитимации насилия и практик его применения становится центральным местом исследовательских оптик для изучения трансформации политической культуры революции, перехода от революции к гражданской войне и эскалации гражданского конфликта [Буддаков, 2010; Бруиш, Катцер, 2014, с. 143–201; Engelstein, 2018; Тепляков, 2023]. Такой подход позволяет иначе взглянуть на историю эпохи войн и революций в России. Так, часть исследователей полагает, что на протяжении всего 1917 г. общество и различные политические акторы, переживая целый ряд конфликтов, сопровождавшихся вспышками спонтанного или организованного насилия, искали в них признаки начавшейся гражданской войны. Если Апрельский и Июльский кризисы большинством современников воспринимались как предвестники братоубийственной войны, то с постепенной поляризацией и радикализацией общества, Корниловщиной и Октябрьским восстанием большевиков для разных политических акторов гражданская война становилась всё более реальной или уже начавшейся (подробнее см. [Колоницкий, Годунов, 2021, с. 78–87; Годунов, 2022, с. 37–59; Тарасов, 2022, с. 81–97]).

Однако зачастую из поля зрения исследователей ускользают местные самоуправления, которые были не просто выразителями и защитниками интересов горожан, важными ресурсными центрами для различных политических сил, но и институциями во время революционного кризиса власти, претендующими на политическую субъектность и играющими заметную роль в трансформации политической культуры революции.

Поэтому цель этой статьи — исследовать восприятие и легитимацию насилия как маркера начавшейся гражданской войны на локальном уровне через призму петроградского самоуправления в октябре — ноябре 1917 г.

Другими словами, автором ищутся ответы на следующие вопросы:

- 1) как муниципальные деятели Петрограда воспринимали политическое насилие, осуществляемое различными акторами во время Октябрьского восстания большевиков и в первые недели новой власти;
- 2) как петроградское самоуправление, избранное демократическим путем на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, реагировало на проявления насилия в столице;
- 3) была ли Городская дума одной из противоборствующих сторон, имеющих легитимное право на осуществление насилия; воспринималось ли насилие на столичных улицах как начало гражданской войны.

Результаты и обсуждение

Легитимность власти Петроградской городской думы в конце августа — октябре 1917 г. строилась на избранности действующего состава гласных на всеобщих демократических городских выборах всеми слоями городского населения, успешности городской политики в преодолении хозяйственного кризиса и способности самоуправления обеспечить личную безопасность горожан и неприкосновенность их движимого и недвижимого имущества.

Однако к октябрю как в Петрограде, так и в других крупных городах европейской части России, общественные настроения стали меняться. Последние предоктябрьские большие городские выборы, прошедшие в Москве 24 сентября и воспринимавшиеся как очередная «последняя» репетиция перед выборами в Учредительное собрание, показали нарастающий абсентеизм городских обывателей, способность большевиков мобилизовать свой электорат и в целом трансформацию общественного настроения. Впервые в 1917 г. на выборах в больших городах умеренные социалисты проиграли, набрав всего 14% голосов, в то время как большевики одержали убедительную победу, получив почти 52% голосов избирателей [Грунт, 1976, с. 232, 234]. На выборах же в Самарскую городскую думу 1 октября эсеры и большевики набрали равное количество голосов [Кабытова, 2012, с. 79]. Как справедливо подметил В. И. Ленин вслед за В. Володарским, удачные для большевиков результаты выборов стали «одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общественном настроении» [Ленин, 1969, с. 278]. На страницах большевистского «Рабочего пути» всё чаще стали появляться ироничные статьи о плохой работе умеренных социалистов и кадетов в муниципальном самоуправлении¹. В главном же печатном органе ЦК партии эсеров высказывались опасения, что конструируемый радикальными социалистами через критику оппонентов образ людей дела возьмет верх «и демагогические навыки [большевиков] окажутся сильнее практических доводов» [Зак, 1917]. Подобная постепенная радикализация политических настроений мобилизованной части общества не могла не беспокоить избранных гласных Думы.

Одновременно с изменением политических настроений населения, в столице продолжал нарастать хозяйственный кризис. В начале октября в Петроград доставили всего 30 вагонов с мукой из необходимых по норме 500, не хватало мяса, рыбы, молока, тканей, обуви, мыла, топлива и других товаров первой необходимости. В эти же дни началась забастовка городских фармацевтов и аптекарей, что оставило значительную часть населения без лекарств [Дубенцов, Нардова, 2005, с. 329–334].

Не лучше дело обстояло и с общественной безопасностью. Уровень уличной преступности в октябре стал самым высоким за весь 1917 г.: в сентябре было зарегистрировано 30 грабежей против 43 в октябре [Hasegawa, 2017, с. 51]. Резко возросло количество убийств. Если в августе в городских комиссариатах милиции было зарегистрировано 19 убийств, в сентябре — 34, то в октябре — 53 убийства [Hasegawa, 2017, с. 52]. Петроградская пресса постоянно писала о кражах, грабежах, убийствах, в целом отмечая

¹ Муниципальный отдел // Рабочий путь. 1917. 10 октября; В Городской думе // Рабочий путь. 1917. 13 октября.

рост уличной преступности, неспособность милиционеров справиться со своими обязанностями, часто снабжая статьи выразительными карикатурами и ироничными замечаниями¹.

К октябрю 1917 г. ни у одной из партий, избранных в состав Городской думы, не было большинства. По результатам выборов, состоявшихся 20 августа, большинство в Городской думе получила партия социалистов-революционеров, набрав 37,5% голосов избирателей, давших 75 мандатов гласных. Большевики получили 67 мест в Городской думе, набрав 33,5% голосов избирателей. За Партию народной свободы проголосовал 21% избирателей, что позволило кадетам получить 42 мандата. Меньшевики-интернационалисты получили 4% голосов, обеспечив себя 8 мандатами. Группа «Единство» набрала около 1% голосов, обеспечив себе 2 места. Остальные партии и группы набрали около 3% голосов избирателей, получив 6 мандатов. Всего на выборах проголосовало 549378 избирателей, что составило около 40% от всех жителей города, имевших избирательное право [Дубенцов, Нардова, 2005, с. 524–525]. Председателем Городской думы был избран меньшевик-интернационалист А. А. Исаев, а товарищами председателя — кадет Л. А. Базунов, эсер Е. А. Трупп и большевик В. П. Милютин. Новым Городским головой стал член партии социалистов-революционеров Г. И. Шрейдер².

Уже к середине октября по городу начали распространяться слухи о готовящемся выступлении большевиков [Буддаков, 2010, с. 357–359; Аксенов, 2020, с. 915–916]. Дискуссии о приемлемости и необходимости восстания внутри самой партии, начавшиеся еще в конце сентября и достигшие апогея на заседаниях ЦК партии 10 и 16 октября³, открыто обсуждались в столичной прессе, в том числе и самими большевиками [Каменев, 1917]. Впервые по-настоящему в петроградском самоуправлении об очередной эскалации гражданского конфликта был поднят вопрос только 24 октября, когда противостояние между Военно-революционным комитетом и Временным правительством приняло уже форму силового противоборства.

На утреннем заседании общего присутствия Городской управы Городской голова Шрейдер предупредил о возможном выступлении большевиков, назначенном на 25 октября, что тут же вызвало острую дискуссию о роли городского самоуправления в назревающем кризисе. В начавшихся прениях представитель партии кадетов П. Н. Ге призывал к защите «существующего порядка», настаивая, что Городская дума должна занять ясную политическую позицию. Ге поддержал эсер И. И. Мильчик, заявив, что в случае выступления большевиков Дума «должна сразу встать во враждебное

¹ Новый. Борьба с преступностью // Новая петроградская газета. 1917. 14 октября; Китайцы убийцы // Новая петроградская газета. 1917. 17 октября; Охрана города // Вестник городского самоуправления. 1917. 17 октября; Разбойный Петроград // Новое время. 1917. 18 октября; При 400 разгромах за ночь, как должны стать граждане Петрограда // Огонек. 1917. № 41.

² Список гласных и подготовительных и исполнительных органов центральной и районных дум. 1917. Пг.: Гор. самоуправление, 63 с.

³ Протоколы Центрального комитета РСДРП. Август 1917–февраль 1918. 1929. М.; Л.: Государственное изд-во, 309 с. С. 99–108, 110–112, 115–125.

к Совету отношение». Представитель левых эсеров М. П. Капица утверждал, что раз «Вр[еменное] правительство своей слабостью довело страну до анархии» и нет оснований защищать «именно А. Ф. Керенского», то «Дума, оставаясь нейтральной, должна помочь созданию новой власти».

Позиция большевиков, сформулированная товарищем Городского головы А. В. Луначарским, сводилась к тому, что городскому самоуправлению необходимо оставаться нейтральным и предотвращать «анархические действия» и «тяжелые последствия выступления» с помощью «полномочных людей», направленных обеими сторонами в Думу¹. Члены общего присутствия Управы представляли роль Думы в случае выступления большевиков в соответствии с программами и взглядами партий, к которым принадлежали.

Попытки гласных прийти к компромиссу, определить роль и функции Думы продолжились в этот же день на чрезвычайном заседании Думы. Один из лидеров думской фракции эсеров Шрейдер призывал «создать ту третью силу, которая могла бы примирить эти враждующие стороны, которая могла бы создать возможность спокойного мирного разрешения конфликта, что одно и единственно только и является в интересах населения Петрограда, которое мы [общественное самоуправление] обязаны представлять»². Большевик А. В. Луначарский предлагал Думе «помочь до тех пор, пока на месте не окажется такая власть, которая твердой рукой остановит всякие беспорядки в городе»³. Дума, по мнению большевиков, должна была стать своеобразным «красным крестом» и лишь стараться минимизировать последствия проявления насилия противоборствующими сторонами, в равной степени являясь помощницей борющихся сторон⁴. Кадеты же выступали против нейтралитета местного самоуправления. Вслед за П. Н. Милюковым, В. Д. Набоков призывал выбрать гласных Думы «на стороне ли того правительства <...> [которое] имеет совершенно определенную задачу — установить порядок и подавить этот мятеж или [встать] на сторону этого мятежа»⁵.

Впрочем, определить роль столичного самоуправления в стремительно изменяющемся политическом пространстве, для гласных было невозможно без интерпретации выступления большевиков. Можно выделить две основные точки зрения, которые красной нитью прослеживаются в выступлениях всех ораторов. Для части думцев, как эсеров, кадетов, так и меньшевиков, выступление большевиков представлялось погромным движением. Для других же, в том числе и самих большевиков, грядущее выступление представлялось как борьба за власть Петроградского совета и Временного правительства. Но в общем, для всех гласных, вне зависимости от восприятия происходящих событий и партийной принадлежности, стал страх перед уличным насилием, как поли-

¹ В Городской думе // Дело народа. 1917. 25 октября.

² ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 33.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 20–21.

⁵ Там же. Л. 56–57

тическим, так и анархическим, которое может перерасти в «гражданскую войну того ужасающего, отвратительного типа, при котором люди друг друга совершенно не щадят, при котором нет никаких законов военного времени, никаких рамок первоначальной человеческой гуманности и политического смысла»¹. Таким образом, предотвращение насилия для петроградского самоуправления стало способом «предупредить гражданскую войну»².

Для этой цели на заседании 24 октября Петроградская городская дума создала Комитет общественной безопасности для «охраны безопасности граждан, а также охрану прав гражданина и человека»³. В состав комитета вошли представители городской и районных дум, Штаба Петроградского военного округа, петроградского градоначальника, Исполнительного комитета Всероссийского союза железнодорожников, Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского центрального исполнительного комитета, Всероссийского комитета крестьянских депутатов и других «революционных демократических организаций». Председательствовал в комитете петроградский городской голова Шрейдер.

Для предотвращения эскалации насилия и его перерастания в гражданскую войну Комитет получил право отправлять эмиссаров из числа гласных Городской думы⁴. Подобная практика позволяла самоуправлению и другим заинтересованным лицам быстрее реагировать на стремительно изменяющуюся политическую ситуацию. С одной стороны, для назначения и отправки эмиссаров не требовалось общее голосование гласных в заседании Думы; с другой же — представители противоборствующих сторон могли помочь эмиссарам с получением пропусков и других необходимых средств для осуществления их деятельности. Горожан же Дума призывала сохранять спокойствие и «объединиться вокруг Думы, как полномочного представительного органа», подчеркивая, что самоуправление «против всяких насильственных и вооруженных выступлений»⁵. Текст воззвания был принят 53 голосами «за» кадетов и эсеров, против 16 при 4 воздержавшихся⁶.

На многочисленных утренних и дневных заседаниях Комитета общественной безопасности и Общего присутствия Городской управы под председательством городского головы 25 октября для предотвращения эскалации конфликтов Управа, в состав которой входили и члены Комитета, постановила «снабжать продовольствием обе борющиеся

¹ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 19-20

² Там же. Л. 73.

³ От Петроградского Центрального Комитета Общественной Безопасности // Вестник Городского самоуправления. 1917. 29 октября.

⁴ Журнал Петроградской Городской Думы № 92. Заседание 24 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг].: городская типография, 1917. 6 с. С. 3–4, 6.

⁵ Там же. С. 3

⁶ Установить, кто голосовал против резолюции, не представляется возможным; ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 86

стороны» и принимать помощь в наведении порядка от обеих сторон¹. Одновременно с постановлением Управы Военно-революционный комитет, обеспокоенный возможным погромным движением и анархией на городских улицах, выпустил резолюцию, в которой брал на себя обеспечение общественного порядка, подчеркивая, что «преступники будут стерты с лица земли»², тем самым заняв более жесткую позицию как по отношению к преступникам, так и по отношению к допустимости внесудебного насилия.

В открывшемся в восемь часов вечера чрезвычайном заседании Думы центральной темой обсуждений стали слухи об ультиматуме большевиков Временному правительству и готовящемся войсками ВРК штурме Зимнего дворца. Слухи с новой силой подтолкнули думцев к эмоциональной дискуссии о допустимости силового свержения власти и легитимности насилия накануне Учредительного собрания, ответственности большевиков за происходящие события и как эти события интерпретировать. Если большинство ораторов выступало против восстания, говоря о неприемлемости насилия, то М. И. Калинин, возражая оппонентам из числа кадетов, эсеров и меньшевиков, утверждал, что большевики только защищаются от Временного правительства:

«Как вы разделяете вооруженное восстание в смысле нападения от защиты, от самозащиты от этого правительства. Если бы мы для того чтобы напасть на правительство, ждали бы того момента, когда оно само на нас нападет, то это значило бы, что мы были бы как быки, которые ждут, когда их убьют <...> Целый ряд правительственных актов последнего времени ясно показал, что правительство систематически на нас нападало»³.

В то же время большевик Д. З. Мануильский первым из гласных Думы назвал происходящее на улицах гражданской войны: «Происходит Гражданская война. Я с ужасом думаю так же, как вы, об этой Гражданской войне. Я хотел бы предотвратить ее, поверьте мне, я клянусь всей честью»⁴. Он призвал остальных гласных всеми силами способствовать мирному разрешению конфликта. Для этой цели гласные из своей среды избрали делегацию под предводительством Шрейдера и с участием большевиков, чтобы пройти в Зимний дворец, провести переговоры с противоборствующими сторонами и выяснить настоящее положение дел. Также было составлено воззвание, подчеркивающее, «что применение грубой физической силы при таких обстоятельствах совершенно недопустимо, Петроградская городская дума <...> выражает свой решительный протест против акта насилия и выражает Временному правительству <...> свою моральную поддержку»⁵.

¹ От Петроградской городской управы. 1917 // Вестник городского самоуправления. 27 октября.

² К населению Петрограда // Рабочий путь. 1917. 25 октября.

³ ОР РНБ Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 108–109

⁴ Там же. Л. 116.

⁵ Там же. Л. 116–117; Журнал Петроградской Городской Думы № 93*. Заседание 25 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг].: городская типография, 1917. 9 с. С. 5

Кульминацией заседания стало предложение гласного эсера Н. Я. Быховского, сделанное около половины одиннадцатого вечера, «Думе пойти к Зимнему дворцу» и защитить революционное правительство, даже ценой жизни, чтобы предотвратить попытку «безответственных людей» «бросить нашу страну, уже и так находящуюся в беде, совершенно на погибель»¹. Такая инициатива вызвала бурные аплодисменты и эмоциональный подъем как со стороны гласных, так и публики. Гласная графиня Панина, например, предложила, чтобы «делегация встала пред орудиями, которые стреляют в Зимний дворец — пусть они стреляют в нас»². Острая и эмоциональная реакция большинства думцев вызвана не только политическими убеждениями, но и искренним гуманистическим желанием предотвратить эскалацию гражданского конфликта и кровопролития даже ценой своей жизни.

Однако риторика жертвенности для 1917 г. была не нова. Во время каждого политического кризиса разные политические акторы обещали принести себя в жертву во имя революции и свободы [Мельгунов, 1984, с. 129]. За идею марша к Зимнему дворцу проголосовали 60 гласных, 13 большевиков и 1 меньшевик-интернационалист проголосовали против, 3 же гласных воздержались³. В начале второго часа ночи делегация из 300–400 человек вышла из здания Петроградской городской думы с мешками с продовольствием для членов Временного правительства, прошла один квартал по Невскому проспекту, была остановлена революционным патрулем напротив Казанского собора, после чего отправилась обратно в Думу [Дубенцов, Нардова, 2005, с. 340–341].

На следующий день после «демонстрации бессилия», ареста членов Временного правительства и перехода власти Советам в заседании Думы 26 октября снова обсуждался вопрос о легитимности насилия. В прениях А. И. Шингарев от имени Партии народной свободы заявил, что «фракция не в состоянии доверять моральному заявлению лиц, которым место в тюрьме и под судом, тем более что преступные элементы никому не подчиняются», поэтому кадеты проголосуют за разрешение использовать оружие для защиты жилищ и имущества. Эсеры поддержали кадетов. Фракция меньшевиков-интернационалистов также выступила за разрешение применять оружие, «так как всеобщее вооружение народа всегда входило в программу партии». Только большевики выступили против этой резолюции, отмечая, что использование гражданами оружия «не диктуется обстоятельствами»⁴.

Столичные гласные не могли разобраться в происходящих событиях и выработать общую тактику действий и роли самоуправления. Как вспоминал В. Д. Набоков, заседания были «сплошной истерикой» и «носили характер сплошного митинга» [Набоков, 1922,

¹ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 111–113

² Там же. Л. 122.

³ Журнал Петроградской Городской Думы № 93*. Заседание 25 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг].: городская типография, 1917. 9 с. С. 6

⁴ Журнал Петроградской Городской думы № 94. Заседание 26 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг].: городская типография, 1917. 9 с. С. 2.

с. 88]. У гласных сложились разные, не всегда связанные с партийной принадлежностью, представления о выступлении большевиков, целесообразности думских практик в предотвращении насилия и роли самой Думы.

Однако главным оставался вопрос о власти, который влиял на самоидентификацию гласных, репрезентацию перед горожанами Думы в целом и ее политики не только на городском, но и на национальном уровне. Показательным стало вечернее заседание 27 октября, на котором до думцев стали доходить первые обрывочные и неточные сведения о занятии Гатчины войсками Керенского-Краснова, встреченные бурными аплодисментами с правых скамей. Шрейдер сделал уже ставшее традиционным предложение выслать навстречу войскам эмиссаров, «которые взяли бы на себя посредничество между теми и другими»¹.

Но в этот раз подобная инициатива поставила перед думцами вопросы о том, как воспринимать власть Временного правительства (в лице А. Ф. Керенского) и какую власть, в зависимости от личных убеждений и партийной принадлежности, считать законной, а следовательно — у кого из властных акторов есть монополия на насилие и что является легитимным насилием. Эти вопросы незримо подталкивали гласных к выбору одной из противоборствующих сторон и к осмыслению кризиса как начавшейся гражданской войне. Удачнее всех затруднительное положение, в котором оказалась Дума, сформулировал гласный меньшевик М. Ф. Назарьев:

«что наши эмиссары будут делать? Или же они должны обратиться к тем войскам, которые идут сюда, убеждать их не проливать братской крови, следовательно наши эмиссары должны стать на сторону большевиков <...> Или же наоборот — они должны обратиться к тем войскам, которые стоят здесь, убеждать их здесь не проливать крови, но в том случае они этого не достигнут, они должны будут стать на противоположную сторону и наоборот, призывать те войска проливать братскую кровь»².

После коротких прений, закрытых председательствующим, Дума проголосовала за отправку эмиссаров. В этом качестве из числа гласных были избраны эсеры М. П. Капица, А. В. Нарьжный и меньшевик А. В. Чернев³. Однако надо обратить внимание на заявление, сделанное во время прений трудовиком Н. А. Галяшкиным:

«Раз те войска [Керенского-Краснова] идут сюда на помощь, то, конечно, странно посылать эмиссаров для того, чтобы остановить движение тех войск <...> Тогда бывшая власть и настоящая власть, и та и другая будут знать, что имеется реальная сила, и я думаю, что узурпаторская власть должна будет уступить»⁴.

Таким образом, в заседаниях Думы стали всё чаще звучать идеи активной поддержки одной из противоборствующих сторон и допустимости законного насилия теми, кого отдельные гласные, а впоследствии фракции и партии считали законной властью.

¹ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 155.

² Там же. Л. 156.

³ Там же. Л. 161.

⁴ Там же. Л. 158.

28 октября перед зданием Городской думы на углу Михайловской улицы и Невского проспекта произошла перестрелка, в которой была смертельно ранена женщина¹. Гласные, узнав о случившемся, в проходящем в эти же минуты заседании Городской думы с новой силой принялись обсуждать меры по предотвращению случайного насилия. Член фракции эсеров А. В. Нарыжный внес предложение о запрете митингов, скопления людей на столичных улицах для предотвращения кровопролития, что подтолкнуло к новой дискуссии о роли Думы в политической борьбе и способах предотвращения эскалации гражданского конфликта. Так, эсер К. Л. Луцкий указывал, что мобилизуется «громкая часть населения» против большевиков и постановление Думы, запрещающее митинги, только пойдет на пользу большевикам². В свою очередь меньшевик-интернационалист М. Ф. Назарьев призывал Думу не вставать на определенную позицию, отмечая, что гласные не «должны действовать только в одну сторону <...> не должны призывать одних, не призывая других»³. Высказывались даже предложения, вероятно из-за памяти о неудавшемся шествии к Зимнему дворцу, об отказе Думы от практики принятия и публикации обязательных постановлений, поскольку у самоуправления нет реальной силы обеспечивать их исполнение, и единственное, что остается самоуправлению — моральный авторитет, который страдает от невозможности Думы обеспечить исполнение своих же обязательных постановлений⁴.

Однако такая точка зрения не сыскала поддержки большинства, и редакционная комиссия Петроградской городской думы, по поручению гласных, выпустила воззвание к населению Петрограда, призывающее горожан не выходить без надобности на улицы и не устраивать уличных митингов⁵. Воззвание начиналось словами: «Преступно начатая большевиками междоусобная война», что стало первым официальным текстом, изданным столичным самоуправлением, где Петроградская городская дума заявила о начале «междоусобной войны» и «братоубийства», обвинив в ее развязывании партию большевиков. Однако надо подчеркнуть, что словосочетание «гражданская война», постоянно используемое гласными во время выступлений, в текстах предыдущих и последующих воззваний не фигурирует.

В отличие от Думы, раздираемой противоречиями, наемные служащие и рабочие самоуправления заняли более определенную позицию по отношению к выступлению большевиков. 26 октября на дневном заседании Думы выступил председатель исполнительного комитета федеративного Союза объединенных работников Петроградского городского общественного самоуправления, заявивший, «что Союз всецело предостав-

¹ Там же. Л. 188.

² Там же. Л. 193–194.

³ Там же. Л. 191.

⁴ Там же. Л. 195–196.

⁵ Там же. Л. 220–221; Журнал Петроградской Городской Думы № 97. Заседание 28 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг]: городская типография, 1917. 10 с. С. 6

ляет свои силы в ее [Думы] распоряжение»¹. 28 октября служащие управления Петроградской городской железной дороги присоединились к резолюции Федеративного союза, заявив, что с «возмущением отвергают засилье временного революционного комитета»², созданное большевиками путем заговора»³. В управлении городским трамваем служило около 800 человек⁴.

В этот же день в вечернем заседании Городской думы Председатель совета служащих и рабочих петроградской телефонной сети прочитал постановление общего собрания, которое решило «протестовать самым категорическим образом <...> против насильственного захвата власти и посягательства на завоевания прав демократии»⁵. Лейтмотивом всех присланных резолюций стала идея трансформации Петроградской городской думы из хозяйственного института в объединяющий центр демократических сил и самосознание политической субъектности Думы.

Таким же эмоциональным, но более консолидированным, было отношение всех гласных и служащих (как кадетов, так и большевиков) петроградского самоуправления к случаям проявления вопиющего насилия и жестокости во время антибольшевистского восстания юнкеров в Петрограде. На вечернем заседании Думы 29 октября был заслушан короткий доклад комиссара II Адмиралтейского подрайона, который, описывая события, произошедшие в его подрайоне, отдельно остановился на случаях проявления особой жестокости по отношению к юнкерам. Так, комиссар докладывал, что на его глазах и при стечении большой толпы юнкеров, молящих о помиловании, стоящих на коленях около городской телефонной станции, расстреляли. Комиссару милиции II Адмиралтейского подрайона даже пришлось просить матросов Второго балтийского флотского экипажа застрелить избитых и раненых юнкеров, просящих об этом. «И вот этих полудобитых юнкеров, вслед за этим раздели, сняли с них сапоги, ударили о перила и бросили в Мойку». Такая же участь постигла и раненого поручика, «который уже будучи брошенным в присутствии массы публики, молил о том, чтобы его доби́ли»⁶. Это сообщение было встречено гласными и публикой криками возмущения и протеста, но никакого постановления или воззвания принято не было.

Надо подчеркнуть, что на протяжении 29 октября думские эмиссары отправлялись на телефонную станцию, к Владимирскому военному училищу и Михайловскому артиллерийскому училищу в попытках предотвратить военные действия и проявление насилия победивших над проигравшими в центре столицы. Однако даже председатель Думы, с общего одобрения гласных, во время бурного обсуждения происходящих в столице

¹ Журнал Петроградской Городской думы № 94. Заседание 26 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг].: городская типография, 1917. 9 с. С. 6

² Имеется в виду Военно-революционный комитет.

³ Журнал Петроградской Городской Думы № 97. Заседание 28 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг].: городская типография, 1917. 10 с. С. 5

⁴ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 212

⁵ Там же. Л. 261.

⁶ Там же. Л. 334–335.

событий замечал, что у Городской думы «есть только единственные меры, это меры сила нашего авторитета и сила нашего морального и общественного воздействия и путь осуществления этой меры люди»¹.

Петроградская городская дума не могла остаться безучастной к событиям в Москве. 2 ноября на вечернем заседании зачитывалась телеграмма из Москвы, информируя гласных, что в результате городских боев «выгорел Василий Блаженный, разрушены Успенский собор и Городская дума, выгорела Большая Тверская» и для спасения города и его населения необходимо вмешательство Петроградской Городской думы, чтобы она хоть как-то помогла в урегулировании отношений и предотвращении еще большего насилия². Эта телеграмма привела в ужас гласных Думы и служащих самоуправления, которые тогда не знали, что сообщения не соответствуют действительности. Городская дума постановила незамедлительно отправить эмиссаров в Москву — для помощи и прояснения ситуации (подробнее см. [Грунт, 1976]).

В этот же день товарищ городского головы большевик А. В. Луначарский отправил письмо в Совет народных комиссаров о выходе в отставку с поста наркома просвещения. В письме Луначарский, ужасаясь разрушением архитектурных памятников и гибелью тысяч жертв, отмечал: «Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилён. Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя»³. Только 7 ноября в Думе выступили эмиссары, вернувшиеся из Москвы, и приехавший в Петроград московский Городской голова В. В. Руднев. Руднев был встречен бурными аплодисментами. Однако его речь не вызвала того эмоционального отклика, который охватил Думу 2 ноября, хотя она была еще более эмоциональна и подробна, нежели зачитанная телеграмма и отдельные сообщения, поступавшие в Думу впоследствии. Открывшиеся прения после доклада Руднева и эмиссаров носили деловой характер. Гласные более хотели уточнить состояние города и его хозяйства, нежели эмоционально выражали свое негодование и солидарность с Москвой (подробнее см. стенографические отчеты⁴ и [Тарасов, Кондратьев, 2020, с. 102–121]).

В восприятии повседневного политического насилия и крайних форм его проявления, как и общей тактики Думы по борьбе с ним, среди членов и служащих самоуправления не было единства. Однако как кадеты, правые эсеры, так и меньшевики-интернационалисты и большевики старались предотвратить еще большую эскалацию гражданского конфликта, грозящего перерасти в гражданскую войну на улицах столицы. Если отдельные случаи самоуправления и самосудов, учиненных солдатами, матросами и другими революционизированными акторами, силами самоуправления нельзя было предотвратить, то организованные выступления большевиков и антибольшевистских сил, грозящие кровопролитием на городских улицах, по мнению гласных Петроградской городской думы, можно было избежать.

¹ Там же. Л. 318.

² Там же. Л. 588.

³ Отставка А. В. Луначарского // Новая жизнь. 1917. 3 ноября.

⁴ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 2. Л. 224–256.

Общую борьбу все фракции Думы после 27 октября вели против акторов, пытавшихся вмешаться в деятельность жизненно важных для петроградцев отраслей хозяйства. Например, 29 октября из гаража городского самоуправления вооруженным отрядом военно-революционного комитета было реквизировано «для нужд революции» 4 грузовых и 2 легковых автомобиля. Эти машины были чрезвычайно важны для подвоза топлива к городским электростанциям, заменить их было нечем¹. 1 ноября красногвардейцы, по распоряжению районного ВРК Петергофского района, в центральной районной пекарне, находящейся в ведении самоуправления, реквизировали 1200 пудов хлеба. Из-за этого район со 150000 населением целый день оставался без хлеба². Эти и подобные случаи насилия в отношении столичного самоуправления осуждались всеми его гласными и служащими, включая радикальных социалистов. Думские эмиссары, избранные из состава всех фракций думы, направлялись в ВРК, где отстаивали права самоуправления. Так, реквизированные автомобили были возвращены в гараж самоуправления 1 ноября, но реквизированный хлеб, из-за недостатка муки в распоряжении ВРК, комитет не смог возместить Особому присутствию по продовольствию.

С конца октября по начало ноября 1917 г. всем фракциям Городской думы удавалось плодотворно сотрудничать и предотвращать или сглаживать насилие, производимое в отношении местного самоуправления. В первых числах ноября в Думе наметился окончательный политический раскол, положивший конец сотрудничеству большевиков и меньшевиков-интернационалистов с другими фракциями. Поводом для окончательного разрыва большевиков с петроградским самоуправлением стало изменение времени начала думских заседаний. Гласные большинством голосов постановили, что вечерних заседаний, которые обычно открывались в 8–9 часов вечера, проводиться не будет. Вместо этого Дума будет собираться в 2 часа дня. Отчасти такое решение было связано с перебоями в поставке электричества и трудностями в освещении зала заседаний в темное время суток.

5 ноября на заседании Думы П. А. Кобозевым, одним из лидеров большевистской фракции, было сделано заявление, в котором он от лица фракции просил вернуть прежнее время начала заседаний, поскольку днем никто из ее членов не мог присутствовать. Фактически большевики лишились возможности выступать в заседаниях и права голосовать. Просьба была отклонена большинством гласных³. На следующих заседаниях всё чаще раздавались призывы кадетов и эсеров исключить большевиков из состава Городской думы, Управы и подведомственных им учреждений, поскольку те, по мнению думского большинства, были виновны в «кровопролитии» и развязывании гражданской войны.

7 ноября П. А. Кобозев направил в СНК письмо, где сообщал, что большевикам не дают выступать на заседаниях, пытаются их незаконно удалить из Думы. 9 ноября на заседании Совета народных комиссаров был поднят вопрос о роспуске Городской

¹ Там же. Л. 319–323

² Там же. Л. 623–630

³ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 2. Л. 153–154.

думы, а большевистской думской фракции было поручено подготовить проекты декретов о роспуске Думы и о проведении новых выборов. 15 ноября эти декреты¹ были одобрены СНК, 16 ноября подписаны В. И. Лениным, а 17 ноября опубликованы [Дубенцов, Нардова, 2005, с. 357–358]. Так, Петроградская городская дума созыва 20 августа 1917 г. была распущена 17 ноября 1917 г.

Выводы

Исследование практик легитимации насилия в условиях нарастающего гражданского конфликта, переходящего в гражданскую войну, через призму восприятия и легитимация насилия столичным самоуправлением на локальном уровне позволяет иначе взглянуть на трансформацию политической культуры революции и радикализацию поляризованных групп общества.

В историографии, посвященной местному самоуправлению Петрограда в 1917 г., сложилось представление, что сразу после Октябрьского восстания Городская дума стала одним из главных центров контрреволюции и была гомогенна в своих взглядах, кроме радикальных-социалистов [Комиссаренко, 1983, с. 166–171; Кручковская, 1986, с. 81–121; Дубенцов, Нардова, 2005, с. 349–358]. Так, В. М. Кручковская отмечает, что Дума проявила свой контрреволюционный характер уже 24 октября, создав Комитет общественной безопасности, а в начале ноября «Городская дума стала одним из организаторов мятежных выступлений сил контрреволюции» [Кручковская, 1986, с. 114]. Этот же тезис укоренился в обобщающих работах по истории революции и гражданской войны и зачастую переносится на всё общественные самоуправления России.

Однако в первые дни после прихода большевиков к власти Петроградская городская дума не была центром контрреволюции. Попытки выработать общую позицию местного самоуправления по отношению к выступлению большевиков, предпринятые 24–27 октября, провалились. Некоторые гласные думы, в особенности представители Партии народной свободы, 24–26 октября обвиняли большевиков в развязывании гражданской войны, однако это не было позицией всего столичного самоуправления. 28 октября в воззвании к петроградскому населению, принятом с незначительным перевесом при голосовании, Городская дума заявила о «братоубийственной войне», начатой большевиками. Только в первых числах ноября со стороны меньшевистских фракций была сделана попытка выдавить из органов самоуправления гласных большевиков.

Случаи политического насилия, происходившие на улицах Петрограда и Москвы, воспринимались Петроградской городской думой как акты, требующие морального осуждения и порицания. Однако восприимчивость гласных к проявлению насилия быстро рутинизировалась. Если в конце октября проявления политического насилия воспринимались на заседаниях Думы чрезвычайно эмоционально, то к середине ноября 1917 г. проявление насилия стало обыденным делом и вызывало скорее деловую, нежели эмоциональную реакцию.

¹ Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. 626 с.

Не было среди думцев и конвенционального взгляда на применение «законного насилия». Кадеты и правые эсеры полагали, что гражданин или законная власть имели легитимное право на применение насилия для защиты своих интересов и собственности. Левые же эсеры, меньшевики-интернационалисты и большевики видели в подобном применении насилия путь к эскалации конфликта, утверждая, что Дума не имеет права призывать прекратить кровопролитие одну противоборствующую сторону и поддерживать насилие, осуществляемое другой.

Таким образом, в восприятии кадетов, умеренных социалистов, социалистов-революционеров, некоторых левых эсеров из числа думской фракции и меньшевиков, гражданская война в России началась в октябре 1917 г., что заставило гласных определиться, к какой из противоборствующих сторон примкнуть. На их взгляд, легитимным правом на насилие обладала лишь законная власть. Но какая это власть и кто ее должен осуществлять, гласные и служащие самоуправления не знали. Для части гласных такой властью выступало Временное правительство и его представители; другие же полагали, что единственной законной властью в Петрограде является само самоуправление, поскольку оно было избранно на общих демократических выборах; радикальные социалисты в свою очередь утверждали, что советская власть является единственно законной. Практики применения политического насилия в борьбе за власть как для правых, так и для левых гласных стали рутинными и приемлемыми. Осуждение насилия у противоборствующих лагерей по отношению друг к другу зависело от того, кто какую власть считает законной. Но все акторы видели угрозу в случайном насилии и случайных жертвах, ведущих к еще большей поляризации и радикализации общества. Пространством же для компромисса и сотрудничества стало моральное осуждение и реальные попытки предотвращения чрезмерного, неоправданно жестокого насилия, которое выходило, даже в условиях брутализированных практик поведения, за границы сформировавшейся нормы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аксенов В. Б. 2020. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение. 984 с.
- Бруиш К., Катцер Н. (ред). 2014. Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М.: Новое литературное обозрение. 208 с.
- Буддаков В. П. 2010. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН. 965 с.
- Годунов К. В. 2022. «Гражданская война»: политическое использование понятия весной 1917 г. // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация Гражданской войны в России: сборник статей / под. ред. Б. И. Колоницкого и др. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 37–59.
- Годунов К. В. Колоницкий Б. И. 2021. «Корниловщина» как «Гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса // Вестник Пермского университета. Серия История. 2021. № 3. С. 78–87.
- Грунт А. Я. 1976. Москва 1917-й: Революция и контрреволюция. М.: Наука. 387 с.

- Дубенцов Б. Б., Нардова В. А. (ред.). 2005. Петербургская городская дума. 1846–1918. СПб.: Лики России. 541 с.
- Зак А. 1917. Муниципальные заметки «Органическая работа» большевиков // Дело народа. 18 октября.
- Кабытова Н. Н. 2012. Муниципальные выборы 1917 г. в Поволжье // Вестник Самарского государственного университета. № 8/1. С. 75–80.
- Каменев Ю. 1917. О выступлении // Новая жизнь. 18 октября.
- Колоницкий Б. И., Годунов К. В., Тарасов К. А. 2022. «Гражданская война»: политическое использование понятия и культурная подготовка гражданской войны // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Рынков. Новосибирск. С. 344–360.
- Комиссаренко Л. А. 1983. В борьбе за массы: Муниципальная деятельность петроградских большевиков в период подготовки Октябрьской революции. Л.: Лениздат. 184 с.
- Кручковская В. М. 1986. Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л.: Наука. 138 с.
- Ленин В. И. 1969. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы. Т. 34. 584 с.
- Мельгунов С. П. 1984. Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 г. London.: Overseas publ. interchange. 390 с.
- Набоков В. Д. 1922. Временное правительство // Архив русской революции. Берлин: Слово. Т. 1. С. 9–96.
- Тарасов К. А. 2022. Грядущий хам и торжествующие «хамы». Из истории легитимации насилия в 1917 году // Вестник Тверского государственного университета. Серия: история. № 2. С. 81–97.
- Тарасов К. А., Кондратьев М. А. 2020. «Большевизм это мираж» Доклад Городского головы В. В. Руднева об октябрьских событиях в Москве // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. №. 2. С. 102–121.
- Тепляков А. Г. 2023. Красные партизаны на Востоке России. 1918–1922: девиации, анархия, террор. М.: Новое литературное обозрение. 840 с.
- Engelstein L. 2018. *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921*. New York: Oxford University Press. 832pp.
- Hasegawa T. 2017. *Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd*. Cambridge, Mass; London: Belknap press of Harvard university press. 351 pp.

References

- Aksenov, V. B. (2020). *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii, 1914–1918* [Rumors, images, Emotions. Mass Attitude of Russians in the years of War and Revolution, 1914–1918]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [In Russian].
- Bruish, K., Kattser, N. (Eds.). (2014). *Bol'shaya voina Rossii: sotsial'nyi porjadok, publichnaya kommunikatsiya, i nasilie na rubezhe tsarskoi i sovetskoi epoch* [Russia's Big War: Social Order, Public Communication and Violence at the Turn of the Tsarist and Soviet Epochs.]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [In Russian].
- Buldakov, V. P. (2010). *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red Smuta: Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. *ROSSPEN*. [In Russian].

- Godunov, K. V. (2022). "Grazhdanskaya voyna": politicheskoe ispol'zovanie ponyatiya vesnoi 1917 g. In B. I. Kolonitskii *et al.* (Eds.), *Slova i konflikty: yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya Grazhdanskoi voiny v Rossii* [Words and Conflicts: The Language of Confrontation and the Escalation of the Civil War in Russia] (pp. 37–59). Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. [In Russian].
- Godunov, K. V., & Kolonitskii, B. I. (2021). "Kornilovshchina" kak "Grazhdanskaya voyna": ispol'zovanie ponyatiya v usloviyakh politicheskogo krizisa ["Kornilovshchina" as a "Civil War": the use of the concept during a political crisis]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya Istoriya*, (3), 78–87. [In Russian].
- Grunt, A. Ya. (1976). *Moskva 1917-i: Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya* [Moscow 1917: Revolution and Counter-Revolution]. Nauka. [In Russian].
- Dubentsov, B. B., & Nardova V. A. (Eds.). (2005). *Peterburgskaya gorodskaya дума. 1846–1918* [St. Petersburg City Duma. 1846–1918]. Liki Rossii, 541. [In Russian].
- Zak, L. (Oct. 18, 1917). Munitsipal'nye zametki "Organicheskaya rabota" bol'shevikov [Municipal notes "Organic Work" of the Bolsheviks]. *Delo naroda*. [In Russian].
- Kabytova, N. N. (2012). Munitsipal'nye vybory 1917 g. V Povolzh'e [Municipal elections of 1917 in the Volga region]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, (8/1), 75–80. [In Russian].
- Kamenev, Yu. (Oct. 18, 1917). O vystuplenii [About the speech]. *Novaya zhizn*. [In Russian].
- Kolonitskii, B. I., Godunov, K. V., & Tarasov, K. A. (2022). "Grazhdanskaya voyna": politicheskoe ispol'zovanie ponyatiya i kul'turnaya podgotovka grazhdanskoi voiny ["Civil War": political use of the concept and cultural preparation of the civil war]. In V. M. Rynkov (Ed.), *Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskie posledstviya, uroki dlya sovremennosti: sbornik nauchnykh trudov* [Civil War in Russia: Problems of Leaving, Historical Consequences, Contemporary Lessons] (pp. 344–360). [In Russian].
- Komissarenko, L. A. (1983). *V bor'be za massy: Munitsipal'naya deyatel'nost' petrogradskikh bol'shevikov v period podgotovki Oktyabr'skoi revolyutsii* [In the Struggle for the Masses: Municipal Activity of the Petrograd Bolsheviks during the Preparation of the October Revolution]. Lenizdat. [In Russian].
- Kruchkovskaya, V. M. (1986). *Tsentrал'naya gorodskaya дума Petrograda v 1917 g.* [Central City Duma of Petrograd in 1917]. Nauka. [In Russian].
- Lenin, V. I. (1969). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works] (Vol. 34). Izdatel'stvo politicheskoi literatury. [In Russian].
- Mel'gunov, S. P. (1984). *Kak bol'sheviki zakhvatili vlast': Oktyabr'skii perevorot 1917 g.* [How the Bolsheviks Seized Power: The October Coup of 1917]. Overseas publ. interchange. [In Russian].
- Nabokov, V. D. (1922). Vremennoe pravitel'stvo [Provisional Government]. In *Arxiv russkoi revolyucii* [Archives of the Russian Revolution] (Vol. 1, pp. 9–96). Slovo. [In Russian].
- Tarasov, K. A. (2022). Gryadushchii kham i torzhestvuyushchie «khamy». Iz istorii legitimatsii nasiliya v 1917 godu [The coming boor and the triumphant "boor". From the history of legitimization of violence in 1917]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya*, (2), 81–97. [In Russian].
- Tarasov, K. A., & Kondratyev, M. A. 2020. "Bol'shevizm eto mirazh": Doklad Gorodskogo golovy V. V. Rudneva ob oktyabr'skikh sobytiyakh v Moskve ["Bolshevism is a mirage" Report

Петроградская городская дума на пороге Гражданской войны...

of the City Mayor V. V. Rudnev on the October events in Moscow]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovaniy*, (2), 102–121. [In Russian].

Тепляков, А. Г. (2023). *Krasnye partizany na Vostoke Rossii. 1918–1922: deviatsii, anarkhiya, terror* [Red Partisans in the East of Russia. 1918–1922: Deviations, Anarchy, Terror]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 840 s. [In Russian].

Engelstein, L. (2018). *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921*. Oxford University Press.

Hasegawa, T. (2017). *Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd*. Belknap press of Harvard university press.

Информация об авторе

Михаил Александрович Кондратьев, младший научный сотрудник, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
mkondratyev@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7989-2789>

Information about the author

Mikhail A. Kondratyev, Researcher, Department of History, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia
mkondratyev@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7989-2789>

Формы и мотивы богохульства в церковных рассказах про наказание грешников смертью (по материалам православной публицистики конца XIX — начала XX вв.)

Анна Андреевна Бушуева

Курганский государственный университет, Курган, Россия
Контакт для переписки: anna_b2022@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям отображения богохульных действий в опубликованных в официальных церковных периодических изданиях конца XIX — начала XX в. рассказах о «неестественной», внезапной, мучительной смерти грешников. Автором охарактеризована жанровая специфика текстов, которые возникли в результате взаимодействия народных и пастырских религиозных представлений на грани между фольклором, церковной публицистикой и развлекательно-новостной заметкой; также поставлен вопрос о том, в каких отношениях — между конфликтом и согласием — пребывают разнородные функции и смыслы этих рассказов. Было определено, какие виды богохульных деяний в границах жанровой логики подлежали божественной каре и кого осуждали на «чудесную» смерть (пол, возраст, социальное происхождение, национальность, религиозный статус). На основании обозначенного в источниках мотива преступления предложена их классификация. К первой категории отнесены рассказы про неуважение к святыням и церковной обрядности, проявленное в бытовом контексте, часто без злого умысла, по легкомыслию, усугубляемому опьянением: оскорбление икон, священника, нарушение поста или праздничного отдыха, кража церковного имущества и пр. Во вторую категорию вошли публичные атеистические выступления, словесные (проповедь небытия Бога) или физические (стрельба в иконы). В третью — старообрядческая критика православного церковного учения и его святынь. В четвертую — истории «предательства» Бога и церкви, отступления от служения в угоду земному благосостоянию, корысти. Общее для всех категорий — открыто и бесстрашно выраженное перед многочисленными свидетелями

сомнение в могуществе Бога. Смертью богохульника, завершающей каждый подобный сюжет, Бог опровергает сомнение в его способности совершить немедленное возмездие, земной суд. В целом богохульство можно прочесть как обыденное действие человека, существовавшего за границами строгих представлений духовенства о сакральном и неприкосновенном, или как сознательный протест против божественного и/или связанной с ним социальной структуры, форму эмансипации.

Ключевые слова: история повседневности, танатология, история смерти, русская православная церковь, епархиальные ведомости, церковная публицистика, богохульство, кара Божья

Цитирование: Бушуева А. А. 2024. Формы и мотивы богохульства в церковных рассказах про наказание грешников смертью (по материалам православной публицистики конца XIX — начала XX в.) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 120–139. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-120-139>

Поступила 18.03.2024; одобрена 21.11.2024; принята 02.12.2024

Forms and motives of blasphemy in church stories about “miraculous” deaths: Orthodox publications of the late 19th–early 20th c.

Anna A. Bushuyeva

Kurgan State University, Kurgan, Russia
Corresponding author: anna_b2022@mail.ru

Abstract. This article explains the genre specificity of texts that arose as a result of priests' and laity's religious ideas interaction which lies on the border between folklore, church journalism, and publicist articles in late 19th–early 20th c. media. The author analyses the relationships, ranging from conflict to agreement, which constitute the diverse functions and meanings of these texts. The results have revealed what the types of blasphemous acts within the boundaries of genre logic subject to divine punishment and who was condemned to a “miraculous” death (their gender, age, social origin, nationality, and religious status). Based on the motive for the crime indicated in the sources, their classification is proposed. The first category includes stories about disrespect for shrines and church rituals, manifested in an everyday context, often without malicious intent, due to frivolity, aggravated by intoxication: e. g., defamation of icons, priests, violation of fasts or holidays, theft of church property. The second category includes public atheistic performances, whether verbal

(preaching the non-existence of God) or physical (shooting at icons). The third category includes Old Believer criticism of Orthodox church teaching and its shrines. The fourth category includes stories of “betrayal” of God and the church, retreat from service for the sake of earthly well-being and self-interest. All categories share doubt in God’s power, openly and fearlessly expressed in front of numerous witnesses. With the “unnatural”, sudden, and painful death of blasphemers in the end of each story, God refutes doubts in his ability to carry out immediate retribution and earthly judgment. In general, blasphemy can be read as an ordinary action of a person who existed outside the boundaries of the strict ideas of the clergy about the sacred and inviolable, or as a conscious protest against the divine and/or the social structure associated with it, a form of emancipation.

Keywords: everyday life history, thanatology, death history, Russian Orthodox Church, diocesan reports, church journalism, blasphemy, divine punishment

Citation: Bushuyeva, A. A. (2024). Forms and motives of blasphemy in church stories about “miraculous” deaths: Orthodox publications of the late 19th–early 20th c. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(4), 120–139. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-120-139>

Received March 23, 2024; Reviewed Nov. 21, 2024; Accepted Dec. 12, 2024

Введение

Перспективным направлением исторических исследований сегодня является такое ответвление истории повседневности, как история смерти, а именно — история представлений об умирании как процессе и о смерти как финале жизненного пути (или пороге перехода к иным формам бытия). Особый интерес вызывают модели восприятия смерти в картине мира православного духовенства, нашедшие отражение на страницах церковной периодики конца XIX – начала XX в., в эпоху модернизации Российской империи. Рассмотренные в данной статье случаи богохульства из назидательных рассказов о Божьей каре грешников свидетельствуют о нарастающих столкновениях между религиозными идеалами и укрепляющимися секулярными нормами, а также о дрящемся разрыве между идеалами образованных священно-церковнослужителей и реальностью народного мировосприятия.

Обзор историографии и характеристика источников исследования

Феномен веры в божественную волю как причину смерти становился предметом исследования на основании разнообразных источниковых материалов в границах различных исторических периодов. Можно выделить четыре историографических блока, в которых встречается мотив смерти как формы божественной кары (ограничимся трудами, которые максимально близко подходят к теме нашего исследования и могут быть приложены к ее рассмотрению):

1. Исследования бытовавших в церковной культуре Древней Руси представлений о сверхъестественных причинах болезни и смерти: работы М. А. Смержевских-Смирновой [2001] (анализировала описания смерти в памятниках древнерусской литературы), А. С. Малаховой и С. Н. Малахова [2014] (связь болезни, смерти и божественной воли в сознании древнерусского человека), А. Н. Медведя [2017] (подтема болезни-наказания, заканчивающейся смертью), Н. А. Пелезневой [2022] (болезнь как форма коммуникации Бога и человека, в т. ч. предсмертный недуг, интерпретируемый либо как благословение, либо как наказание).

2. Исследования в области религиозных преступлений и предполагавшихся за них наказаний в среде православных крестьян во второй половине XIX – начале XX в.: Е. С. Бальжанова [2006], С. С. Крюкова [2010] и Д. А. Комаров [2011] оценили распространенность таких деяний и их мотивы, отношение к преступникам в их социальном окружении. Крюкова [2010, с. 211] отметила доминирующее в народной ментальности представление о Боге как грозном «мстителе», карающем грешников разорением, болезнью и/или скоропостижной смертью.

На материале XVIII в. тема религиозных преступлений была мастерски раскрыта Е. Б. Смилянкой [2003]. Она предложила возможные объяснения мотивов преступников, а также заметила, что в числе судимых «значительный процент составляли лица духовного сословия» [Смилянская, 2003, с. 329].

3. Изучение бытовавших в советский период рассказов о наказании за осквернение православных святынь на материале устных источников (фольклора) в том же жанре, что и взятые нами публикации из епархиальных ведомостей: например, Ю. Буйских [2014], Л. А. Юрчук, И. В. Казаков [2018] и Н. В. Дранникова [2020].

4. Особую ценность представляют труды, рассматривающие стилистические, композиционные, тематические особенности повествований о божественном наказании святотатцев. Так, С. А. Штырков [2001] выделил стандартные приемы организации подобных текстов, сочетающих в себе влияние устной народной и церковной нарративной традиций. Ю. М. Шеваренкова [2003] подготовила детальный разбор жанра «легенды-былички». А. П. Липатова [2010] изучила легенды о чудесном явлении икон, бытовавшие в народной среде в конце XIX – начале XX в., и отношение к ним со стороны церкви. О. С. Стрелковой [2011] выявлена жанровая специфика рассказов о чудесах в Курских епархиальных ведомостях, их идеологические задачи: несмотря на то, что Стрелкова специально не касалась такого ответвления жанра «чудесного», как истории о наказании смертью, многие ее выводы могут быть отнесены и к ним. И. Е. Иванова [2015] описала формальные черты и приемы организации текстов о чудесах Тверских епархиальных ведомостей (ее классификация этих текстов не включает рассказы о «чудесной» смерти, однако танатологическая тематика так или иначе присутствует в приводимых ею примерах чудесного исцеления, спасения от гибели и пр.).

Рассказы о наказании смертью за богохульство в церковной периодической печати поздней имперского периода предметом исторического исследования ранее не становились. Поэтому задачи данной статьи — проанализировать этот жанровый комплекс сюжетов и предложить их классификацию на основе заявленного в источнике мотива религиозного преступления (антицерковного выступления).

В ходе исследования была сформирована источниковая подборка из публикаций конца XIX – начала XX в., повествующих о «чудесной» — осознанной очевидцами и/или публицистами как божественное чудо, «кара Божья» — смерти богохульников: 27 статей¹ из 8 церковных периодических изданий (10 — из неофициального отдела Тобольских епархиальных ведомостей, 7 — из Рязанских, 3 — из Пермских, 2 — из Вятских, 2 (идентичные, в разных номерах) — из Вестника военного духовенства, и по одной — из Томских, Астраханских и Иркутских епархиальных ведомостей). Авторами и читателями этих изданий являлись главным образом священнослужители, преподаватели и учащиеся церковных образовательных учреждений, церковные этнографы и др.; предполагалось, что этот «профессиональный читатель», усвоив и переработав прочитанное, принесет его в народную среду как элемент проповеди.

За исключением нетипичных случаев, когда рассказы о «чудесной» смерти входят в состав некролога² или дневниковых (мемуарно-публицистических) записей священника³, они представляют собой самостоятельные жанрово специфичные статьи. Их важнейшей жанровой характеристикой является установка на достоверность: фиксация мест происшествия, времени и обстоятельств записи, имен умерших и пр., детализированный фон, прямая цитация [Стрелкова, 2011, с. 254–255; Иванова, 2015, с. 196]. Перед нами не стоит задача установления достоверности опубликованных фактов (при всей условности понятия «достоверность» применительно к историям о сверхъестественном): для нас важно то, что в основе этих произведений лежит вполне реальная вера в возможность чуда, прямого вмешательства Бога в жизнь человека. Подобные истории находились в «зоне возможного» церковной картины мира, что подтверждается публичными высказываниями разных чинов духовного сословия⁴, отражающими позицию «для человека верующего нет слепого случая»⁵.

Стрелкова [2011, с. 253–254] определила тексты этого жанра как генетически связанные с народной несказочной прозой и традициями древнерусской литературы произведения «устно-письменной традиции». Типологические параллели находим в фольклорных «легендах-быличках», выстроенных вокруг «сюжетной ситуации встре-

¹ В 27 публикациях содержится 29 разных сюжетов «чудесной смерти», охватывающих в совокупности 31 смерть (в одном сюжете может быть несколько умерших).

² «Корреспондент Вятских...» // Вятские епархиальные ведомости. 1895. № 17. С. 734–738.

³ Трофеев Вл., священник. К вопросу о борьбе с народным пьянством // Рязанские епархиальные ведомости. 1912. № 3. С. 101–108; Сюрприз за сюрпризом // Рязанские епархиальные ведомости. 1913. № 16. С. 623–628.

⁴ Ландышев Иоанн, священник. Смерть грешников люта // Томские епархиальные ведомости. 1899. № 5. С. 29–31; Никон (арх.). Удушливые газы // Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 43. С. 678–684; Молчанов Петр, священник. Никола Милостивый помог // Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 2. С. 20–22; Феодосий (иер.). Записки миссионера // Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 8. С. 132–134; Слово Высокопреосвященнейшего Варнавы // Тобольские епархиальные ведомости. 1917. № 9. С. 144–147.

⁵ Наказание Божье кошуннику // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 9–10. С. 243–244.

чи реального человека с таинственной силой», в т. ч. «историях о наказании святыми, Богом, Богородицей людей за неуважение к себе и к церковным праздникам» [Шеваренкова, 2003, с. 52–53].

Источник функционирует на стыке разных жанров: автобиографии священника-автора (в части публикаций присутствует описание пастырской жизни автора, его реакции на события в приходе и пр.); религиозной проповеди о ненадлежащем поведении и неизбежном наказании (в этом случае подготовка текста к публикации — элемент служебной деятельности духовенства); народной сказочной прозы (действие большинства историй происходит в деревенском пространстве и изложено с опорой на устные рассказы крестьян-очевидцев).

Хотя в их основе лежали рассказы из народной повседневности, статьи — продукт деятельности духовенства, которое переводило устную речь в текст с неизбежным искажением «первоисточника», указывало собственное авторство, дополняло слова «рассказчиков» своими комментариями и цитатами из корпуса религиозных сочинений. Авторство делилось между «рассказчиком» (информатором) и «автором» опубликованного варианта (если обе роли не играло одно лицо — священник, засвидетельствовавший «чудо»). Часто «рассказчик» (информатор) происходил из народной (крестьянской) среды, в то время как автор-публикатор — из духовного сословия. По наблюдению Стрелковой [2011, с. 255], авторская позиция была «предельно близка к народному толкованию божьей воли»: «Возмездие, изображенное в рассказе, отражает собственно народное, наивное представление о Боге, как о некоей персонифицированной грозной силе, способной вредить, мстить за малейшее и случайное оскорбление».

Крайне редко в источнике можно увидеть расхождение между народной интерпретацией и взглядами священника. Например, мнение крестьян, связавших смерть повитухи с ее нежеланием прервать чаепитие во время грозы и с шутливой репликой в отношении иконы, вошло в противоречие с представлениями о мире более образованного пастыря. Его слова о том, что «у крестьян¹ считается грехом во время грозы „забавляться чайком“»², подразумевают, что иерей не включал себя в группу, в которой действовало данное правило и данное понимание греха (в то же время мысль-мораль о «недозволительности шуток в отношениях к Богу»³ представлена им как бесспорно верная).

По данным Комарова [2011, с. 99–100], состояние религиозной преступности в пореформенный и предреволюционный периоды оставалось относительно стабильным, с устойчивой тенденцией к постепенному росту; среди осужденных преобладали мужчины, причем если за святотатство осуждалась, как правило, молодежь, то за богохуление и кощунство — зрелые «мужики» и старики.

В нашей источниковой подборке 27 публикаций фиксируют 31 смерть-кару: 26 — мужчин, 5 — женщин; из них 30 — взрослые, 1 — ребенок четырех лет. Социальное

¹ Здесь и далее курсив наш — прим. А. А.

² Попов Ст., свящ. Вразумление свыше // Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 17. С. 810–812. С. 811.

³ Там же. С. 812.

положение умерших следующее: 23 — крестьяне, 6 — горожане, в остальных случаях точно не указано. Семеро (и восьмая фигура — девушка, перешедшая в раскол против воли) — старообрядцы.

Результаты и обсуждение

Классификация и анализ жанровых сюжетов

Имеющиеся истории-источники мы распределили по следующим группам:

- 1) истории о наказании православных христиан за неуважительное отношение к религиозным символам, за профанирование сакрального;
- 2) истории о наказании «свободомыслящих», атеистов за вызов, брошенный могуществу и самому существованию божества;
- 3) истории о наказании старообрядцев («раскольников») за выступления против православной веры и церкви;
- 4) истории о наказании за «предательство» Бога.

В основу классификации положена мотивация покаранных, главный движущий мотив их преступления: мы извлекаем его из той объяснительной схемы, которая использовалась церковными публицистами, понимая при этом, что «истинные» мотивы действующих лиц были куда более комплексными, социально обусловленными и несводимыми к предложенной в публикациях упрощенной и тенденциозной трактовке.

В первой категории выделим повествования¹ о наказании православных христиан за неуважительное отношение к религиозным символам, за профанирование — нередко без «злого умысла» — сакрального. Мысль о профанировании сакрального встречается у Смилянкой [2003, с. 203], обратившейся к труду французского историка А. Кабанту по истории богохульства конца XVI – середины XVIII в.: «Богохульство, не касаясь триумфальной автономии религиозного, становилось нередко нетерпимым вмешательством наиболее грубого профанного внутрь области священного». Эта мысль справедлива и для наших рассказов о каре Божьей, герои которых были умерщвлены за сведение священных объектов в плоскость повседневно-бытовую, на уровень земного, смешного, безопасного, допускающего «панибратское» отношение к себе.

В этой категории 4 рассказа посвящены возмездию за оскорбление икон. Как известно, понятие об образе, висящем в углу, отождествлялось православным крестьянством с понятием о самом Боге («Ён в углу») [Крюкова, 2010, с. 211]; «икона в православной... культуре не мыслилась как условное изображение, она осознавалась как „во плоти“ явленная божественная субстанция, а потому хула на Всевышнего и поругание иконы становились явлениями как бы одного порядка» [Смилянская, 2003, с. 218]. Смерть обрушилась на одного из безымянных хуторян (хутор Надеждинский, Оренбургская губерния), «без должного благоговения на телегах, с песнями» везших иконы

¹ 10 статей, в них 12 смертей.

из приходской церкви¹, и на 35-летнего крестьянина И. Гирса (село Заборье, Сенненского уезда, Могилевской губернии, конец 1910 г.), соблазнявшего односельчанина на «выпивку» в вечер субботы и поднесшего «первую рюмку... к иконе Спасителя, говоря: „Твой завтра праздник, на, выпей чарку. Ну, чего же смотришь, на, выпей“»². Смертельную травму получил купеческий рабочий (из крестьян) из г. Вязьмы: в компании товарищей-рабочих он играл на гармонике и плясал «пред окнами дома [богатого и благочестивого купца Сырельщикова], в котором стояла икона [Божьей Матери]», а на повеление хозяйки прекратить игру «легкомысленно отвечал: какую такую икону и за что я буду уважать, — и потом тут же начал усиленное играть и плясать»³. К историям про оскорбителей икон отнесем и рассказ священника С. Попова о «бабушке-повитухе» Агриппине Семеновне Мериновой (деревня Шевнина, Уржумского уезда, происшествие 26 мая 1900 г.). Во время грозы А. Меринова «взяла самовар со стола, поставила на лавку, подле себя, с левой стороны, и заметила при этом: „не хорошо в грозу самовар на столе“. А потом, подвинувшись в передний угол, под иконы, с шуткой уже добавила: „вот подвинусь под Бога, спасет меня Бог, а чайку-то всетаки попьем“»⁴.

Другой погибший — крестьянин Никифор, «трапезник» (сторож при храме) в селе Земляновском, Ишимского уезда, Тобольской епархии (1915 г.). На протяжении многих лет он воровал храмовое имущество и — последний проступок — украл «мочальные веревки»; в ответ на расспросы «наговорил батюшке дерзостей» и «кончил свое записательство божбой и клятвой, что не брал веревки»⁵: святотатство, оскорбление служителя церкви, ложная клятва именем Бога, уверенность в собственной безнаказанности на фоне неспособности священника привлечь сторожа к ответственности.

Как и трапезник Никифор, за нанесенную священнослужителю обиду был наказан смертью жены и собственным сумасшествием крестьянин Г. А. из села Ошлани, Нюльинского уезда, Вятской губернии: он «оскорбил о. протоиерея и покорил его тем, что он, будто-бы, недостаточно „уважает“ крестьян, а между тем, носит купленный на их деньги дорогой крест»⁶.

Почтения к себе требовали и мертвые: в селе Кочубеево, Каменецкого уезда, 11 июня 1891 г. в «третий час по полудни» некоторые крестьяне не пошли на кладбище «молиться со своим пастырем об упокоении усопших», а «проводили время в корчме, в веселой беседе и попойке»⁷, за что трое из них поплатились жизнями (двое мужчин и одна женщина, чья вина утяжелялась присутствием в корчме ее ребенка).

По убеждению священника А. Надеждина, 23 июля 1886 г. в селе Нижний Белоомут, Рязанской губернии за богохульство, нарушение поста (в среду) и соблазнение

¹ Божие наказание // Рязанские епархиальные ведомости. 1910. № 12. С. 450.

² Бог поругаем не бывает // Рязанские епархиальные ведомости. 1911. № 20. С. 812.

³ Наказание Божье кощуннику... 1890. С. 243.

⁴ Попов. 1900. № 17. С. 810–812.

⁵ Т-ий А. Божие наказание // Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 23. С. 326–328.

⁶ «Корреспондент Вятских...»... 1895. С. 737.

⁷ Грозное вразумление // Пермские епархиальные ведомости. 1892. № 5. С. 180–181.

к тому окружающих смерть была послана крестьянину Василию Феодоровичу Лазунову, 30 лет¹. В. Лазунов потребовал у жены местного дворника ветчины для себя и товарищей на покосе, а в ответ на напоминание о постном дне «сказал со смехом»: «Да где Бог то твой... нешто ты Его видела... Он и не увидит, как я наемся ветчинки-то. Это и вперед бывальшинка со мною»² (можно было бы записать его в «атеисты», но, вероятнее, имело место бытовое опрощение и опущение сакрального до предмета шутки, под влиянием опьянения и небрежного отношения к церковным догматам).

За похожее «легкомыслие и вольнодумство»³ отдал жизнь крестьянин И. П. Гуманцов, который «в Великую пятницу рано утром напился пьян и, придя в трактир, стал кощунствовать, выхваляясь своим безрассудным поступком: „Вот я обманул вашего отца Серафима-то“» (имел в виду нарушение обета трезвости, принесенного недавно умершему Серафиму, Саровскому чудотворцу)⁴.

За разнообразные «бытовые» прегрешения (пьянство, насилие над домочадцами, сожительство с тещей сына), «злой язык» и, наконец, намерение в праздник крещения молотить хлеб сторел заживо крестьянин 58 лет, Федор Вольхин (деревня Мышланова, Чингинская волость, Барнаульский уезд, Томской губернии, 5 января 1899 г.)⁵.

Таким образом, смертоносная Божья кара следовала за публично проявленное неуважение к религиозным ценностям — как материальным (иконам, церковному имуществу, самой церкви и ее служителям), так и нематериальным (догматам, посту, празднику, фигурам святых, мертвым предкам). Неуважение не всегда являлось злонамеренным, порой даже шутка — за содержащуюся в ней профанизацию священного — становилась предметом сурового осуждения. Ключевое сходство всех историй в этой категории богохульств — их действующие лица не боялись Бога, считали его бессильным, «прирученным» и не способным покарать за обиду.

Ко второй категории отнесем рассказы о наказании «безбожников»⁶ («отрицателей Бога»⁷, «атеистов»⁸, религиозных «нигилистов»⁹ и «циников»¹⁰), т. е. людей, отказавшихся от религиозной веры как таковой или выразивших сомнение в правдиво-

¹ Надеждин А., свящ. Вразумительный для богохульников перст Божий // Рязанские епархиальные ведомости. 1887. № 5. С. 116–117.

² Там же.

³ Трофеев. 1912. С. 105.

⁴ Там же. С. 102, 105.

⁵ Ландышев. 1899. С. 29–31.

⁶ Божие наказание. 1910. № 19. С. 678; Просто ли совпадения? // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 29–31. С. 281.

⁷ Чудеса в наши дни // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 18–20. С. 294–296.

⁸ Божие наказание. 1910. № 19. С. 678.

⁹ Грозное вразумление. 1870. С. 469.

¹⁰ Вразумительное обстоятельство // Астраханские епархиальные ведомости. 1898. № 17. С. 774.

сти центральных элементов церковного учения, причем во всех случаях их взгляды были явлены публично, в форме насмешки над Богом, прямого вызова его власти¹.

Две публикации посвящены одному и тому же событию: в июле 1917 г. в Старой Руссе, «в курзале-местечке, где собираются больные», на паперти старой часовни сорвавшейся с крюка иконой был убит «оратор-большевик», после того как «обратился к народу с митинговой речью... что не надо вести войну, что необходимо сокрушить буржуазию, капитализм, что не нужно духовенства, как вредный класс людей, и наконец... позволил себе отвергнуть бытие Бога и выразиться, что существует только природа, а Бога выдумали попы для своей корысти»². В более поздней публикации³ этот же эпизод представлен в расширенной редакции: в ответ на выкрик из толпы «да побойтесь же вы, наконец, Бога», он «закричал, что он никакого Бога не боится, ибо никакого Бога нет»⁴.

Похожий случай в 1913 г. вспомнил священник М. П.: внезапная гибель настигла «одного хулигана, отвергавшего бытие Божие и в доказательство своей безнаказанности распившего на св. Престоле полбутылку водки»⁵.

Наиболее радикальным проявлением богоборчества церковные публицисты считали физическое покушение на религиозные символы. В двух публикациях этой категории присутствует мотив стрельбы в иконы, и в одной — из пушки — в «Христа».

В этом контексте могут найти применение выводы М. Майзульса, проанализировавшего распространенный в источниках периода европейской Реформации сценарий, когда «иконоборец» покушается на изображение католического святого (но, в отличие от богохульников из церковной публицистики конца XIX – начала XX в., не на веру в бытие Бога), требуя «заговорить, дать отпор, спасти себя или закровоточить», чтобы «продемонстрировать окружающим (а то и себе самому?) бессилие истуканов»; это «потенциально многозначный жест», цели которого «колеблются между испытанием силы образа и ритуализированной демонстрацией его бессилия» [Майзульс, 2017, с. 36]. Иконоборцу, «чтобы решиться на физическую атаку против образа (который ты еще вчера почитал; который так почитают другие; который олицетворяет религиозный и политический порядок), требуется через осмеяние выдать из себя страх перед ним и/или перед грядущим насилием, которое отрезет путь назад» [Майзульс, 2017, с. 36].

Сходство сценариев мы находим, в частности, в истории о «современном безбожнике — Гушине» и его товарище из г. Бийска, Томской губернии⁶. Гушин «похвалился своим единомышленникам, что будет стрелять в икону Казанской Божией Матери,

¹ 8 публикаций, в них 8 случаев кары (и еще 1 статья, в которой смертельный исход четко не обозначен, но наиболее вероятен).

² Ильигорский И., свящ. Наказание смертью за богохульство // Тобольские епархиальные ведомости. 1917. № 32. С. 463–464.

³ Чудеса в наши дни. 1918. С. 294–296.

⁴ Там же. С. 294.

⁵ Сюрприз за сюрпризом. 1913. С. 627.

⁶ Божие наказание. 1910. № 19. С. 678.

находящуюся у ворот архиерейского дома и при этом с насмешкою сказал: „эту икону называют чудотворною, то пусть она и сотворит со мною чудо“¹: здесь присутствует и мотив осмеяния сакрального, и провокация — публично брошенное предположительно воплощенной в иконе божественной силе требование проявить себя, доказать свое бытие.

Другой покаранный Богом стрелок в икону — безымянный солдат, встреченный рассказчиком в поезде по возвращении с фронта: в вагоне этот солдат «отчаянно богохульствовал, при чем самодовольно с восхищением рассказывал, как он однажды стрелял в икону Божией Матери. „Что это за бог“, — глумился рассказчик — „коли крови нет“»².

Третья публикация с этим мотивом касается крестьянина Николая Картерьева Гуляева (рассказчик — священник Лунпов, в основу текста положен его рапорт Архиепископу Пермскому и Кунгурскому Андронику). Во время пасхальной заутрени 22 апреля 1918 г. он пришел в сельскую церковь, «где-то под лестницей на колокольне отыскал пушку» и решил выстрелить из нее перед колокольным звоном, объявив, что «при нынешней свободе никаких разрешений не надо», а когда в 12 ночи церковный сторож ударил в колокол, «Гуляев, не успевший зарядить своей пушки, выругался матерными словами и сказал, что будет стрелять тогда, когда пойдут вокруг церкви, и „подстрелит Христа“»³. Мотивация богохульника выражена нечетко: какую идейную подоплеку имел его выстрел из пушки? был ли он принципиальным атеистом — или бывшим солдатом, сочетавшим противомонархические настроения с противощерковными (что не исключало сохранявшихся религиозных элементов мышления)?

Подробное изложение получила в Тульских епархиальных ведомостях (с перепечаткой в Рязанских) история наказания крестьянина-атеиста Михаила Семенова Соколова из села Деделова 22 ноября 1909 г., записанная местным священником Михаилом Нектаровым⁴. Соколов охарактеризован приходским пастырем как радикальный, «воинствующий» атеист: «Будучи весьма начитан и напитан в духе „освободительного движения“, несчастный этот человек стал открыто глумиться над обрядами св. православной церкви, хулить св. крест, св. иконы, отвергать потребность молитвы к Богу и проч. <... > Пусть с иконы, говорил он, сойдет этот Спаситель и скажет мне, что надо молиться пред иконами, тогда я поверю, а сейчас я ничего подобного не признаю»⁵. Финал наступил в праздник Введения Пресв. Богородицы в храм, в воскресенье, когда М. Соколов на мельнице «обнаруживал особенное усердие к работе, желая, конечно, показать, что он не признает праздников и устава св. церкви»⁶. Хотя в крестьянской среде работа в воскресенье и церковные праздники считалась грехом [Бальжанова, 2006, с. 92–93], наказан он был

¹ Божие наказание. 1910. № 19. С. 678.

² Просто ли совпадения. 1918. С. 281.

³ Чудеса в наши дни. 1918. С. 294–295.

⁴ Нектаров Михаил, свящ. Божие наказание за глумление над святой верою и благочестием родной матери // Рязанские епархиальные ведомости. 1910. № 7. С. 273–274.

⁵ Там же. С. 273.

⁶ Там же. С. 274.

не только за то, что вообще трудился в праздник (на мельнице присутствовали и другие работники: обычай трудиться на водяных мельницах даже в воскресные и праздничные дни существовал во многих селах [Бальжанова, 2006, с. 93]), но и за то, что делал это с демонстративной готовностью и «усердием», не желая «„сознательно“ работать в сии дни Господеви со страхом и трепетом»¹. Более того — герой наносил побои матери, образ которой может быть прочтен как образ церкви, долго терпевшей несправедное к ней отношение, но в итоге отвергшей грешника.

Виновны в насмешливо-ироничном отношении к религии и в отсутствии страха перед Богом, т. е. в уверенности в собственной безнаказанности, оказались жена высокопоставленного чиновника и еврей-коммерсант.

«Дама, жена значительного чиновника в Р.» (город, дата, имена действующих лиц не указаны), приглашенная на день ангела жены священника N., выразила неуважение к этому церковному празднику, отрицала бытие «Ангелов» и «дьяволов», вдобавок профанировала сакральное — Бога свела к образу своего сына: «Обнявши своего малютку, она имела дерзость сказать: „Об каком это говорят нам Боге? Вот мой бог“»². Ее поведение автор (можно предположить, что это оскорбленный хозяин дома, муж имениницы) объяснил «модным воспитанием в одном из лучших столичных заведений» и «болезнью нигилизма»³. Кроме того, он явно осудил ее за неуважение к авторитету священнослужителя: в доме священника, на празднике его жены «виновная» высказала пренебрежение к вере хозяев, «хвалилась своим неверием и кощунствовала»⁴. Созданный автором образ героини резко отрицателен и нацелен на то, чтобы вызвать у читателя неприязненное осуждение.

Другой носитель «светских нравов» — некий Т-р, «по происхождению еврей», «коммерсант, из ... сорта полуобразованных людей», на пути парохода между Енотаевском и Астраханью «с насмешкой отзывался о христианстве, отпускал разного рода шутки и остроты на религиозные темы, доводя цинизм свой до крайней степени», «кощунствовал и безобразничал»⁵.

Таким образом, особняком стоят рассказы про «безбожников», дерзающих предоставить аудитории доказательства небытия Бога (убедиться самим и убедить других, что можно безнаказанно выстрелить в икону, распить водку на престоле, по доброй воле выйти на работу в церковный праздник и пр.). В эту же категорию попадают сюжеты про образованных людей, закладывающих в слушателей семья сомнения в истинности церковных догматов.

¹ Нектаров Михаил, свящ. Божие наказание за глумление... 1910.

² Грозное вразумление // Иркутские епархиальные ведомости. 1870. № 38. С. 469.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Вразумительное обстоятельство. 1898. С. 774.

К третьей категории рассказов о смерти — каре Божьей — отнесем повествования о старообрядцах («раскольниках»)¹: их богохульство было связано с инаковерием, демонстративным непризнанием догматов и святынь православной церкви. Источники отразили следующие деяния обреченных смерти раскольников:

1. Молодой извозчик, увидев на перекрестке дорог четырехконечный деревянный крест, «начал изрыгать всякие непотребные сквернословия, хулы и ругательства на крест и на изображенного на нем распятого господа», «начал стегать его со всех сторон и по лицу изображенного на нем Христа Спасителя, продолжая изрыгать ужасную хулу и ругательство», а потом вознамерился на крест помочиться (история отнесена рассказчиком к 1860-м гг., место действия — одна из стародубских слобод Калужской епархии)².
2. Крестьянин Степан Белопухов закричал на товарищей, приостановивших работу в поле из-за шествия молящихся с иконами: «что вы остановились и не работаете? медведя что-ли увидали?» — и «пал ниц, чтобы не видать св. икон» (около 1870 г., деревня Вновь-Скородумская, Тобольской епархии)³.
3. Крестьянка средних лет, Анфиса Миронова, в беседе с невесткой о возможности перехода мужа и сына к «никонианам» сказала: «Пускай дерет их лешак ... Как ты, а я в эту вавилонскую блудницу, изрыгающую свою мерзкую блевотину [Св. Причастие], ни за что не пойду; отсохни у меня руки и ноги, а я не перемену свою истинную веру на никонианскую»⁴ (1887 г., деревня Бердюгина, Ялуторовского округа, Тобольской епархии).
4. Матвей Савельев Фадеев, подрядчик, принуждал крестьян к работе в праздник местночтимого святого и «нашел повод поглумиться над их религиозным чувством: „Вот выдумали святого... да этот Артемий-то ваш тоже у Бога, что наш десятник в волости“. Непотребные хулы и ругательства следовали затем неудержимым потоком»⁵ (23 июня 1890 г., деревня Куимова, Прокуткинского прихода, Ишимского округа, Тобольской епархии).
5. Мещанин Павел Костин перед приведением к присяге на верность военной службе «громко сказал, что церковная присяга ересь и нельзя произносить „клянусь всемогущим Богом“. По окончании прочитанной священником новобранцам присяги, Костин, подойдя к аналою, в котором был положен свя-

¹ 7 статей, 7 смертей.

² Дударев М. Смерть раскольника кресторугателя // Тобольские епархиальные ведомости. 1886. № 12. С. 215–220.

³ Унжакон Стефан, свящ. Бог поругаем не бывает // Тобольские епархиальные ведомости. 1904. № 3. С. 39–41.

⁴ Беллюсов К., свящ. Кара Господня над хулильницей церкви Божьей // Тобольские епархиальные ведомости. 1889. № 23–24. С. 490–491.

⁵ Поникаровский Петр, свящ. Кара раскольника-хулильщика св. угодников Божьих // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 23–24. С. 528.

тый осьмиконечный крест, дерзко коснулся этого креста и вскрикнул: „какой это крест? На нем изображен не Иисус, а Ейсус. Это крест еретический, — я не чту его и целовать ни за что не стану“¹ (4 ноября 1891 г., Калуга).

6. Крестьянин Григорий Данилов Попов, лет 50, суконные хоругви обозвал «полотняными идолами»² (лето 1901 г., деревня Цепошникова прихода Заводо-Успенской церкви, Тобольская епархия).
7. Немолодой крестьянин Семен Еликов перед односельчанами «начал поносить православную церковь и веру, произносить пошлые и непристойные для человека, верующего во Христа, ругательства... Ругал самыми грязными словами архиереев, духовенство, церкви, не пощадил даже и самый образ Богоматери <... > „Это вы думаете“, говорил он, „и ждете, что вам наши косматые дьяволы — попы несут св. икону с Афона, несут ваши еретики вам картину самого сатаны“...»³ (1913 г., село Сивсковское, Ишимского уезда, Тобольской губернии).

Соответственно, смертью в источнике карались старообрядческие выступления против православного креста, икон, причастия, присяги, праздников, в целом — устава православной церкви.

Между прочим, подтверждается вывод Комарова [2011, с. 103], что во второй половине XIX – начале XX в. значительную часть богохульных и кощунственных деяний в крестьянской среде составляли оскорбления икон и св. угодников, изображенных на них (9 выступлений против икон и 1 против хоругвей зафиксированы нами в первых трех категориях).

К четвертой категории относятся сюжеты, повествующие о наказании за «предательство» Бога⁴. Грешники в этих историях были осуждены на смерть прежде всего за то, что в определенный момент предали своего сюзерена («царя» небесного), отступились от него, поставили свое благополучие выше христианского служения.

Протоиерей Н. Тихомиров, опираясь на ранее опубликованные путевые заметки бывшего епископа Томского Макария, привел историю молодой православной крестьянки, вышедшей замуж за раскольника и под влиянием «различных истязаний»⁵ решившейся перейти в раскол.

Сельский священник Вл. Трофеев в своем опыте антиалкогольной борьбы наблюдал «чудесную смерть» крестьянина, который после соблюдения двухлетнего обета трезвости вновь увлекся «вином» и принес благодарность «врагу Христа»: «спасибо

¹ Наказанное кощунство // Пермские епархиальные ведомости. 1892. № 3. С. 108.

² Унжаков. 1904. С. 40.

³ Семенов Николай, свящ. Бог поругаем не бывает // Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 13. С. 171–173.

⁴ 4 публикации (2 содержательно идентичны, только напечатаны в номерах разных лет), в них — 3 случая «кары».

⁵ Тихомиров Николай, прот. Поучение в день собора св. Архистратига Михаила (8 ноября) // Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 30. С. 642–644.

сатане, что он соблазнил меня на вино: как легко стало у меня на душе, а то как камень какой лежал!»¹.

Эта же категория включает публикацию священника В. Ягодина в Вестнике военного духовенства (впервые напечатана там в 1902 г., вторично — в 1904 г.)². Она призвана предостеречь мужчин, неохотно идущих на военную службу или уклоняющихся от нее: «такие люди, очевидно, не любят Царя и Россию, за то и Бог не любит их и карает таковых даже смертью, как противников Его воли»³. «Молодой парень села Б-ва, Тамбовской губ., Григорий Матвеев»⁴ в 1900 г. обратился к деревенской «ворожее», после чего стал жаловаться на здоровье; на медосмотре он был признан негодным к службе, обрадовался — и в тот же день скончался.

Таким образом, в этой категории мы видим троих религиозных преступников: молодую крестьянку, не вынесшую испытания семейным насилием и вынужденную перейти в раскол; крестьянина, публично принявшего сторону «сатаны» и «сатанинской ценности» — алкоголя; молодого крестьянина, не пожелавшего покинуть семейный очаг ради солдатской службы и заручившегося поддержкой деревенской колдуньи.

Заключение

Рассказы о наказании богохульников смертью в церковных журналах конца XIX – начала XX в. сочетали в себе жанровые элементы фольклора, авторской проповеди и новостного сообщения о недавнем занимательном происшествии. Они отражали актуальные для авторов проблемы (приоритет материальных ценностей над духовными; «нестойкость» в вере; особый характер народной веры — неторжественной, профанирующей сакральное; атеизм; старообрядчество). Предполагается, что в этих текстах священнослужители подхватывали народную интерпретацию «чуда» (внезапной, неестественной смерти, часто сопряженной с необычайными обстоятельствами) и усиливали ее в рамках жанрового рассказа с четкой моралью и назиданием. В то же время вопрос о народном восприятии богохульства (точнее — о народном неприятии его) требует специального рассмотрения. Священник Н. Тихомиров (Курганский уезд, Тобольской епархии) в публикации 1913 г. упрекнул жителей деревни И. за то, что перед лицом творимого односельчанами кощунства (несколько молодых мужчин, изобразив из себя священников, ходили по домам и распевали «неприличные стихи» перед иконами) «не нашлось ни одного человека, который бы возмутился таким явным богохульством, восстал на защиту попираемой веры, принял меры к укрощению безумцев», более того — «многим понравилось наглое издевательство... многие охотно принимали, даже

¹ Трофеев. 1912. С. 105.

² Наказание Божие за уклонение от военной службы // Вестник военного духовенства. 1902. № 22. С. 692–693; 1904. № 6. С. 185–186.

³ Там же. 1902. С. 692.

⁴ Там же. 1902. С. 693.

зазывали кощунствующих»¹. Притом грозил он прихожанам не гражданскими карами, а духовными последствиями греха.

Интересно, что во всех жанровых публикациях в роли судьи и карателя выступает Бог, а не гражданские власти, участие которых в делах о богохульстве либо никак не обозначено, либо незначительно и малоэффективно. Наиболее явное их присутствие отмечено в истории о старообрядце, нарушившем церемонию воинской присяги: «делано было распоряжение об его арестовании»². В другом случае священник пригрозил богохульнику уголовным наказанием, но понял, что не сможет осуществить угрозу: «товарищи богохульника» «в один голос» сказали — «что он сказал преступного?! Он ничего не говорил!», а свидетелей рядом не было³.

В качестве **направлений дальнейших исследований** обозначим следующие:

1. Расширить круг источников, чтобы:
 - сопоставить эту тематическую подборку с другими категориями рассказов о чудесах из церковной печати: историями о чудесном исцелении, избавлении от смерти или иной опасности, раскаянии грешников на фоне чуда, выделяя общие и специфические черты категорий;
 - сравнить церковные публикации с этнографическими (историями, собранными в народной среде без последующей переработки в нравоучительный церковный текст), чтобы более четко разграничить пастырские интерпретации и элементы народной веры и оценить распространенность и мотивы богохульства в народной среде;
 - выявить следы веры в божественную кару как причину смерти в источниках иного круга — например, эго-документах (дневниках, мемуарах, письмах) духовенства, светской интеллигенции.
2. Вынести следующие вопросы в фокус исследования:
 - В зависимости от каких факторов чудо (смерть) признавалось таковым или отвергалось как недостоверная выдумка?
 - В каких формах выражался скептицизм со стороны духовенства (в частности, его наиболее образованной прослойки) в отношении подобных «быличек»?
 - Как в сознании авторов и читателей разграничивались «реальность» (достоверно действующие в повседневности силы) и «литература» (печатный текст, творчески переработанная история, поучительная выдумка)? В какую категорию (реальное/условное-литературное) попадал Бог-каратель в картине мира разных частей российского общества? И как этот образ был встроен в общую

¹ Тихомиров Николай, свящ. Поучение по поводу кощунственной выходки деревенской молодежи // Тобольские епархиальные ведомости. 1913. № 13. С. 219–222.

² Наказанное кощунство. 1892. С. 108.

³ Сюрприз за сюрпризом. 1913. С. 627.

систему представлений о божественном, включавшую в себя и образ Бога милосердного?

3. Сместить угол рассмотрения источника с темы религиозного преступления на тему смерти (способы ее изображения и функции, жанровые клише) и на эмоциональную сферу источника (эмоции богохульников, их окружения, автора-священнослужителя, подразумевавшейся читательской аудитории).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бальжанова Е. С. 2006. Понятие о грехе и преступлении у крестьян Среднего Урала (XIX – начало XX вв.) // Горнозаводской Урал в XVIII – начале XX в.: проблемы социокультурной истории: Сборник научных статей. Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 85–104.
- Буйских Ю. 2014. «Кара Божья» и «Чудо Господнее» в рассказах об осквернении святынь в текстах современной украинской крестьянской традиции // Acta Baltico-Slavica. No. 38. S. 263–278.
- Дранникова Н. В. 2020. Разрушение православных церквей и культовых сооружений в повествовательной традиции Архангельской области // Традиционная культура. Том 21. № 2. С. 91–102. <https://doi.org/10.26158/ТК.2020.21.2.008>
- Иванова И. Е. 2015. Нарративы о христианских чудесах в «Тверских Епархиальных ведомостях» // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. № 1. С. 196–202.
- Комаров Д. А. 2011. Преступники «против веры»? Религиозные преступления в крестьянской среде (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. № 3. С. 96–107.
- Крюкова С. С. 2010. Православные святыни, святость и святотатство в крестьянском правосудии (вторая половина XIX в.) // Святыни и Святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / ИЭА РАН; отв. ред. и сост.: О. В. Кириченко. М.: Наука. С. 207–240.
- Липатова А. П. 2010. К вопросу о формировании жанра легенды // Фольклор: текст и контекст: Сборник статей / Гос. республ. центр рус. фольклора. М.: Роскультпроект. С. 178–196.
- Майзульс М. 2017. Наказание святых: благочестивое богохульство в Средние века и в раннее Новое время // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Том 35. № 2. С. 15–51.
- Малахова А. С., Малахов С. Н. 2014. Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI – начало XVII в.). Армавир: Дизайн-студия Б. 298 с.
- Медведь А. Н. 2017. Болезнь и больные в Древней Руси: от рудомета до дохтура. Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб.: Издательство Олега Абышко. 288 с.
- Пелезнева Н. А. 2022. Болезнь как пространство коммуникации человека и Бога в восприятии древнерусского Книжника XI–XIII вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. № 105. С. 11–30. <https://doi.org/10.15382/sturII2022105.11-30>

- Смилянская Е. Б. 2003. Волшебники. Богохульники. Еретики: Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик. 462 с.
- Сморжевских-Смирнова М. А. 2001. Болезнь и смерть грешника: средневековые образцы в сказании Авраамия Палицына // Русская филология. 12: сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Издательство Тартуского университета. С. 29–35. https://www.smorzhevskihh.com/Public/Bolezn_i_smert_greshnika.html (дата обращения: 12.12.2024).
- Стрелкова О. С. 2011. Жанр рассказа о чудесах на страницах Курской духовной периодики XIX – начала XX вв. // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. № 6 (44). С. 253–259.
- Шеваренкова Ю. М. 2003. Легенды-былички как жанровая разновидность фольклорной легенды // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Филология. № 1. С. 52–57.
- Штырков С. А. 2001. Наказание святотатцев: фольклорный мотив и нарративная схема // Труды факультета этнологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. Вып. 1: Фольклористика. С. 198–210.
- Юрчук Л. А., Казаков И. В. 2018. Псковские легенды о наказании за разрушение храмов // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, Москва, 23–25 мая 2018 года. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. С. 88–91.

References

- Bal'zhanova, E. S. (2006). Ponyatie o grekhe i prestuplenii u krest'yan Srednego Urala (XIX – nachalo XX vv.) [The concept of sin and crime among the peasants of the Middle Urals (XIX–early XX c.).] In *Gornozavodskoy Ural v XVIII – nachale XX v.: problemy sotsiokul'turnoy istorii: Sbornik nauchnykh statey* [Gornozavodskoy Ural in the 18th–20th c.: Problems of Socio-Cultural History] (pp. 85–104). Bank kul'turnoy informatsii. [In Russian]
- Buyskikh, Yu. (2014). “Kara Bozh'ya” i «Chudo Gospodnee» v rasskazakh ob oskvernenii svyatyn' v tekstakh sovremennoy ukrainskoy krest'yanskoy traditsii [“Divine Punishment” and “Miracle of the Lord” in stories about the desecration of shrines in the texts of modern Ukrainian peasant tradition]. *Acta Baltico-Slavica*, (38), 263–278. [In Russian]
- Drannikova, N. V. (2020). Razrushenie pravoslavnykh tserkvey i kul'tovykh sooruzheniy v povestvovatel'noy traditsii Arkhangel'skoy oblasti [Destruction of Orthodox churches and religious buildings in the narrative tradition of the Arkhangelsk Region]. *Traditsionnaya kul'tura*, 21(2), 91–102. <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.008> [In Russian]
- Ivanova, I. E. (2015). Narrativy o khristianskikh chudesakh v “Tverskikh Eparkhial'nykh vedomostyakh” [Narratives on Christian miracles in *Tverskiye Eparkhial'nykh Vedomosti*]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, (1), 196–202. [In Russian]
- Komarov, D. A. (2011). Prestupniki “protiv very”? Religioznye prestupleniya v krest'yanskoy srede (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Breachers “of faith”? Religious crimes in the peasant environment (late 19th–early 20th c.).] *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, (3), 96–107. [In Russian]

- Kryukova, S. S. (2010). Pravoslavnye svyatyani, svyatost' i svyatotatstvo v krest'yanskom pravosudii (vtoraya polovina XIX v.) [Orthodox shrines, sanctity and sacrilege in peasant justice (late 19th c.). In O. V. Kirichenko (Ed.), *Svyatyani i Svyatost' v zhizni russkogo naroda: etnograficheskoe issledovanie* [Shrines and Sacrality in the life of the Russian People: An Ethnographic Study] (pp. 207–240). Nauka. [In Russian]
- Lipatova, A. P. (2010). K voprosu o formirovani zhanra legendy [To the question of the formation of the legend genre]. In *Fol'klor: tekst i kontekst* [Folklore: Text and Context] (pp. 178–196). Tsentr kul'turnykh strategiy i proektnogo upravleniya. [In Russian]
- Mayzul's, M. (2017). Nakazanie svyatykh: blagochestivoe bogokhul'stvo v Srednie veka i v rannee Novoe vremya [Punishment of the saints: pious blasphemy in the Middle Ages and early Modern times]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 35(2), 15–51. [In Russian]
- Malakhova, A. S., & Malakhov, S. N. (2014). Fenomen bolezni v soznanii i povsednevnoy zhizni cheloveka Drevney Rusi (XI – nachalo XVII v.) [The Phenomenon of Illness in the Consciousness and Daily Life of a Man in Ancient Russia (11th–early 17th c.)]. Dizayn-studiya B. [In Russian]
- Medved', A. N. (2017). Bolezni' i bol'nye v Drevney Rusi: ot rudometa do dokhtura. Vzglyad s pozitsiy istoricheskoy antropologii [Illness and the Sick in Ancient Russia: From Rudomet to Dokhtur. A Historical Anthropological View]. Izdatel'stvo Olega Abyshko. [In Russian]
- Pelezneva, N. A. (2022). Bolezni' kak prostranstvo kommunikatsii cheloveka i Boga v vospriyatii drevnerusskogo Knizhnika XI–XIII vv. [Disease as a space of communication between man and god in the perception of the Old Russian Knizhnik in 11th–13th c.]. *Vestnik Pravoslavnoy Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, (105), 11–30. <https://doi.org/10.15382/sturI2022105.11-30> [In Russian]
- Smilyanskaya, E. B. (2003). *Vol'shebniki. Bogokhul'niki. Eretiki: Narodnaya religioznost' i "dukhovnye prestupleniya" v Rossii XVIII v.* [Magicians. Blasphemers. Heretics: Popular Religiosity and "Spiritual Crimes" in Russia in the 18th c.]. Indrik. [In Russian]
- Smorzhevskikh-Smirnova, M. A. (2001). Bolezni' i smert' greshnika: srednevekove obrazy skazanii Avraamiya Palitsyna [Sickness and death of a sinner: medieval samples in the Tale of Abrahamiy Palitsyn]. In T. Freiman & O. Palikova (Eds.), *Russkaya filologiya. 12: sobranie nauchnykh rabot molodykh filologov* [Russian Philology. 12: Collected Research Works of Young Philologists] (pp. 29–35). Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta. Retrieved Dec. 12, 2024, from https://www.smorzhevskikh.com/Public/Bolezni_i_smert_greshnika.html
- Strelkova, O. S. (2011). Zhanr rasskaza o chudesakh na stranitsakh Kurskoy dukhovnoy periodiki XIX – nachala XX vv. [Genre of the story of miracles on the pages of Kursk spiritual periodicals of the 19th–early 20th c.]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, (6), 253–259. [In Russian]
- Shevarenkova, Yu. M. (2003). Legendy-bylichki kak zhanrovaya raznovidnost' fol'klornoy legendy [Legendy-bylichki as a genre variety of folklore legend]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya*, 1, 52–57. [In Russian]
- Shtyrkov, S. A. (2001). Nakazanie svyatotattsev: fol'klorny motiv i narrativnaya shema [Punishment of the sacrilegious: folklore motif and narrative scheme]. *Trudy fakul'teta etnologii*.

Vyp. 1: Fol'kloristika [Proceedings of the Faculty of Ethnology. Vol. 1: Folkloristics] (pp. 198–210). Izd-vo Evropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge. [In Russian]

Yurchuk, L. A., & Kazakov, I. V. (May 23–25, 2018). Pskovskie legendy o nakazanii za razrushenie khramov [Pskov legends about punishment for the destruction of temples]. In *Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeystvie: Proceedings of the International Symposium "XIX Kirillo-Mefodievskie chteniya"* (pp. 88–91). [In Russian]

Информация об авторе

Анна Андреевна Бушуева, преподаватель-исследователь, ассистент кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет, Курган, Россия
anna_b2022@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1100-8561>

Information about the author

Anna A. Bushuyeva, Lecturer-Researcher, Assistant, Department of History and Documentation, Kurgan State University, Kurgan, Russia
anna_b2022@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1100-8561>

Научное издание

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные исследования. Humanitates

2024. Том 10. № 4 (40)

Редакторы	<i>Ю. С. Черемисина, К. О. Бахтина, А. Е. Данилевская, Е. В. Бучкина, А. А. Горбунов, Ю. Ф. Евстигнеева, Т. А. Протасов</i>
Перевод	<i>Е. В. Бучкина, Ю. С. Черемисина, А. А. Горбунов, Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>И. А. Штоль</i>
Дизайн обложки	<i>Г. Ф. Бикмулина</i>
Печать	<i>А. В. Башкиров</i>

В оформлении (с. 42, 58) использован рисунок *Г. С. Верейского* (1886–1962).

Дата выхода в свет 24.12.2024

Формат 70 × 108/16. Бумага Xerox Perfect Print

Обложка Stromcard LI. Гарнитура Arno Pro

Печать цифровая. 12,25 усл. печ. л., 9,8 уч.-изд. л.

Цена свободная.

Тираж 500 экз. Заказ № 301